

ISSN 2708-1095

Государственное учреждение образования
«Республиканский институт высшей школы»

**«ДОЛГИЙ XIX ВЕК»
В ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ
И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ:
ИССЛЕДОВАНИЯ ПО НОВОЙ
И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ**

Сборник научных трудов

Основан в 2017 году

Выпуск 4

Минск
РИВШ
2020

Рекомендовано
редакционно-издательской комиссией
ГУО «Республиканский институт высшей школы»
(протокол № 6 от 19 декабря 2019 г.)

Редакционная коллегия:
чл.-кор. НАН Беларуси, д-р ист. наук, проф. *И. А. Марзалюк* (пред.);
канд. ист. наук, доц. *С. Ф. Шимукович* (отв. за выпуск);
д-р ист. наук, проф. *В. А. Космач*;
д-р ист. наук, проф. *В. С. Кошелев*;
д-р ист. наук, проф. *Г. Г. Лазько*;
д-р ист. наук, проф. *А. М. Лютый*;
д-р истории *О. Мастяница-Станкевич* (Литва, Вильнюс);
д-р ист. наук, проф. *С. И. Никонова* (Россия, Казань);
д-р ист. наук, проф. *И. Р. Чикалова*;
д-р ист. наук, проф. *В. И. Яковчук*;
канд. ист. наук, доц. *В. А. Сосно*;
канд. ист. наук, доц. *В. А. Теплова*

Д64 «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исследование по Новой и Новейшей истории: сб. науч. тр. Вып. 4 / редкол.: И. А. Марзалюк (пред.) [и др.]. – Минск : РИВШ, 2020. – 242 с.

Сборник научных трудов, включенный ВАК Республики Беларусь в перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований, содержит научные статьи, в которых ученые-историки рассматривают разные аспекты развития Восточной Европы и территории современной Беларуси в интересный, насыщенный событиями исторический период, обозначенный Э. Хобсбаумом как «долгий XIX век». Издается в рамках Государственной программы научных исследований «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» на 2016–2020 гг. (задание 1.1.03 «История и культура», подзадание 1.1.03.3 «Формирование элит на территории Беларуси в XIX – начале XX века», № госрегистрации 20160828).

Адресован профессиональным и начинающим исследователям, преподавателям, студентам и всем, кто интересуется историей Нового времени Беларуси.

РАЗДЕЛ 1. ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Зянюк Р. У.

ДНУ «Институт гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі»,
Мінск, Беларусь

Zianiuk R.

Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk, Belarus

УДК 272-788(476):930.1(438)“1772/1917”

ПОЛЬСКАЯ ГІСТАРЫЯГРАФІЧНАЯ ТРАДЫЦЫЯ ВЫВУЧЭННЯ ДЗЕЙНАСЦІ РЫМСКА-КАТАЛІЦКІХ МАНАСКІХ ОРДЭНАЎ У БЕЛАРУСІ (1772–1917)

POLISH HISTORIOGRAPHIC TRADITION OF STUDYING ROMAN CATHOLIC MONASTIC ORDERS' ACTIVITIES IN BELARUS (1772–1917)

У артыкуле прадстаўлены асноўныя традыцыі польскай гістарыяграфіі ў вывучэнні гісторыі і дзейнасці рымска-каталіцкіх манаскіх ордэнаў у Беларусі падчас уваходжання беларускіх земляў у склад Расійскай імперыі. Да іх адносяцца пераважна вывучэння тэмы, разуменне беларускіх земляў як «забраных польскіх», суіснаванне і ўзаемадапаўненне дзвюх плыняў у даследаванні праблемы: свецкай і царкоўнай, наяўнасць ордэнскіх гістарыяграфічных школ.

Ключавыя словы: польская гістарыяграфія; гісторыя касцёла; рымска-каталіцкая царква; Расійская імперыя.

The article deals with the main trends of Polish historiography in studying the history and the activities of the Roman-Catholic monastic orders in the territory of Belarus during Russian Empire times. Including the following: the research of the issue have never been interrupted; treating Belarus as «Polish lands being annexed»; co-existence and complementarity of secular and ecclesiastic approaches; historiographical schools of the orders themselves.

Keywords: Polish historiography; history of the Roman Catholic church; Roman Catholic church; Russian Empire.

Рымска-каталіцкія манаскія ордэны – найбольш дынамічная і колькасная структурная адзінка каталіцкага касцёла. Менавіта ордэны на тэрыторыі беларускіх земляў былі ўключаны не толькі ў рэлігійную, але і ў адукацыйную, выдавецкую, медыцынскую, дабрачынную дзейнасць. Да рымска-каталіцкіх манаскіх ордэнаў у дадзеным артыкуле адносіцца ўся разнастайнасць арганізацыі манаскага жыцця ў рымска-каталіцкім касцёле: як уласна манаскія ордэны (бенедыкцінцы, цыстэрцыяны і інш.), так і жабрачыя ордэны (дамініканцы, францысканцы, кармеліты), рэгулярныя канонікі і рэгулярныя клерыкі (канонікі рэгулярныя латэранскія, езуіты, піяры), кангрэгацыі (місіянеры, марыяне і інш.).

Польская традыцыя вывучэння гісторыі каталіцкага касцёла ў цэлым і гісторыі каталіцкіх манаскіх ордэнаў у прыватнасці сур'ёзна адрозніваецца ад беларускай (падрабязней пра беларускую гл.: [73]). Гэта абумоўлена шэрагам фактараў. Дамінуючым, аднак, з'яўляецца перарваная традыцыя існавання структур рымска-каталіцкага касцёла ў Польшчы. Да іх адносяцца не толькі адміністрацыйна-тэрытарыяльныя (мітраполіі, дзяцэзіі, парафіі), але і навучальныя ўстановы: духоўныя семінарыі, каталіцкія ВНУ (напрыклад, Люблінскі каталіцкі ўніверсітэт). Акрамя іх працягвалі дзейнічаць і разнастайныя каталіцкія манаскія ордэны, якія мелі ўласную сістэму падрыхтоўкі сваіх членаў, сфарміраваную стагоддзямі. Наяўнасць каталіцкіх навучальных устаноў спрыяла развіццю напрамкаў навукі, якія не толькі не развіваліся ў Беларусі, але і ў пэўных гістарычных умовах лічыліся псеўда-навукай, напрыклад, тэалогія.

Гісторыя касцёла ў трактоўцы тэалогіі з'яўляецца напрамкам апошняй і, адпаведна, даследуецца ў тэалагічным кантэксце. Калі разглядаць гісторыю касцёла як складнік тэалогіі, то ён прадстаўлены шэрагам напрамкаў і блокаў: патралогія, гісторыя і тэалогія патрыстычнай літаратуры, уласна гісторыя касцёла (сусветная), «рэгіянальная» гісторыя касцёла (у тых ці іншых дзяржавах, напрыклад, у Францыі, Польшчы [28], альбо рэгіёнах, напрыклад, у Еўропе, Лацінскай Амерыцы, Азіі, Афрыцы), гісторыя тэалогіі, гісторыя хрысціянскай культуры, метадалогія і дапаможныя гістарычныя дысцыпліны, касцельная архівістыка і гісторыя каталіцкіх манаскіх ордэнаў як асобны напрамак.

Мэтай гісторыі касцёла як тэалагічнай дысцыпліны з'яўляецца прадстаўленне гісторыі ў эклезіялагічным, а не толькі структурным сэнсе [1, s. 8]. Менавіта ў такім кантэксце даследуюцца ўсе аспекты да-

дзенага напрамку. Таму ўжо ў канцы XIX – пачатку XX ст. былі выдадзены дзве серыі «Касцельных энцыклапедый» (33-томная «Encyklopedja Kościelna podług teologicznej encyklopedji Wetzera i Weltego z licznemi jej dopełnieniami», 1873–1933 гг., і 44-томная «Podręczna encyklopedia kościelna», 1903–1916 гг.), у якіх прысутнічалі не толькі артыкулы па тэалогіі, літургіцы, патрыстыцы і інш., але і колькасныя артыкулы па пытаннях гісторыі і дзейнасці ордэнаў, у тым ліку на беларускіх землях. Падобнае выданне было здзейснена польскімі царкоўнымі і свецкімі даследчыкамі ў канцы XX ст.

У сувязі з гэтым перш за ўсё можна гаварыць пра даследаванне гісторыі ордэнаў і кангрэгацый у кантэксте агульных даследаванняў гісторыі касцёла. У такім выпадку ордэны традыцыйна разглядаюцца як адзін з яго структурных элементаў [39; 40; 42; 43]. Яны даюць тэалагічнае абгрунтаванне іх узнікнення, фарміравання і дзейнасці, а таксама царкоўных юрыдычных нормаў і іх эвалюцыі адносна функцыянавання каталіцкіх манаскіх ордэнаў, удзелу ордэнаў у культурнай, дабрачыннай, адукацыйнай сферах жыцця грамадства.

Агульныя даследаванні па гісторыі тэалогіі і тэалагічнай думкі засяроджваюцца і на ордэнскіх адукацыйных цэнтрах (манастыры, дзе дзейнічалі манаскія студыі, семінарыі і акадэміі). Напрыклад, у «Гісторыі польскай тэалогіі» ўвага скіравана на гісторыю навучальных устаноў, якія ўтрымлівалі ордэны як для адукацыі ўласных членаў, так і прызначаная для свецкіх асоб. Гістарычны кантэкст павінен быў дапамагчы раскрыць умовы развіцця тэалагічнай думкі. Такім чынам, у дадзеных працах даследуюцца гісторыя і дзейнасць езуіцкіх, піярскіх, французсканскіх, дамініканскіх, місіянерскіх вышэйшых навучальных устаноў [6; 13; 50].

Царкоўныя структуры не былі адарванымі ад агульных грамадска-палітычных і культурных падзей, таму традыцыйна вывучаліся і ў кантэксте агульнагістарычных даследаванняў свецкіх гісторыкаў, што спрыяла фарміраванню своеасаблівага сімбіёзу даследаванняў гісторыі касцёла і яго структур. Не толькі каталіцкія ўніверсітэты маюць у сваіх структурах кафедры гісторыі ордэнаў (як, напрыклад, Люблінскі каталіцкі ўніверсітэт). Польскія дзяржаўныя ВНУ паспяхова рэалізуюць праекты па гісторыі манаства, ствараюць лабараторыі па вывучэнні розных аспектаў функцыянавання ордэнаў і кангрэгацый. Напрыклад, у Вроцлаве дзейнічала лабараторыя даследаванняў гісторыі кляштаруў і касцельных кангрэгацый (кіраўнік – прафесар М. Дэрвіх), а таксама

рэалізуецца праект па гісторыі касацый каталіцкіх манастыроў у XIX ст. (кіраўнік – прафесар М. Дэрвіх).

Такім чынам, гісторыя касцёла як элемент даследуецца ў кантэксте агульнай гісторыі Польшчы. Гэта часам выклікае дыяметральна супрацьлеглыя трактоўкі тых ці іншых гістарычных з’яў. Прымяняльна да перыяду 1772–1917 гг. да такіх з’яў можна аднесці канфесійную палітыку расійскіх улад, пытанне захавання ордэна езуітаў і забароны яго дзейнасці ў 1820 г. Царкоўныя даследчыкі трактуюць канфесійную палітыку ў адносінах да каталіцкага касцёла як рэпрэсіўную, як і забарону дзейнасці ордэна езуітаў у 1820 г. [25; 71] і хвалі касацый манастыроў пасля паўстанняў 1830–1831 і 1863–1864 гг. [18]. У сваю чаргу свецкія даследчыкі, напрыклад, адзначаюць трактоўку падзей 1820 г. у тагачаснай прэсе як следаванне Аляксандрам I прагрэсіўным ідэям асветніцтва [10, s. 55].

Агульнай характэрнай асаблівасцю польскіх даследаванняў з’яўляецца тое, што пры даследаванні гісторыі касцёла і як напрамку тэалогіі, і як напрамку гісторыі яна разглядаецца і свецкімі, і царкоўнымі (духоўнымі асобамі) даследчыкамі.

Найчасцей гісторыя канкрэтнага ордэна ўваходзіць у сферу зацікаўленасці членаў гэтага ордэна. Таму можна нават гаварыць пра фарміраванне «ордэнскіх гістарыяграфічных школ». Іх фарміраванню спрыяе ўнутрыордэнская спецыфіка даследаванняў (гісторыя спалучаецца з гісторыяй духоўнасці канкрэтнага ордэна, літургічнымі традыцыямі і інш.), а таксама наяўнасць уласнай базы крыніц, сканцэнтраванай у разнастайных ордэнскіх архівах (напрыклад [62; 67]). Гэта генеральныя, правінцыяльныя, кляштарныя архівы [72]. Такія крыніцы ў шэрагу выпадкаў недаступныя знешнім даследчыкам, у сувязі з чым іх каштоўнасць значна ўзрастае. У такой сітуацыі найчасцей гісторыя ордэна распрацоўвалася і працягвае распрацоўвацца ордэнскімі архівістамі. Да іх можна аднесці езуітаў Станіслава Заленскага [71] і Людвіка Гжэбена [26], кармеліта Бенігна Ваната [62; 63], дамініканца Роберта Свентахоўскага [61] і інш.

У якасці прыкладаў найбольш сфарміраваных польскіх ордэнскіх гістарыяграфічных школ можна прывесці езуіцкую, дамініканскую, французсканскую, кармеліцкую і місіянерскую. У цэлым яны адпавядаюць касцельнай структуры, у якой пералічаныя ордэны маюць найбольш трывалыя і колькасныя пазіцыі.

Моцную ўласную гістарыяграфічную школу стварылі езуіты. Гістарычна склалася так, што менавіта беларускія землі ў складзе Расійскай

імперыі сталі той тэрыторыяй, дзе ордэн перажыў часы свайго крызісу. Забаронены папам Кліментам XIV у 1773 г. ордэн дзякуючы дэманстрацыі непадпарадкавання Рыму Кацярынай II застаўся дзейнічаць. Паколькі на момант 1773 г. у склад Расійскай імперыі былі ўключаны менавіта ўсходнебеларускія землі, то толькі на іх захаваліся і дзейнічалі езуіцкія кляштары і калегіумы. І менавіта беларускія землі сталі цэнтрам жыцця ордэна на наступныя паўстагоддзя. Дзякуючы гэтаму ў сваіх даследаваннях польскія езуіты пільную ўвагу звяртаюць на беларускія землі. Асаблівым чынам увага канцэнтруецца і на «беларускім перыядзе» дзейнасці ордэна. Першымі грунтоўнымі даследаваннямі сталі працы, сканцэнтраваныя менавіта на гэтым гістарычным перыядзе. Першая праца была створана яшчэ ў першай палове XIX ст. секулярызаваным езуітам Станіславам Шантырам, які працаваў на беларускіх землях (у Слуцку) [59]. Асаблівая ўвага ў ёй надаецца ўплыву ордэна езуітаў на адносіны дзяржавы і касцёла, а таксама касцёла (іерархіі) і ордэнаў. Трохі пазней Станіслаў Заленскі выдаў агульную гісторыю езуітаў у Польшчы [71]. У XX ст. традыцыю даследавання гісторыі і дзейнасці езуітаў у Беларусі працягнулі М. Інглот [74], С. Бесь [4; 5] і інш.

На сённяшні дзень менавіта езуіты маюць найбольш распрацаваныя ўласнымі даследчыкамі рознабаковыя аспекты гісторыі ордэна. У 1996 г. была выдадзена «Энцыклапедыя ведаў пра езуітаў» пад рэдакцыяй езуіта Людвіка Гжэбеня [12]. Улічваючы адукацыйны характар дзейнасці ордэна езуітаў, значная колькасць прац прысвечана езуіцкай сістэме адукацыі ў цэлым [3] і асобным навучальным установам ордэна [4; 50; 51; 53].

Гісторыя ордэна дамініканцаў пачынаючы з XIX ст. таксама даследавалася яго членамі: а. Садакам Баранчам, а. Робертам Свентахоўскім [61], а. Янам Анджэем Спежам, а. Марэкам Мілавіцкім. Так, а. Садак Баранч [2] распачаў даследаванне гісторыі ордэна ў межах Рэчы Паспалітай 1772 г. праз гісторыю яго кляштараў, аб'яднаных у тры правінцыі: Польскую, Рускую і Літоўскую. У XX ст. традыцыю даследавання гісторыі і дзейнасці ордэна прапаведнікаў працягнулі дамініканцы Ян Спеж [57], Славамір Бжазецкі [9], Марэк Мілавіцкі [48]. Менавіта яны звярнулі ўвагу на дзейнасць ордэна пасля падзелаў Рэчы Паспалітай у Расійскай імперыі, вылучылі асноўныя напрамкі дзейнасці дамініканцаў, да якіх аднеслі душпастырства, адукацыю, культуру і гаспадарку.

Ордэн кармелітаў мае дзве галіны. На беларускіх землях у перыяд 1772–1917 гг. найбольш моцную пазіцыю мелі кармеліты старых

правіл, якіх часцей называюць кармелітамі чаравічковымі або абутымі. Кармеліты босыя, у сваю чаргу, мелі значна менш кляштаруў (Глыбокае, Гродна, Гудагай, Мядзел), аднак на сённяшні дзень яны маюць больш моцную гістарыяграфічную школу. Найбольш грунтоўнай з’яўляецца праца кармеліта а. Бенігнуса Юзафа Ваната [63], на аснове якой ён атрымаў ступень доктара хабілітаванага. Па сваёй структуры праца традыцыйная для ордэнскай гістарыяграфіі і ўтрымлівае тры раздзелы: першы прысвечаны агульным звесткам пра ордэн і польскую правінцыю; другі – гісторыі кожнага паасобку мужчынскага кляштара ў межах польскай правінцыі, у тым ліку гродзенскага [63, s. 508–513], глыбоцкага [63, s. 458–472], гудагайскага [63, s. 568–575] і мядзельскага [63, s. 557–568]; трэці – кляштарам кармелітанак босых (на тэрыторыі Беларусі не дзейнічалі). У падобным ракурсе вядзецца гісторыя даследавання ордэна кармелітам Чэславам Гілем [21]. Ён распрацаваў гісторыю фарміравання адміністрацыйна-тэрытарыяльных структур ордэна [22]. Арганізацыя і развіццё тэалагічнай школы кармелітаў даследуецца ў асобным раздзеле агульнай працы, прысвечанай гісторыі тэалогіі ў Польшчы [13].

Ордэн францысканцаў з цягам часу быў падзелены на тры галіны: францысканцаў канвентуальных, бернардынцаў (абсервантаў), капуцынаў. На беларускіх землях найбольш моцныя пазіцыі ў даследуемы перыяд мелі бернардынцы і канвентуальныя францысканцы. Капуцыны дзейнічалі кароткі тэрмін у паезуіцкім касцёле ў Юравічах. У цэлым гістарыяграфія кожнай з гэтых галін распрацавана дастаткова аднародна. Частымі з’яўляюцца абагульняючыя даследаванні па гісторыі ордэна францысканцаў, у якіх сабраны працы па гісторыі ўсіх яго галін, як, напрыклад, «Польскія францысканцы», «Ордэны св. Францыска ў Польшчы» і інш. Даследаванні па гісторыі тэалагічнай думкі ордэна таксама закранаюць усе тры галіны [6].

Даследаванні па гісторыі канвентуальных францысканцаў (без уліку змешчаных у агульных працах) прадстаўлены даследаваннямі францысканца а. Юзафа Макачыка, які доўгі час працаваў у Беларусі, і традыцыйна канцэнтруюцца на гісторыі і дзейнасці тых кляштаруў, якія дзейнічалі ў межах вызначаных адміністрацыйна-тэрытарыяльных адзінак (напрыклад, гродзенскай кустодыі [46]). Гісторыя бернардынцаў таксама прадстаўлена шэрагам калектыўных прац [33; 68] і манаграфічнымі даследаваннямі.

Адна з найбольш моцных гістарыяграфічных школ належыць кангрэгацыі місіянераў [54]. Акрамя даследаванняў уласна місіянераў па

гісторыі ордэна, яго правінцыі [55] і кляштараў, кангрэгацыя ў канцы XIX – першай палове XX ст. арганізавала выданне часопіса «Штогоднік абедзвюх кангрэгацый» (Roczniki obydwóch zgrupowań), у якім друкаваліся не толькі актуальныя на момант выхаду справы місіянераў, але і гістарычныя даследаванні [56]. У 1946 г. часопіс трансфармаваўся ў «Наша мінулае» (Nasza Przyszłość). У ім працягвалі друкаваць навуковыя артыкулы па гісторыі касцёла, у тым ліку прысвечаныя каталіцкім манаскім ордэнам і кангрэгацыям. У XX ст. місіянеры здзейснілі шэраг даследаванняў па гісторыі кангрэгацыі, якія ахоплівалі гісторыю адміністрацыйна-тэрытарыяльных адзінак [31], гісторыю асноўнага напрамку дзейнасці місіянераў – падрыхтоўка святароў у семінарыях [11] і інш.

З жаночых ордэнаў найбольш трывалую гістарыяграфічную базу маюць бенедыкцінкі. Звязана гэта з распрацоўкай гісторыі ордэна адной з манахінь – Малгажатай Баркоўскай. У сферу яе цікавасці ўваходзілі прасапаграфія [7; 8] і гісторыя манаскай штодзённасці.

Цікавай з’явай у польскай гістарыяграфіі з’яўляецца своеасаблівы сімбіёз: даследаванне гісторыі аднаго ордэна членамі іншага альбо дыяцэзіяльным духавенствам, што тлумачыцца як блізкасцю ордэнскіх традыцый, так і ўзаемнымі навуковымі сувязямі паміж ордэнамі і духавенствам. Напрыклад, вядомым даследчыкам гісторыі французскагаў быў дыяцэзіяльны ксёндз Каміль Кантак [32].

Разам з духавенствам гісторыяй манаскіх ордэнаў у Польшчы займаюцца і свецкія даследчыкі. Іх працы таксама прысвечаны даследаванню асноўных формаў і зместу дзейнасці каталіцкіх манаскіх ордэнаў. Адным з першых і найбольш вядомых даследчыкаў гісторыі ордэна прапаведнікаў (дамініканцаў) пачатку XX ст. быў Ян Марэк Гіжыцкі (псеўданім – Валыняк). Працы канца XIX – пачатку XX ст. вельмі падобныя па стылі падачы матэрыялу і напрамках даследавання: гэта гісторыя ордэна ў межах той ці іншай правінцыі, альбо гісторыя кляштараў у тых жа межах. У выпадку даследаванняў Я. М. Гіжыцкага гэта дзве правінцыі дамініканцаў: Літоўская (ахоплівала беларускія, літоўскія і латвійскія землі) і Руская (ахоплівала беларускія і ўкраінскія землі) [64; 65]. Я. М. Гіжыцкі з’яўляўся аўтарам не толькі шэрагу прац па гісторыі дамініканскага ордэна, але і прац, прысвечаных гісторыі езуітаў (Полацкай акадэміі) [25; 23], кармелітаў [66] і інш.

Да найбольш вядомых свецкіх даследчыкаў другой паловы XX ст. можна аднесці Ежы Клачоўскага, Паўла Пятра Гаха, Ежы Флягу, Ста-

ніслава Літака. Так, Е. Клачоўскаму належыць шэраг прац па гісторыі ордэна дамініканцаў [36; 37], П. Гах даследаваў гісторыю кармелітаў [16], С. Літак у сваіх даследаваннях сканцэнтраваны на структуры рымска-каталіцкага касцёла на момант першага падзелу [44; 45].

Вынікам наяўнасці дзвюх плыняў (свецкай і царкоўнай – па прыналежнасці аўтараў) становяцца грунтоўныя працы. Тэматыка іх даследаванняў дастаткова шырокая: адны з іх асвятляюць гісторыю і дзейнасць усіх ордэнаў у межах вызначанай адміністрацыйна-тэрытарыяльнай адзінкі (дзяцэзіі [47; 52] альбо правінцыі [36]), другія – гісторыю і дзейнасць аднаго ордэна, пачынаючы ад моманту яго ўзнікнення альбо ад моманту з’яўлення ў той ці іншай дзяржаве. Узорнымі з’яўляюцца калектыўныя працы па гісторыі ордэна дамініканцаў, змешчаныя ў двухтомніку пад рэдакцыяй Е. Клачоўскага [58; 70]. Ён з’яўляўся каардынатарам выдання атласа гісторыі ордэна, далучанага да згаданага двухтомніка.

Яшчэ адным вынікам суіснавання некалькіх школ стала стварэнне значнай колькасці прац, прысвечаных гісторыі і дзейнасці каталіцкіх манаскіх ордэнаў у перыяд знаходжання беларускіх зямляў у складзе Расійскай імперыі [15; 17]. Акрэсленне «Беларусь» прымяняльна да перыяду 1772–1917 гг. польскімі даследчыкамі практычна не выкарыстоўваецца. У шэрагу выпадкаў гэта адзначэнне «землі сённяшняй Беларусі», у іншых – польскія «забраныя землі» альбо «(акрэсленыя) губерні Расійскай імперыі». У сувязі з гэтым беларускія землі ўваходзяць у працы, геаграфічныя межы якіх найчасцей акрэслены як «Польшча, польскія землі». Выключэнне складаюць езуіцкія даследчыкі, для якіх асабліва важным перыядам у гісторыі ордэна застаецца так званы «беларускі» (1772–1820 гг.). І менавіта яны прымяняльна як да перыяду, так і да тэрыторыі ўжываюць акрэсленне «беларускі/беларускія» [4; 5].

Даследчыкі звяртаюць увагу на разнастайныя аспекты функцыянавання і дзейнасці каталіцкіх манаскіх ордэнаў. Адною з найбольш распрацаваных з’яўляецца ўнутрыордэнская адукацыя [14], яе формы і метады. Аднак такія працы канцэнтруюць увагу пераважна на перыядзе да канца XVIII ст. і не паказваюць, як эвалюцыянавала сістэма ўнутрыордэнскай адукацыі, а таксама яе змест пасля ўключэння беларуска-літоўскіх зямляў у склад Расійскай імперыі. Больш інфарматыўнымі аказваюцца працы, прысвечаныя даследаванню каталіцкіх навучальных устаноў для свецкіх навучэнцаў [27; 30; 38; 40, cz. 3].

У кантэксце агульных даследаванняў у акрэслены перыяд разглядаецца палітыка расійскіх улад адносна каталіцкіх манаскіх ордэнаў. У перыяд пасля паўстання 1830–1831 гг. яна палягала на касацыі манастыроў і ўвядзенні новых законапалажэнняў. Таму ў гістарыяграфіі такія мерапрыемствы акрэсліваюцца адназначна як «татальная вайна з польскасцю» [35, s. 32]. Менавіта касацыі прысвечана большая колькасць тэматычных прац. Самай грунтоўнай з’яўляецца абагульняючая манаграфія П. П. Гаха [18]. У ёй аўтар выдзяляе некалькі храналагічных этапаў, падчас якіх, на яго думку, рэалізаваліся касацыйныя мерапрыемствы: 1772–1807 гг., перыяд напалеонаўскіх войнаў, 1815–1830, 1830–1860, 1864–1869 гг. У межах гэтых храналагічных этапаў даследаванні вядзецца па праблемнай і тэрытарыяльнай прыкметах. Так, кожная глава, акрамя вызначэння асноўных тэндэнцый, паказвае рэалізацыю касацыйных мерапрыемстваў на тэрыторыі Расіі, Прусіі, Аўстрыі. Асобна выдзяляецца Варшаўскае княства/Царства Польскае. У гэтых працах найбольш выразным з’яўляецца тэзіс аб некананічнасці мерапрыемстваў расійскіх улад, іх антыкаталіцкай і антыпольскай сутнасці.

Грамадска-палітычная дзейнасць ордэнаў і іх членаў даследуецца пераважна ў кантэксце агульнага аналізу падзей паўстанняў 1830–1831 і 1863–1864 гг. Найбольш вядомай працай, у якой даследуецца менавіта праблема ўдзелу духавенства ў згаданых падзеях, з’яўляецца 11-томная праца ксяндза П. Кубіцкага, частка якой прысвечана ўдзелу манаскага духавенства ў віхуры палітычных грамадска-палітычных падзей другой паловы XIX – пачатку XX ст. [41]. Ордэнская гістарыяграфія таксама звяртае ўвагу на ўдзел прадстаўнікоў уласных членаў у грамадска-палітычных падзеях [49]. Аднак адсутнічаюць абагульняючыя даследаванні, у якіх вызначалася б колькасць прадстаўнікоў манаскага духавенства ў паўстаннях, як у тэрытарыяльным, так і ў ордэнскім кантэксце.

Што датычыць гісторыі таго ці іншага напрамку дзейнасці ордэнаў, то тут неабходна ўяўляць, якія з іх традыцыяна былі больш ўласцівыя таму ці іншаму ордэну (гэта заўсёды адзначаецца ў агульных даследаваннях па іх гісторыі). Так, да «традыцыйных» напрамкаў можна аднесці адукацыю ў піяраў і езуітаў (напрыклад, дзейнасць Полацкай акадэміі [30]), ахову здароўя – у рохітаў і баніфратраў. У сваю чаргу, напрыклад, утрыманне шпітэляў тымі ж піярамі можна залічыць да нетрадыцыйнага напрамку ордэнскай дзейнасці.

Гаспадарка ордэнаў і іх кляштароў, а таксама лёсы ордэнскай маёмасці адлюстраваны ў адзіным на сённяшні дзень абагульняючым

даследаванні П. П. Гаха [19]. Аўтар дэманструе традыцыйны падыход да праблемы, які сканцэнтраваны ў высновах, дзе адзначаецца, што «дзеінасць ордэнаў у XIX ст. залежала ад знешніх фактараў, перадусім звязаных з палітыкай Прусіі, Аўстрыі і Расійскай імперыі адносна каталіцкага касцёла, адносна польскага народа» [19, s. 81]. Разам з гэтым аўтар прапануе не называць палітыку адносна ордэнаў рэпрэсіўнай. Паводле П. П. Гаха, мерапрыемствы адносна ордэнаў з’яўляліся вынікам эвалюцыі расійскай палітыкі, якая прайшла тры стадыі: асветніцкага касмапалітызму – фарміравання патрыятызму падчас вайны з Напалеонам – нацыяналізму. Менавіта вынікам гэтых тэндэнцый і была барацьба з ордэнамі, закрыццё кляштараў і г. д. У пераліку мерапрыемстваў, якія тычыліся ордэнскай маёмасці, аўтар выдзяляе мерапрыемствы адносна кляштарных бібліятэк і кнігазбораў, секулярызацыю маёмасці каталіцкага касцёла, пералічвае аб’ём паступіўшых у казну фінансаў і г. д. Аднак, як і ў выпадку іншых абагульняючых прац, беларускія землі не становяцца асобным прадметам даследавання, гаворка вядзецца толькі пра заходнія губерні і дзяццэзіі ў Расійскай імперыі. Аўтар не вывучаў рэгіянальную спецыфіку і будаваў сваю працу на аснове папярэдніх польскіх даследаванняў і крыніц.

Аднаму з асноўных напрамкаў дзейнасці манаскіх ордэнаў – душпастырству, яго формам і метадам прысвечана праца П. П. Гаха [20]. Гэта адно з нешматлікіх польскіх даследаванняў, якое ахоплівае перыяд з 1772 па 1914 г. Аўтар звяртае ўвагу не толькі на душпастырства, але і на арганізацыю ордэнскага жыцця ў гэты перыяд.

Традыцыйнымі для польскай гістарыяграфіі з’яўляюцца і працы па гісторыі асобных кляштараў [60], пэўнай мясцовасці праз гісторыю кляштара [24] альбо, як і ў выпадку з ордэнскімі даследчыкамі, гісторыі той ці іншай адміністрацыйна-тэрытарыяльнай адзінкі вызначанага ордэна.

Асобная ўвага надаецца і выдавецкай дзейнасці ордэнаў [29]. Менавіта ім да сярэдзіны XIX ст. належаў шэраг друкарняў на беларуска-літоўскіх землях. Да іх адносяцца друкарні езуітаў у Полацку, місіянераў у Вільні і інш. Аднак спецыяльных даследаванняў па гісторыі ордэнскіх друкарняў на беларускіх землях польскімі даследчыкамі не здзейснена. У пераважнай большасці выпадкаў гэты напрамак дзейнасці вывучаецца ў кантэксце гісторыі ордэна альбо кляштара, пры якім дзейнічала друкарня. Такую сітуацыю можна назіраць, напрыклад, у выпадку з Полацкай друкарняй езуітаў. Дзейнасць друкарні згадваецца ў агульных даследаваннях па гісторыі езуітаў [3; 12; 25; 23; 71]. Адным з няколь-

касных даследаванняў, прысвечаных непасрэдна полацкай друкарні, з'яўляецца артыкул Р. Сэнкоўскага і У. Качароўскага [29]. Менавіта ў ім найбольш поўна раскрываюцца аспекты арганізацыі друкарні і яе забеспячэння, працаўнікоў і кіраўнікоў, выдавецкай прадукцыі і аб'ёмы накладаў, тэматыкі і моў.

Выдатным гістарыяграфічным вынікам наяўнасці некалькіх школ становяцца калектыўныя працы, прысвечаныя гісторыі рымска-каталіцкага манаства і пэўных напрамкаў яго дзейнасці (напрыклад, адукацыйнай [69]). Так, у зборніку пад рэдакцыяй свецкіх гісторыкаў Я. Гвоздзік, Р. Віткоўскага, А. Вырвы сабраны працы як свецкіх гісторыкаў (П. П. Гаха, Г. Гапскага, М. Падпычак-Маяровіч і інш.), так і гісторыкаў – прадстаўнікоў манаскіх ордэнаў (бenedзікцінцаў М. Канёра, М. Баркоўскай і інш.) [34].

Нягледзячы на шырокую крыніцазнаўчую базу польскіх даследаванняў, прадстаўленую матэрыяламі з разнастайных архіваў каталіцкага касцёла, для польскай гістарыяграфіі характэрны адзін сур'ёзны недахоп. Падчас правядзення даследаванняў, прысвечаных гісторыі каталіцкіх манаскіх ордэнаў у Беларусі ў перыяд з 1772 па 1917 г., іх арганізацыі, структуры і дзейнасці, польскія гісторыкі (за некаторым выключэннем) практычна не выкарыстоўваюць матэрыялы беларускіх архіваў. Таму ўсе працэсы, якія адбываліся на беларускіх землях у канцы XVIII – пачатку XX ст., яны ўлічваюць у агульнае рэчышча канфесійных, грамадска-палітычных, культурных працэсаў, што адбываліся ў Расійскай імперыі. І калі ў цэлым тэндэнцыі і з'явы распрацаваны карэктна, то лакальныя асаблівасці, рэалізацыя імперскай палітыкі на беларускіх землях, рэакцыя мясцовага манаства на трансфармацыі, выяўленне спецыфікі душпастырскай, адукацыйнай, сацыяльнай і іншых напрамкаў дзейнасці практычна не даследаваны. Выключэннямі з'яўляюцца працы І. Кадульскай і М. Мілавіцкага. У сваіх даследаваннях яны выкарыстоўвалі матэрыялы беларускіх архіваў, а таксама працы езуіцкіх гісторыкаў, якія абапіраліся на крыніцы «беларускага перыяду» з уласных архіваў.

Такім чынам, для польскай гістарыяграфічнай традыцыі вывучэння манаскіх ордэнаў характэрна яе непераваранасць, што было звязана з пастаянным існаваннем структур рымска-каталіцкага касцёла ў Польшчы. Гэты фактар паўплываў на фарміраванне некалькіх школ у свецкай і царкоўнай традыцыях. Што тычыцца царкоўных гісторыкаў, то можна гаварыць пра фарміраванне імі ордэнскіх гістарыяграфічных школ, якія маюць тэндэнцыю да ацэнкі ўрадавых мерапрыемстваў ад-

носна ордэнаў і іх дзейнасці з пазіцыі адпаведнасці або неадпаведнасці кананічнаму праву. Свецкія даследчыкі распрацоўваюць разнастайныя аспекты гісторыі каталіцкіх манаскіх ордэнаў праз аналіз тых ці іншых напрамкаў дзейнасці, праз гісторыю дзейнасці канкрэтнага ордэна на вызначанай тэрыторыі. Да асноўных напрамкаў дзейнасці манаскіх ордэнаў, распрацаваных польскімі даследчыкамі, адносяцца структурныя змены ў ордэне, душпастырства, гаспадарка, адукацыя.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Banaszak, M.* Historia Kościoła: w 4 t. / M. Banaszak. – Warszawa: ATK, 1989. – Т. 1. – 325 s.
2. *Barącz, S.* Rys dziejów Zakonu Kaznodziejskiego w Polsce: w 2 t. / S. Barącz. – Lwów: W drukarni zakładu narodowego imienia Ossolińskich, 1861. – Т. 2. – 528 s.
3. *Bednarski, S.* Upadek i odrodzenie szkół jezuickich w Polsce (studium z dziejów kultury i szkolnictwa polskiego) / S. Bednarski. – Kraków: WAM, 1933. – 537 s.
4. *Bies, A. P.* Jezuickie instytucje edukacyjne w Orszy 1773–1820 / A. P. Bieś // *Studia pedagogica Ignatiana*. – 2016. – Vol.19, № 3. – S. 15–34.
5. *Bieś, A. P.* Periodyzacja obecności Towarzystwa Jezusowego na ziemiach Polskich. Struktury organizacyjne oraz edukacyjno oświatowe i pastoralne formy aktywności / A. P. Bieś // *Studia pedagogica Ignatiana*. – 2014. – Vol. 17. – S. 57–87.
6. *Błażkiewicz, H.* Szkoła franciszkańska / H. Błażkiewicz // *Dzieje teologii katolickiej w Polsce: w 3 t.* – Lublin: TN KUL, 1975. – Т. 2, cz. 2: Od odrodzenia do oświecenia. – S. 287–365.
7. *Borkowska, M.* Leksykon zakonnic polskich epoki przedrozbiorowej / M. Borkowska, OSB. – Warszawa: DiG, 2008. – Т. 3: Wielkie księstwo Litewskie i ziemie ruskie Korony Polskiej. – 370 s.
8. *Borkowska, M.* Geografia rekrutacji do klasztorów benedyktynek w Wielkim księstwie Litewskim / M. Borkowska, OSB // *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės moterų vienuolijos: istorija ir paveldas Mokslo straipsnių rinkinys*. – Kaunas: Vytauto Didžiojo universitetas: Versus aureus, 2014. – S. 37–46.
9. *Brzoziecki, S.* Litewska prowincja dominikanów / S. Brzoziecki // *Dominikanie Gdańsk – Polska – Europa: materiały z konferencji międzynarodowej, Gdańsk, 9–10 maja 2002 r.* / red. D. A. Dekański, A. Gołembnik, M. Grubka. – Gdańsk – Pełpin: Bernardinum, 2003. – S. 139–167.
10. *Demkowicz, A.* Wypędzenie jezuitów z Imperium Rosyjskiego na podstawie fragmentów «Wygnańca z Białej Rusi» Jana Galicza / A. Demkiwicz // *Tematy i Konteksty*. – 2012. – № 2 (7). – S. 54–69.
11. *Dukała, J.* Organizacja studiów i przygotowania do kapłaństwa alumnów w seminariach diecezjalnych pod zarządem księży misjonarzy w Polsce w latach 1675–1864 / J. Dukała. – Kraków, 1975. – 175 s.

12. Encyklopedia wiedzy o jezuitach na ziemiach Polski i Litwy 1564–1995. Opr. L. Grzebień przy współpracy zespołu jezuitów. – Kraków, 1996. – 887 s.

13. *Filek, O.* Nauka i nauczanie w zakonach karmelitańskich / O. Filek // Dzieje teologii katolickiej w Polsce: w 3 t. – Lublin: TN KUL, 1975. – T. 2, cz. 2: Od odrodzenia do oświecenia. – S. 368–390.

14. *Flaga, J.* Formacja i kształcenie duchowieństwa zakonnego w Rzeczypospolitej w XVII i XVIII wieku / J. Flaga. – Lublin: Redakcja wydawnictw Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego, 1998. – 365 s.

15. *Gach, P. P.* Cystersi i cysterki na ziemiach Rzeczypospolitej i Śląsku / P. P. Gach // Historia i kultura cystersów w dawnej Polsce i ich europejskie związki / red. J. Strzelczyk. – Poznań: UAM, 1987. – S. 515–543.

16. *Gach, P. P.* Karmielici boski na ziemiach dawnej Rzeczypospolitej w dobie kasat / P. P. Gach // Cztery wieki karmielitów bosych w Polsce 1605–2005: materiały z ogólnopolskiego sympozjum historyczno – teologicznego, Kraków, 21–22 listopada 2005 / Uniwersytet Jagielloński; red. A. Ruszały. – Kraków: WSD karmielitów bosych, 2005. – S. 78–83.

17. *Gach, P. P.* Formy działalności braci mniejszych franciszkanów / P. P. Gach // Franciszkanie w Polsce XIX w. / red. J. Kłoczowski. – Niepokalanów: wyd. OO Franciszkanów, 1996. – S. 11–56.

18. *Gach, P. P.* Kasaty zakonów na ziemiach dawnej Rzeczypospolitej i Śląska 1773–1914 / P. P. Gach. – Lublin: Redakcja wydawnictw KUL, 1984. – 254 s.

19. *Gach, P. P.* Mienie polskich zakonów i jego losy w XIX wieku / P. P. Gach. – Rzym, 1979. – 84 s.

20. *Gach, P. P.* Struktury i działalność duszpasterska zakonów męskich na ziemiach dawnej Rzeczypospolitej i Śląska w latach 1773–1914 / P. P. Gach. – Lublin: Redakcja wydawnictw KUL, 1999. – 675 s.

21. *Gil, Cz.* Czterysta lat Karmielitów bosych w Polsce / Cz. Gil, OCD // Karmielici Boski w Polsce 1605–2005. Księga jubileuszowa / red. Cz. Gil. – Kraków: Wydawnictwo Karmelitów Bosych, 2005. – S. 13–48.

22. *Gil, Cz.* Erekcja litewskiej prowincji Karmeliów Bosych pw. Św. Kazimierza / Cz. Gil, OCD // Roczniki teologiczno-kanoniczne. – 1975. – T. XXII. – S. 109–116.

23. *Gizycki, J. M.* Notatka o Akademii Połockiej i szkołach jezuitów w Połocku / J. M. Gizycki. – Poznań: Drukiem i nakładem Jarosława Leitgebra, 1884. – 28 s.

24. *Giżycki, J. M.* (Gozdawa M.) Kimbarówka / J. M. Giżycki. – B.m.w., b.d. – b.n.s.

25. *Giżycki, J. M.* Materiały do dziejów Akademii Połockiej i szkół od niej zależnych / J. M. Giżycki. – Kraków: Druk W. L. Anczyc i Spółka, 1905. – 288 s.

26. *Grzebień, L.* Jezuita polscy wobec epidemii / L. Grzebień // Charitas. Miłosierdzie i opieka społeczna w ideologii, normach postępowania i praktyce społeczności wyznaniowych w Rzeczypospolitej XVI–XVIII wieku / red. U. Augustyniak, A. Karpiński. – Warszawa, 1999. – S. 245–255.

27. Hedemann, O. Szkoły walerjanowskie xx. Pijarów Łużeckich / O. Hedemann. – Wilno: Nakł. Oddziału polskiego towarzystwa krajoznawczego w Głębokiem, 1937. – 180 s.

28. Historia Kościoła w Polsce: w 4 t. / red. B. Kumor, Z. Obertyński. – Poznań – Warszawa: Pallotinum, 1974. – T. 2. – 464 s.

29. Kaczorowski, W. Drukarnia Połocka w latach 1787–1820. Problemy badawcze i próba odtworzenia produkcji wydawniczej / W. Kaczorowski, R. Sękowski // *Jezuicka ars historica* / red. M. Inglot, S. Obirek. – Kraków: Wydawnictwo WAM, 2001. – S. 219–245

30. Kadulski, I. Akademia Połocka. Ośrodek kultury na Kresach 1812–1820 / I. Kadulski. – Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2004. – 312 s.

31. Kałła, S. Przyczynek do historii prowincji litewskiej zgromadzenia / S. Kałła CM // ROZ. – 1932. – № 1–4. – S. 118–125.

32. Kantak, K. Franciszkanie polscy: w 2 t. / K. Kantak. – Kraków: Prowincja Polska OO. Franciszkanów, 1937–1939. – T. 2: 1517–1795. – 25 s.

33. Klasztory bernardyńskie w Polsce w jej granicach historycznych / red. ks. H. E. Wyczawski. – Kalwaria Zebrzydowska: Wydawn. Bernardynów Calvarianum, 1985. – 681 s.

34. Klasztory mnisze na wschodnich terenach dawnej Rzeczypospolitej od XVI do początku XX wieku / red. J. Gwozdziak, R. Witkowski, A. M. Wyrwa. – Poznań: Nauka i innowacje, 2014. – 490 s.

35. Kłoczowski, J. Dzieje chrześcijaństwa polskiego: w 2 t. / J. Kłoczowski. – Paris: Editions du Dialogue, 1991. – T. 2. – 463 s.

36. Kłoczowski, J. Polska prowincja dominikańska w średniowieczu i Rzeczypospolitej obojga (wielu) narodów / J. Kłoczowski. – Poznań: W drodze, 2008. – 493 s.

37. Kłoczowski, J. Zakon Braci kaznodziejów w Polsce 1222–1972. Zarys dziejów / J. Kłoczowski // *Studia nad historia dominikanów w Polsce 1222–1972: w 2 t.* / red. J. Kłoczowski. – Warszawa: Wyd. Polskiej prowincji dominikanów, 1975. – T. 1. – S. 19–159.

38. Kochanowicz, J. Geneza, organizacja i działalność jezuickich burs muzycznych / J. Kochanowicz. – Kraków: WAM, 2002. – 344 s.

39. Kościół w Polsce: Studia nad historią Kościoła katolickiego w Polsce / red. J. Kłoczowskiego. – Kraków: Znak, 1970. – 1113 s.

40. Księga tysiąclecia katolicyzmu w Polsce. W 3 cz. Cz. 1. Kościół. Początki i rozwój. Lublin, 1969. – 665 s.; Cz. 2. Kościół a nauka i sztuka. – Lublin, 1969. – 535 s.; Cz. 3. Kościół w ramach społeczeństwa. – Lublin, 1969. – 526 s.

41. Kubicki, P. Bojownicy Kapłani za sprawę Kościoła i Ojczyzny w latach 1861–1915. Materiały z urzędowych świadectw władz rosyjskich, archiwów konsystorskich, zakonnych i prywatnych / P. Kubicki. – Sandomierz, 1936. – Cz. II: Dawna Litwa i Białoruś, t. III: Za sprawę ojczyzny, kler świecki (P-Ż) i kler zakonny. – 791 s.

42. *Kumor, B.* Ustrój i organizacja kościoła polskiego w okresie niewoli narodowej (1772–1918) / B. Kumor. – Kraków: Polskie towarzystwo teologiczne, 1980. – 743 s.

43. *Kurczewski, J.* Biskupstwo Wileńskie od jego założenia aż do dni obecnych, zawierające dzieje i prace biskupów i duchowieństwa diecezji wileńskiej, oraz wykaz kościołów, klasztorów, szkół i zakładów dobroczynnych i społecznych / J. Kurczewski – Wilno: Nakładem i drukiem Józefa Zawadzkiego, 1912. – 614 s.

44. *Litak, S.* Kościół łaciński w Polsce około 1772 roku: mapa, komentarz, indeks / S. Litak. – Lublin: Redakcja Wydawnictw Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego – Rzym: Fundacja Jana Pawła II 1991. – 170 s.

45. *Litak, S.* Kościół łaciński w Rzeczypospolitej około 1772 roku: struktury administracyjne / S. Litak. – Lublin: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej 1996. – 633 s.

46. *Makarczyk, J.* Kustodia Grodzieńska Zakonu Braci Mniejszych Konwentualnych w latach 1687–1832 / J. Makarczyk. – Гродна: Гродзен. дзяцэзія Рым.-каталіц. касцёла ў Рэсп. Беларусь, 2006. – 220 c.

47. *Mandziuk, J.* Zakony w (archi) diecezji wileńskiej / J. Mandziuk // *Studia teologiczne*. – 1987–1988. – T. 5–6. – S. 161–200.

48. *Miławicki, M.* Położenie klasztorów dominikańskich w Cesarstwie Rosyjskim w latach 1795–1918 / M. Miławicki // *Święty Jacek Odrowąż i dominikanie na Śląsku* / red. nauk. A. Barciak. – Katowice, 2008. – S. 331–364.

49. *Miławicki, M.* Represje władz rosyjskich wobec dominikanów grodzieńskich za udział w partyzantce «zaliwiczuków» w 1833 roku / M. Miławicki // *Przypominać zapomniane, odkrywać nieznane. Polskie losy – Kościół – Syberia – Rosja (XIX–XX w.)*. *Studia ofiarowane Profesorowi Eugeniuszowi Niebelskiemu w 70. rocznicę urodzin*, red. A. Barańska. – Lublin: Wydawnictwo Towarzystwa Naukowego KUL, 2019. – S. 59–86.

50. *Piechnik, L.* Akademie i uczelnie jezuickie / L. Piechnik // *Dzieje teologii katolickiej w Polsce: w 3 t.* / red. M. Rechowicz. – Lublin: TN KUL, 1975. – T. 2, cz. 2: *Od odrodzenia do oświecenia*. – S. 53–100.

51. *Piechnik, L.* Dzieje Akademii Wileńskiej: w 4 t. / L. Piechnik. – Rzym: Institutum Historicum Societas Jesu, 1983. – T. 3: *Próby odnowy Akademii Wileńskiej po klęskach Potopu i okres kryzysu 1655–1730*. – 350 s.

52. *Pietrkiewicz, I.* Zakony żeńskie w diecezji wileńskiej w świetle wizytacji z 1818 roku. Specyfika problematyki / I. Pietrkiewicz // *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės moterų vienuolijos: istorija ir paveldas Mokslo straipsnių rinkinys*. – Kaunas: Vytauto Didžiojo universitetas: *Versus aureus*, 2014. – S. 69–78.

53. *Poplatek, J.* Alumnat papieski w Wilnie / J. Poplatek // *Z dziejów szkolnictwa jezuickiego w Polsce* / red. J. Paszenda. – Kraków: WAM, 1994. – S. 97–114.

54. *Rosiak, S.* Prowincja Litewska sióstr miłosierdzia: szkic z dziejów martyrologii Kościoła Katolickiego pod zaborem rosyjskim / S. Rosiak. – Wilno: Księgarnia św. Wojciecha, 1933. – 310 s.

55. *Salwa, T.* Litewska prowincja ksiezy misjonarzy. 1794–1842 / T. Salwa. – Kraków, 1981. – 89 s.

56. *Smora, Z.* Przeszłości obydwóch zgromadzeń w zaborze rosyjskim. Spis domów ss. Miłosierdzia / Smora // ROZ. – 1912. – Rok XX. – S. 301–317

57. *Spież, J.* Dominikanie w Polsce / J. Spież // Dominikanie. Szkice z dziejów zakonu. – Poznań: W drodze, 1986. – S. 268–314.

58. *Studia nad historią dominikanów w Polsce 1222–1972: w 2 t.* / red. J. Kłoczowski. – Warszawa, 1975. – 702 s.

59. *Szantyr, S.* Zbiór wiadomości o Kościele i religii katolickiej w Cesarstwie Rosyjskiem, a szczególnie w prowincjach od Polski przyłączonych od czasu pierwszego rozbioru Polski aż do końca panowania Aleksandra I i początków panowania cesarza Mikołaja I. Zebrany z pism urzędowych, dokumentów i własnego widzenia / S. Szantyr. – Poznań: W. Stefański, 1843. – 405 s.

60. *Szylar, A.* Z dziejów opactwa Benedyktynek w Słonimiu (na podstawie źródeł zachowanych w Archiwum Benedyktynek w Staniątkach) / A. Szylar // Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės moterų vienuolijos: istorija ir paveldas Mokslo straipsnių rinkinys. – Kaunas: Vytauto Didžiojo universitetas: Versus aureus, 2014. – S. 115–126.

61. *Świętochowski, R.* Szkolnictwo teologiczne dominikanów / R. Świętochowski. – Kraków, 1977. – 120 s.

62. *Wanat, B. J.* Archiwum prowincji Karmelitów bosych w Czernej / B. J. Wanat, OCD. – Kraków: Wydawnictwo Karmelitów bosych, 2013. – 140 s.

63. *Wanat, B. J.* Zakon karmelitów bosych w Polsce. Klasztory karmelirów i karmelitanek bosych 1605–1975 / B. J. Wanat, OCD. – Kraków: Wydawnictwo oo. Karmelitów bosycj, 1979. – 832 s.

64. *Wołyniak.* Wykaz klasztorów Dominikańskich prowincji Litewskiej / Wołyniak. – Kraków: Nakładem oo. Dominikanów, 1917. – 320 s.

65. *Wołyniak.* Wykaz klasztorów Dominikańskich prowincji Ruskiej / Wołyniak. – Kraków: Nakładem oo. Dominikanów, 1923. – 340 s.

66. *Wołyniak.* Z przeszłości karmelitów na Litwie i Rusi: w 2 t. / Wołyniak. – Kraków: Nakład OO. Karmelitów na Piasku, 1918. – T. 2. – 251 s.

67. *Wyczawski, H. E.* Katalog archiwum prowincji oo. Bernardynów w Krakowie / H. E. Wyczawski, OFM // Archiwa, biblioteki i muzea kościelne. – 1961. – T. 3, zesz. 1–2. – S. 25–102.

68. *Wyczawski, H. E.* Bernardyni Polscy: w 3 t. / H. E. Wyczawski. – Kalwaria Zebrzydowska, 1992. – T. 3: 1772–1946. – 574 s.

69. *Z dziejów szkolnictwa jezuickiego w Polsce. Wybór artykułów.* Oprac. J. Paszenda. – Kraków: WAM, 1994. – 258 s.

70. *Zakony męskie w Polsce. Materiały do atlasu chrześcijaństwa historycznego w Polsce* / red. R. Bienkowski, E. Kłoczowski, Z. Sułowski. – Lublin: TN KUL, 1972. – T. 1. – 344 s.

71. *Zalęski, S.* Jezuici w Polsce: w 5 t. / S. Zalęski. – Lwów–Kraków, 1906. – T. 5, cz. 1: Jezuici w Polsce porozbiorowej. 1772–1820. – 517 s.

72. Зянюк, Р. Кляштарныя архівы Беларусі ў канцы XVIII – пачатку XX ст. / Р. Зянюк // Дакументальная спадчына Беларусі XI–XX стагоддзяў: матэрыялы навук.-практ. канф., прысвеч. 75-годдзю НГАБ (Мінск, 26 чэрв. 2013 г.) / адк. за вып. Дз. Ч. Мацвейчык. – Мінск: Выд. А. М. Варахін, 2014. – С. 162–169.

73. Зянюк, Р. У. Рымска-каталіцкія манаскія ордэны і кангрэгацыі ў Беларусі (1772–1917 гг.): айчынная гістарыяграфія пытання. / Р. У. Зянюк // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки: в 3 ч. – Минск: РИВШ, 2019. – Ч. 1. – С. 138–148.

74. Инглот, М. Общество Иисуса в Российской Империи (1772–1820 гг.) и его роль в повсеместном восстановлении Ордена во всем мире / М. Инглот. – М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2004. – 630 с.

(Дата паступлення: 12.10.2020).

Любая А. А.

ДУА «Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы», Мінск, Беларусь

Liubaya A.

National Institute of Higher Education, Minsk, Belarus

УДК 94(476)“18/19”+929.7:297

**ДЗВЕ ЗАПІСКІ З АРХІВА КНЯЗЁЎ ДРУЦКІХ-ЛЮБЕЦКІХ
У КАНТЭКСЦЕ БАРАЦЬБЫ ТАТАРАЎ ЗАХОДНІХ
ГУБЕРНЯЎ ЗА СВАЮ ШЛЯХЕЦКУЮ ГОДНАСЦЬ
У 30-Я ГАДЫ ХІХ СТАГОДДЗЯ**

**THE TWO NOTES FROM THE PRINCES
DRUTSKY-LIUBETSKY'S ARCHIVE AT THE CONTEXT
OF THE TATARS' STRUGGLE IN WESTERN PROVINCES
OF THE RUSSIAN EMPIRE FOR THEIR NOBILITY (1830s)**

Артыкул прысвечаны апісанню дакументаў з фонду архіва Друцкіх-Любецкіх у Бібліятэцы князёў Чартарыйскіх у Кракаве, якія датуюцца першай паловай XIX ст. і паказваюць сацыяльнае і прававое становішча татараў былога Вялікага Княства Літоўскага ў складзе Расійскай імперыі.

Ключавыя словы: татары; князь Ф.-К. Друцкі-Любецкі; 1830-я гады; Расійская імперыя.

The article is devoted to the description of documents from the archive of Drutsky-Lubecki in the library of the Czartoryski princes in Kraków, dating from the first half of the XIX century, showing the social and legal status of the Tatars of the former Grand Duchy of Lithuania in the Russian Empire.

Keywords: Tatars; Prince F.-X. Drutsky-Liubetsky; 1830s; Russian Empire

Аб'ектам нашай увагі сталі два рускамоўныя дакументы, адзін з якіх датуецца 28 студзеня 1838 г., а другі, як мяркуецца, узнік на яго аснове крыху пазней. Гэта дакладная запіска гродзенскага судзі, штабс-ротмістра Адамовіча і засядацеля гродзенскай грамадзянскай палаты Бараноўскага на імя сапраўднага тайнага саветніка, члена Дзяржаўнага савета, князя Друцкага-Любецкага ад 28 студзеня 1838 г. і аналітычная запіска пад назвай «О правах и преимуществах Татар в Западных Губерниях обитающих»¹.

¹ Выказваю шчырую падзяку Таццяне Заблоцкай, якая не толькі звярнула нашу ўвагу на гэтыя два дакументы, але і зрабіла іх копіі для артыкула.

Гэтыя дакументы ўяўляюць сабой матэрыялы справаводства, у якіх адлюстравана праблема вызначэння сацыяльнага статусу татараў у заходніх губернях Расійскай імперыі. Яны захоўваюцца ў Бібліятэцы князёў Чартарыйскіх у Кракаве сярод дакументаў фонду «Archiwum szczuczynskie Druckich-Lubeckich» (Шчучынскі архіў Друцкіх-Любецкіх), у складзе рукапісу 13104 «Materiały i akta spraw, przeważnie majątkowych różnych osób prywatnych będących w zainteresowaniu Ksawerego Druckiego-Lubeckiego» («Матэрыялы і акты спраў, у асноўным маёмасных, розных прыватных асоб, якія знаходзіліся ў коле інтарэсаў Ксаверыя Друцкага-Любецкага»). Дадзены рукапіс уяўляе сабой архіўную справу, што складаецца з россыпу дакументаў, не сшытых паміж сабой. Нумарацыя лістоў у рукапісе адсутнічае [1].

У дадзеным артыкуле аўтар ставіць дзве задачы. Першая з іх – падрыхтоўка тэкстаў дакументаў да публікацыі з ажыццяўленнем неабходнай навукова-археаграфічнай (складанне загаловаў, неабходных заўваг, вызначэнне часу стварэння рукапісаў) і тэксталагічнай работы. Другая – аналіз інфармацыйных магчымасцяў гэтых крыніц і ўключэнне іх у агульную канву гісторыі змагання татараў былога Вялікага Княства Літоўскага за свае правы ў Расійскай імперыі напрыканцы XVIII – у першай палове XIX ст.

Археаграфічная апрацоўка тэксту крыніцы здзейснена намі ў адпаведнасці з крытычнымі прыёмамі перадачы тэкстаў дакументаў. Асноўныя прынцыпы, якіх мы прытрымліваліся пры падрыхтоўцы гэтай публікацыі, зводзяцца да наступнага. Тэкст рукапісаў перададзены ў перакладзе на сучасную рускую мову з захаваннем некаторых стылістычных і фанетычных асаблівасцяў (асобных зваротаў мовы, слоў, характэрных для часу і месца складання дакументаў). Знакі прыпынку расстаўлены ў адпаведнасці з сучаснымі нормаў пунктуацыі. Захавана дзяленне на абзацы, як у арыгінале. Хібы, якія не падлягаюць выпраўленню (стылістычныя памылкі або скажэнні слоў), адзначаны ў заўвагах словамі «так у рукапісе». Відавочныя памылкі выпраўлены і пазначаны ў падрадкавых заўвагах. Межы лістоў вылучаны дзвюма касымі рысамі. Нумарацыя лістоў не прыводзіцца, паколькі яна ў справе адсутнічае.

Па сваім паходжанні і зместу гэтыя два дакументы цесна звязаны з матэрыяламі, якія адлюстроўваюць сацыяльнае і прававое становішча татараў былога Вялікага Княства Літоўскага ў складзе Расійскай імперыі ў першай трэці XIX ст. з фондаў Нацыянальнага гістарычнага

архіва Беларусі ў г. Гродна (далей – НГАБ у Гродна). У прыватнасці, іх можна супаставіць з наступнымі крыніцамі: «Краткое изъяснение о обитающих въ Литовскихъ губерняхъ татарахъ» [2], «Прошение заседателя нижнего земского суда Гродненского уезда Ивана Туган-Барановского Литовскому военному губернатору А. М. Римскому-Корсакову 24 августа 1817 г.» [3], «Записка о литовских татарах, составленная И. Туган-Барановским не ранее 6 мая 1832 г.» [4], «Представление Гродненского губернатора о численности, правах, привилегиях, повинностях и занятиях татар, поданное Виленскому военному губернатору не позднее 6 мая 1832 г.» [5]. У маі 1998 г. ксеракопіі гэтых і некаторых іншых дакументаў былі перададзеныя Дзяржаўным камітэтам па архівах і справаходству Рэспублікі Беларусь Галоўнаму архіўнаму ўпраўленню пры Савеце Міністраў Рэспублікі Татарстан [6, с. 305]. Яны былі апублікаваныя і ўведзеныя ў навуковы зварот казанскім гісторыкам Дзінай Мустафінай [7; 8].

Асноўныя этапы эвалюцыі сацыяльнага статусу татараў на тэрыторыі заходніх губерняў, далучаных да Расійскай імперыі пасля падзелаў Рэчы Паспалітай, ужо былі апісаны ў гістарычнай літаратуры. Таму нагадаем толькі асноўныя гістарычныя факты для ілюстрацыі сітуацыі, якая прывяла да стварэння згаданых вышэй дакументаў.

Час інкарпарацыі ўсходняй часткі Рэчы Паспалітай – 70-я – першая палова 90-х гг. XVIII ст. – з’яўляецца адным з самых спрыяльных у развіцці ісламу на тэрыторыі Расійскай імперыі. Кацярына II адмяніла забарону на будаўніцтва мячэцяў і дазволіла заснаванне Мусульманскага духоўнага сходу – першага буйнога адміністрацыйнага органа расійскіх мусульман [9, с. 16–22]. Фактычна іслам у Расіі з рэлігіі, якую пераследуюць, становіцца рэлігіяй, якую церпяць. Ні ў якім разе са ступкі з боку ўлады нельга разглядаць такім чынам, што іслам стаў роўным ці хаця б падобным да праваслаўя – адзінай дзяржаўнай рэлігіі ў імперыі, але з ім перастаюць змагацца. У прыватнасці, спыняецца палітыка гвалтоўнай хрысціянізацыі мусульман.

Татары жылі ў Вялікім Княстве Літоўскім у асноўным на землях, якія адышлі да Расійскай імперыі па Другому і Трэцяму раздзелам Рэчы Паспалітай. Практычна адразу расійская адміністрацыя стала дамагацца ляльнасці мясцовых татараў. Ужо імянны ўказ «Аб падзеле Вялікага Княства Літоўскага на тры часткі і лад кіравання яго», дадзены ліфляндскаму, эстляндскаму і літоўскаму генерал-губернатару князю Рэпніну 30 кастрычніка 1794 г., утрымліваў асобны раздзел аб мясцовых

татарах: «...не оставьте вы без замечания поселенных в Литовских Областях Татарского племени войск, яко происходящих от народа храброго и прямодушного, а через то Наше Высочайшее об них попечение привлекающих: понеже чаем в них обрести отрасли тех добрых качеств, коими народ Татарский Нам известен; для сего поручаем вам, приняв от них вместе с прочими Литовскими жителями на верность Нам присягу, утвердить их в их собственности и преимуществах, и все их общество Нашим священным словом обнадежить, что не только оставляем их в свободе отправлять свое богослужение и при всем том, что в Литве они имеют, но желаем, обезпечая их состояние, паче оное осчастливить; и на сей конец ожидаем от вас представления, что по изведании настоящего их положения, найдете способным к усугублению их выгод и им наиболее нужных» [9, с. 59].

У 1797 г. татары былога Вялікага Княства Літоўскага праз свайго муфцію звярнуліся да смаленскага і пскоўскага ваеннага губернатара М. М. Філософава. Яны выказалі жаданне служыць у расійскай арміі і прасілі імператара Паўла I дазволіць стварыць «конныя полкі, согласно тому какъ оныя при польском владѣнни существовали и составляли неложно лучшую часть польской кавалерии» [10, с. 118]. Татарска-літоўскі полк расійскія ўлады планавалі зрабіць «однопоместну в своем быту, жительстве и устройстве» [11, ст. 747–748]. Аднак расійская адміністрацыя сутыкнулася з дэмаграфічнай праблемай: колькасць татараў былога Вялікага Княства Літоўскага ў межах імперыі была менш за 1600 душ пры штаце палка ў 1168 чалавек [10, с. 118]. Утвораны нарэшце Татарскі конны полк, які прымаў удзел у кампаніях супраць Напалеона, узначаліў генерал-маёр Мустафа Бараноўскі.

У пачатку XIX ст. умовы пацвярджэння шляхецкай годнасці на далучаных землях змяніліся, а статус набілітаваных татараў стаў неакрэсленым. У 1800 г. быў выдадзены ўказ «О представлении о состоящих в подушном окладе, но Дворянство доказавших, в Герольдию на рассмотрение, с приложением выданных им грамот и других на Дворянство доказательств» [12, с. 128–130]. Ім скасоўвалася практыка, якая склалася ў беларускіх губернях, пацвярджаць шляхецтва і ўносіць шляхту ў кнігі радаводаў па рашэнні губернскіх Дваранскіх сходаў. Са спасылкай на ўказы Урадавага Сената (Правительствующий Сенат) ад 11 ліпеня 1789 г. і 19 сакавіка 1797 г. на безальтэрнатыўнай аснове было загадана паводле працэдуры надання і пацвярджэння шляхецтва прадстаўляць усе доказы ў Герольдыю, якая была адной са структур Сената. У верасні

1800 г. па губернях быў разасланы ўказ аб вызначэнні двухгадовага тэрміну для прадстаўлення адпаведных дакументаў дробнай шляхтай. Фактычна ж адлік павінен быў пачацца 1 студзеня 1801 г. [13, с. 91]. Як адзначае айчынны даследчык Вігаль Макарэвіч, найгоршая сітуацыя з падачай і разглядам дваранскіх вывадаў склалася менавіта ў Літоўска-Гродзенскай губерні. Разбор там не пачаўся нават у 1802 г. з-за таго, што Літоўска-Гродзенская губерня была вылучана са складу Віленскай губерні. У выніку ўзніклі праблемы з раздзелам спраў асобных родаў, якія пражывалі ў розных губернях. Акты захоўваліся ў Вільні, у той час як шляхта знаходзілася ў Гродзенскай губерні [13, с. 94].

Магчыма, што неабходнасць акрэсліць свае былыя правы і прывілеі, якія першапачаткова расійскі ўрад абяцаў захаваць, а таксама актыўныя дзеянні па разборы шляхты прывялі да стварэння вельмі цікавай крыніцы – рукапісу з пералікам прывілеяў татараў паводле законаў і канстытуцый сеймаў Рэчы Паспалітай за 1670–1786 гг. на польскай мове з паралельным перакладам на рускую [14]. Гэты дакумент захоўваецца ў НГАБ у г. Гродна, а яго рускамоўная частка была апублікавана казанскай даследчыцай Гульфіёй Садрэтдзінавай у 1999 г. [6]. Неабходнасць і важнасць збору прывілеяў, нададзеных татарам у Рэчы Паспалітай, была пацверджана часам: на працягу першай трэці XIX ст. татары неаднаразова спасылаліся на пералік гэтых правоў і прывілеяў пры доказе свайго шляхецкага становішча. Тым больш, як сведчаць крыніцы, адпаведныя імперскія інстытуцыі не заўжды мелі доступ да сеймавых канстытуцый Рэчы Паспалітай, Метрыкі Вялікага Княства Літоўскага і падобных дакументаў.

Аднак становішча татараў не палепшылася. Падчас шостага рэвізіі, якая праводзілася напярэдадні вайны 1812 г., некаторыя памешчыкі сталі запісваць татараў у рэвізскія сказкі як падатковы стан. Адпаведна, татары пачалі скардзіцца віленскаму грамадзянскаму губернатару Аляксандру Лавінскаму на парушэнне сваіх правоў. Той, у сваю чаргу, быў вымушаны звярнуцца ў Міністэрства паліцыі з просьбай прыняць рашэнне па пытанні сацыяльнага статусу татараў. Міністэрства паліцыі звярнулася ў Камітэт Міністраў, які даў распараджэнне ўносіць татараў Віленскай губерні ў рэвізію асобным артыкулам з тым, каб «*при общем рассмотрении ревизских сказок разрешить сие обстоятельство*» [8, с. 12; 15]. Віленскаму грамадзянскаму губернатару было даручана ўключыць у аклад татараў, якія не мелі зямельных уладанняў, абкладаць іх аброчным і падушным зборам па 11 рублёў з душы, а таксама браць

з іх рэкрутаў. У сёмую рэвізію 1816 г. былі ўключаны 98 татараў, якія раней плацілі падымную подаць [8, с. 12; 15].

Гродзенскі дваранскі дэпутацкі сход, спасылаючыся на нейкія расійскія «узаконенія», адмовіўся прымаць ад татараў дакументы аб прызнанні ў спадчынным дваранстве. Тады татары звярнуліся ў Герольдыю з запытам аб правамернасці падобных патрабаванняў, а таксама адносна забароны ім удзельнічаць у дваранскіх выбарах [8, с. 12].

Расійскае заканадаўства не забараняла мусульманам звяртацца ў адпаведныя ўстановы для пацвярджэння ўласнай шляхецкай годнасці і ўключэння ў склад дваранства. У XVIII ст. расійскі ўрад распачаў інкарпарацыю набілітаваных прадстаўнікоў мусульманскай супольнасці, якая пражывалі ў межах Імперыі, у склад расійскага дваранства. Указ ад 22 лютага 1764 г., пацверджаны палажэннямі «Жалованной грамоты дворянству» 1765 г., распаўсюджваў і на мусульман – татарскіх князёў і мурзаў – усе прывілеі расійскага дваранства, акрамя права валодання прыгоннымі хрысціянамі [16]. Выключэнне з забароны зроблена менавіта для татарскай шляхты былога Вялікага Княства Літоўскага, якая і пасля раздзелаў Рэчы Паспалітай захавала свае правы на валоданне прыгоннымі сялянамі хрысціянскага веравызнання. Многія прадстаўнікі мусульманскіх нобіляў Прыўралля і Крыма нават не хадайнічалі пра ўключэнне сваёй сям’і ў губернскія кнігі радаводаў як з-за беднасці, так і з-за цяжкасцяў, якія ўзніклі падчас пацвярджэння паходжання ў сувязі з адсутнасцю ў князёў і мурзаў неабходных дакументаў. Апошнія абставіны спрыялі з’яўленню ўказаў 1816 і 1840 гг. аб парадку пацвярджэння правоў на шляхецтва прадстаўнікамі мусульманскага набілітэту. У прыватнасці, у Таўрычаскай губерні Дваранскі сход павінен быў кіравацца хадайніцтвамі татарскіх мусульманскіх супольнасцяў, *«ибо у них не было обычая утверждать грамотами или другими какими либо письменными документами пожалования за заслуги, и сие сохраняется единственно в преданиях, живущих в памяти потомства»* [9, с. 68–70]. Так што сумненні Гродзенскага дваранскага сходу былі неабгрунтаваныя і беспадстаўныя. З гэтай прычыны засядацель земскага суда Гродзенскага павета князь Ян (Іван) Туган-Бараноўскі ад імя татараў звярнуўся да літоўскага генерал-губернатара Аляксандра Рымскага-Корсакава з просьбай загадаць Дваранскаму сходу адмяніць забарону ў адносінах да татараў на ўдзел у выбарах [3; 8, с. 12].

Для татараў былога Вялікага Княства Літоўскага была актуальнай і праблема дакументальнага пацвярджэння шляхецкага паходжання на

падставе патрабаванняў заканадаўства Расійскай імперыі. Справа была не столькі ў адсутнасці ў татараў Рэчы Паспалітай дакументальнага пацвярджэння аб прыналежнасці да шляхты, колькі ў спецыфіцы справаводства гэтай дзяржавы. Гэты тэзіс падмацоўваецца данясеннем падпалкоўніка Гродзенскага гарнізоннага батальёна Давідовіча, саветніка Гродзенскай казённай палаты Якава Туган-Бараноўскага і сакратара Гродзенскага дэпутацкага сходу Івана Туган-Бараноўскага маршалку дваранства Карлу Баржэнцкаму [17]. Усе пералічаныя вышэй татары разумелі, што расійскія ўлады не заахвачаны ўнікаць у асаблівасці сацыяльнага становішча татараў. Таму, атрымаўшы даручэнне сабраць звесткі пра татараў, якія пражываюць у Гродзенскай губерні, яны ўзялі на сябе абавязак паведаміць аб праблеме дакументальнага пацвярджэння іх правоў і прывілеяў [8, с. 12]. Расійскія бюракраты тлумачылі, што складанасці з пацвярджэннем правоў і прывілеяў, якімі карысталіся татары, звязаны з аддаленасцю каралеўскіх архіваў, паколькі шмат з прадстаўленых дакументаў уяўлялі копіі або спісы на рускай мове з арыгіналаў грамат польскіх каралёў Яна III Сабескага, Аўгуста II, Аўгуста III, Станіслава Аўгуста Панятоўскага. Таксама яны ўказвалі на адсутнасць дакументаў аб спецыяльных прывілеях (на спадчынныя маёнткі, землі, афіцэрскія званні), атрыманых пэўнымі фаміліямі, з прычыны перадачы ў дваранскія дэпутацкія сходы, і захаванні іх у складзе спраў аб узвядзенні ў шляхецтва [8, с. 13].

У Гродзенскай губерні яшчэ на пачатку кампаніі па разборы шляхты 1801–1802 г. узніклі праблемы з дакументацыяй. Як адзначае Віталь Макаравіч, гэтыя праблемы мелі чыста тэхнічны характар і былі выкліканы тым, што Літоўская губерня ў 1801 г. была раздзелена на Віленскую і Слоніmsкую, а апошняя ў 1802 г. стала называцца Гродзенскай. Але дакументы вывадовых камісій, якія датычыліся новаўтворанай губерні, знаходзіліся ў Вільні. Віленскі губернатар пагадзіўся на капіраванне з актаў дэпутацыйных пратаколаў гарадзенскімі пісарамі. Але калі тыя прыбылі ў Вільню, то засталіся без справы, паколькі ім не былі прадстаўлены дакументы. У выніку Сенат нават пастанавіў пралангаваць тэрмін разгляду дакументаў па Гродзенскай губерні яшчэ на адзін год – да 1 верасня 1804 г. [13, с. 95]. Таму праблемы татарскай меншасці выглядалі кропляй у моры бюракратычнага хаосу і заставаліся справай уласна татарскай эліты.

І справа гэта рухалася вельмі марудна. Іван Туган-Бараноўскі ў сваёй запісцы адзначаў, што амаль усе татары, якія пражываюць у Гродзен-

скай губерні, ужо прызнанья ў дваранскай годнасці, а неабходныя доказы іх шляхецкага паходжання прадстаўлены на разгляд у Герольдыю. Але ў 1832 г. разбор быў ажыццёўлены толькі ў дачыненні да 21 татарскай сям'і з ліку тых, што мелі права на шляхецтва [8, с. 14]. Між тым, згодна са звесткамі, сабранымі на запыт міністра фінансаў у маі 1832 г., у сямі паветах Гродзенскай губерні было ўлічана 887 чалавек. А за два дзесяцігоддзі да гэтага, у 1811 г., калі разборы шляхты мусілі ўжо разгарнуцца шырока, татары, якія пражывалі ў гэтай губерні, адносіліся да 268 фамілій [8, с. 14].

Паліцыя Гродзенскай губерні таксама неаднаразова (у 1832, 1833, 1836 гг.) вывучала пытанне аб татарах, што падлягаюць падушнаму акладу, і паведамляла ў Казённую палату аб тым, што амаль усе татары, якія пражываюць у губерні, пацвердзілі сваё права на шляхецтва. Але татараў па-ранейшаму запісвалі і ў аднадворцы, і ў «вольныя людзі», абкладвалі падушным акладам. З-за шматлікіх скаргаў было вырашана сабраць звесткі пра тое, хто з татараў быў запісаны ў падатны стан, пра што сведчыць данясенне старшыні Гарадзенскай казённай палаты гродзенскаму губернатару ад 9 ліпеня 1838 г. [8, с. 14].

Абодва дакументы з архіва Ксаверыя Друцкага-Любецкага, якія прыцягнулі нашу ўвагу, мэтай і зместам цесна звязаныя з дакументамі, якія захоўваюцца ў 202-й справе 27-га вопісу фонду № 1 НГАБ у Гродна [18]. Аўтарам аднаго з іх – дакладной запіскі 1838 г. – з'яўляецца ўжо згаданы Ян (Іван) Туган-Бараноўскі, які меў дачыненне да запіскі, складзенай не раней за 6 мая 1832 г. [8, с. 24–25], і прашэння, пададзенага ў 1817 г. [8, с. 17–18]. Ён паходзіць з вельмі разгалінаванай і старажытнай сям'і князёў Бараноўскіх, гербу Туган. У адпаведнасці з родавой легендай, пераказанай у нататках Мацея Туган-Бараноўскага, пратапластом князёў Бараноўскіх быў дагестанскі мурза, які ў першай палове XV ст. прыехаў на службу ў Вялікае Княства Літоўскае, што моцна адрознівала гэтую фамілію ад іншых татарскіх родаў, якія па большасці выводзіліся з Крымскага Ханства або Заволжскай Арды [19, с. 47, 52–53]. Яго асоба заслугоўвае ўвагі з улікам шматгадовай працы па захаванні шляхецкай годнасці татараў Гродзенскай губерні, якую Іван Туган-Бараноўскі праводзіў на працягу ўсяго свайго жыцця. Тым больш, што ў фондах НГАБ у Гродна захавалася яго асабістая справа як гродзенскага губернскага чыноўніка [20]. Яго суаўтарам з'яўляўся Якуб Адамовіч – суддзя Гродзенскага Сумленнага суда, штабс-ротмістр, які таксама меў татарскае паходжанне. Цікава, што «Алфавітны

спіс дваранскіх родаў Гродзенскай губерні» – афіцыйнае друкаванае выданне Гродзенскага дваранскага дэпутацкага сходу, якое прыводзіць спіс дваранскіх прозвішчаў і асоб з указаннем іх тытулаў, утрымлівае катэгорыю «Дворяне из Литовских татар». Але ў яе былі ўнесены толькі два прозвішчы – Адамовічы і Туган-Бараноўскія [21, с. 17].

Дакладная запіска была напісана на імя князя Францыска-Ксаверыя Друцкага-Любецкага, які ў 1838 г. быў членам Дзяржаўнага Савета Расійскай імперыі. Акрамя гэтага, у 1816–1823 гг. ён з’яўляўся спачатку гродзенскім, а затым і віленскім губернатарам і, безумоўна, добра ведаў сітуацыю з пацвярджэннем шляхецтва ў заходніх губернях.

Зыходзячы з тэксту гэтай дакладной запіскі, як і з дакладной запіскі 1832 г. на імя гродзенскага павятовага маршалка Карла Баржэнцкага, вынікае, што Герольдыя адмаўляла тутэйшым татарам, якія імкнуліся зрабіць ваенную або грамадзянскую кар’еру, у зацвярджэнні шляхецтва насуперак рашэнню Урадавага Сената ад 1830 г. [8, с. 24–25]. І гэта нягледзячы на той факт, што пераважная большасць з іх даўно прадставіла неабходныя доказы Дваранскім дэпутацкім сходам і атрымала ад іх станоўчае вызначэнне. Герольдыя, са свайго боку, спасылалася на спецыяльнае даручэнне Камітэта Міністраў ад 28 кастрычніка 1830 г. складзі асаблівыя правілы аб правах на дваранства мусульман і грэкаў. У 1838 г. работа над правіламі падыходзіла да завяршэння, і татары былога Вялікага Княства Літоўскага шукалі магчымасць паўплываць на выніковы тэкст гэтага дакумента, каб захаваць свае старажытныя правы і прывілеі. Складаючы гэты дакумент, гродзенскія татары разлічвалі на пратэцыю свайго былога губернатара ў Дзяржаўным Савеце. Як яны самі пісалі, *«приняли смелость повергнуть судьбу свою высокому воззрению Вашего Сиятельства все нижайше просить при решении в Государственном Совете о Татарах дела принять их в высокое ваше покровительство, дабы они были оставлены наравне с прочими здешнего края Дворянами, при Дворянских преимуществах, вольности владения недвижимыми именьями с крестьянами христианского исповедания и на предобретения таковых и при всех дарованных им привилегиях»* [1].

У параўнанні з дакументамі 1817 і 1832 гг., у дакладной запісцы на імя Францыска-Ксаверыя Друцкага-Любецкага не змяніліся ні аргументацыя, ні рыторыка. Як і ў дакладной запісцы Карлу Баржэнцкаму 1832 г., тэкст пачынаецца з гісторыка-юрыдычнага экскурсу аб правах татараў у Рэчы Паспалітай, з той толькі розніцай, што пералічваюцца ўсе прывілеі, пачынаючы з 1568 г., а не толькі прывілей Яна III

Сабескага. Відавочна, што на працягу шасці гадоў былі прыкладзены значныя намаганні, каб адшукаць пералік прывілеяў татараў па законах і канстытуцыях сейма Рэчы Паспалітай 1670–1786 гг. і дапоўніць яго. Або аўтары былі знаёмыя з тэкстам ананімнай запіскі «Краткое изъяснение о обитающих в Литовских губерниях татарах» (паміж 1801 і 1811 гг.?), у якой таксама пералічваюцца прывілеі і канстытуцыі аб правах татараў. Як і ў прашэнні 1817 г., згадваюцца татары «*по военной, а другие Гражданской службе в разных уездных и Губернских местах дослужились чинов, орденов*» [1]. Як і ў «Кратким изъяснении...», у гэтай дакладной запісцы таксама падрабязна пералічваюцца аб'яцанні імператрыцы Кацярыны II «*что не токмо оставляет Татар в свободе отправления своего Богослужения и при всем том, что в Литве они уже имеют, но желает ещё обеспечивая их состояние, паче оное осчастливить*» [1]. Далей аўтары спасылаюцца на даручэнне графу Навасільцаву сабраць звесткі аб татарах, якія пражываюць на далучаных землях, і пераказваецца меркаванне цэсарэвіча Канстанціна Паўлавіча, на падставе якога быў прыняты ўказ Урадавага Сената ад 1830 г. «Виленской и Гродненской Казённым палатам и Дворянским Депутатским Собраниям». Як бачым, у змаганні за сваю шляхецкую годнасць татары Гродзенскай губерні на чале з князямі Туган-Бараноўскімі былі паслядоўнымі ў абгрунтаванні сваіх правоў і прывілеяў. Яны захоўвалі і аналізавалі папярэднія дакументы, звязаныя са зваротамі ў дзяржаўныя органы, і на іх падставе абіралі неабходную стратэгію. Тое, што яны не толькі індывідуальна перад дваранскімі сходамі дабіваліся пацвярджэння шляхецтва, але і вялі агульную, складаную і доўгую па часе працу з найвышэйшымі інстытутамі імперыі, сведчыць пра іх калектыўную свядомасць, бадай, самую высокую сярод усіх мусульман Расійскай імперыі.

Другі дакумент – «О правах и преимуществах татар в Западных губерниях обитающих» – уяўляе сабой сціслы нарыс па гісторыі татараў Вялікага Княства Літоўскага, напісаны з пазіцыі вернасці татараў імператарскай фаміліі. Магчыма, калі браць пад увагу месца захоўвання абодвух дакументаў, гэты канспект быў падрыхтаваны Янам Туган-Бараноўскім для выступлення князя Францыска-Ксаверыя Друцкага-Любецка на пасяджэнні Дзяржаўнага Савета.

Амаль ва ўсіх дакументах, якія татары былога Вялікага Княства Літоўскага накіроўвалі расійскім бюракратам, здольным паўплываць на рашэнне «шляхецкага пытання», падкрэслівалася пераемнасць палітычнай лініі літоўскіх князёў, польскіх каралёў і рускіх цароў

у дачыненні да татараў, абумоўленай іх адданай ваеннай службай. Але другі дакумент адмыслова перанасычаны канструкцыямі, якія мусяць пераканаць чытача або слухача ў вернападданніцкіх пачуццях мусульман заходніх губерняў у дачыненні да імперскай улады. Вось некалькі прыкладаў падобных напышлівых моўных сродкаў: *«с чувством глубочайшего умиления, они доколе кровь струится в их жилах, пребудут верными своему долгу, и потому как милости, как единственного средства к содержанию себя и воспитанию детей своих на службу Царю и Отечеству, Литовские Татары просят оставить им древние и новейшие преимущества в ненарушимости»; «спешили перенести детей своих под крылья двуглавого Орла с обычною преданностью их законной власти и жаждою славы Царю и России»; «воинская доблесть их назначение, честь их обязанность, а верность Престолу их религия»* [1].

Такая знарок рытарычна вычварная праява адданасці не была ні залішняй, ні недарэчнай. Паўстанне 1830–1831 гг. стала негатыўным фактарам у барацьбе татараў Віленскай і Гродзенскай губерняў за сваю шляхецкую годнасць: дзеянне Літоўскага статута было спынена, і на ўсе заходнія губерні распаўсюдзілася юрысдыкцыя расійскага заканадаўства. Пачалася кампанія па выключэнні з кніг радаводаў асобных сем'яў, у тым ліку татараў.

З паўстаннем можна звязаць і непрыкрытую антыкаталіцкую рыторыку тэксту. У ім татары паказаны не проста як ахвяры каталіцкай царквы Рэчы Паспалітай і Ордэна езуітаў, а як пакутнікі, адораныя сапраўднымі хрысціянскімі цнотамі, што *«лобызая десницу испытаний, гонимые, воссылали вопли свои к Богу смешанные с молитвой за гонителей»* [1]. У тэксце з'явілася новая змястоўная і рытарычная асаблівасць, якая раней не выкарыстоўвалася як доказ ці абгрунтаванне шляхецтва татараў былога Вялікага Княства Літоўскага. Гэта еўрапейскасць, якая грунтуецца на адукаванасці і разуменні пачуцця грамадзянства. Аўтар фактычна сцвярджае, што татары былога Вялікага Княства Літоўскага не маюць нічога агульнага з азіяцкім светам (чытай – з астатнімі мусульманамі Імперыі), акрамя таго *«что это племя следует учению Алкорана»* [1].

Можна меркаваць, што працяглая работа па падрыхтоўцы гэтых двух дакументаў апраўдала сябе. Актыўная пазіцыя невялікай татарскай супольнасці на землях былога Вялікага Княства Літоўскага, якая праявілася ў пастаянных скарга і зваротах да дзяржаўных органаў рознага ўзроўню, прынесла свой плён. У 1839 г. было зацверджана палажэн-

не Камітэта міністраў «О признании в дворянстве детей Литовских Татар, которые на службе приобрели чины и ордена», а ў 1840 г. дваранам з ліку татараў заходніх губерняў, якія валодалі заселенымі маёнткамі, насуперак патрабаванням заканадаўства Расійскай імперыі, але ў адпаведнасці з тэкстам запіскі «О правах и преимуществах Татар...», дазвалялася валодаць сялянамі хрысціянскага веравызнання.

Дакумент 1

**Запіска Якава Адамовіча і Івана Бараноўскага
на імя члена Дзяржаўнага Савета
князя Францішка-Ксаверыя Друцкага-Любецкага [1]**

(28 студзеня 1838 г.)

Его Сиятельству

Господину Действительному Тайному Советнику, Члену Государственного Совета и ратных орденов Кавалеру Князю Друцкому Любецкому

Докладная записка

28 января 1838 года

Гродно

Гродненского Совестного Судьи Штабс Ротмистра Адамовича и Заседателя Гродненской Гражданской Палаты Барановского

Несколько уже столетий Татары, жительствуя в Литве и в Польше, за непоколебимую верность к Монархам и чинимые непрерывно Польскому Государству военные услуги приобрели в награду Дарованные дворянам все преимущества, как то Штаб и Обер офицерские, а некоторые из них даже Генеральские чины, недвижимые имения с вольностью владения крестьянами христианского исповедания, и прочие привилегии так, что уже в последствии времени между природным Польским Дворянством и Татарами не было никакого различия, как о том удостоверяют разные Польские конституции и привилегии, а именно: 1568, 1662, 1670, 1673, 1677, 1678, 1717, 1726, 1736, 1768, 1775 и 1786 годов, а также привилегия Польского Короля Иоанна III, пожалованные в 1677 году и последующими за тем Королями утверждённая² в 1698, 1754 и 1778 годах.

² Так у тэксце.

С возвращением Литвы к Российской Империи, в Бозе почивающая Великая Государыня Императрица Екатерина II распространила высоко Монаршие милости на Литовских Татар по Высочайшей Ее воле бывший тогда Литовский Генерал Губернатор Князь Репнин от 20 декабря 1794 года циркулярно объявил, что Её Императорское Величество священный своим словом соизволила обнадёжить, что не токмо оставляет Татар в свободе отправления своего Богослужения и при всём том, что в Литве они имеют, но желает ещё обеспечивая их состояние, паче оное осчастливить. Потом выше приведённые Конституции и привилегии утверждены общими Высочайшими Манифестами 1795 и 1796 годов, коими всем состояниям, а в том числе и Татарам, в присоединённых от Польши областях представлены прежние их права и преимущества.

Чувствуя в полной мере сии Высоко Монаршие милости, Литовские Татары, и зная верноподданнические свои обязанности, тот же час поспешили нести услуги отечеству, и одни из них поступили во вновь сформированный конно Литовский Татарский и другие полки, а оставшиеся в домах на основании Дворянской грамоты, так как и прочие здешнего края Дворяне, допущены к должностям от короны и от Дворянских выборов зависящим, и одни по военной, а другие Гражданской службе в разных уездных и Губернских местах дослужились чинов, орденов, а получившие в защите отечества раны пользуются пожизненными пенсиями. Вдова же Генерал Лейтенанта Барановского Роксоляна и Генерал Майор Улан пожалованы арендами казённых имений: первая – староства Войдакема на 12, а второй – такового староства Мерешк на пятьдесят лет. Среди сего последовал Правительствующего Сената по Герольдии Указ от 12 декабря 1819 года дано знать всем Губернским Правлениям, что Литовские Татары по грамотам Королевским и Конституциям Польским должны в том крае оставаться ненарушимо при дарованных им правах и преимуществах и Дворянские Собрания по доказательствам на основании Польских Конституций могут признавать их Дворянами.

Между тем, по жалобе некоторых Татар в Виленской Губернии жительствующих в обложении их платежом податей блаженной памяти Государь Цесаревич и Великий Князь Константин Павлович в 1827 году предоставить изволил Г. Графу Новосильцеву настоящему Председателю Государственного Совета собрать о проживающих в Гродненской Губернии и Белостокской области Татарах сведения и положить мнение, к какому состоянию впредь они должны быть причислены. Заключение

Его Сиятельства в полной мере обеспечило состояние Татар, и следствием того Государь Цесаревич полагать изволил:

а) оставить при всех Дворянских правах и преимуществах тех Татар с потомством:

1) кои таковыми же правами пользовались ещё при бывшем Польском правительстве или коих предки состояли в бывшей Польской военной службе, признанной многими Польскими Конституциями, приносящею им Дворянское достоинство;

2) коих предки, находясь в Российской службе, дослужились чинов, сопряжённых с наследственным Дворянством;

3) кои сами удостоились заслужить такие же Российские чины;

и 4) кои по владениям своим недвижимым имениями или же по имеющимся у них привилегиям, Конституциям и определениям Дворянских Собраний, причислены уже к Дворянскому сословию и

б) за тем все прочие Татары, не имеющие Дворянских преимуществ, из коих часть записана уже в податное состояние, должны быть согласно Высочайшим указам 1800–1802 годов обложены подушным окладом, и исправлять все повинности по званию вольных людей до того времени пока не докажут Дворянского своего происхождения.

Выше изъяснённое мнение Его Императорского Величества Правительственный Сенат, признав правильным и с силою законов сообразным, утвердил, и о приведении оного в надлежащее исполнение предписал от 10 сентября 1830 года указами Виленской и Гродненской Казённым палатам и Дворянским Депутатским Собраниям.

На конец по распоряжению Начальства были собираемы о правах, привилегиях, повинностях и занятиях Татар, в Литовских Губерниях и Белостокской области проживающих, сведения и за сим по доставлении оных состоялся в Комитете по делам Западных Губерний учреждённом журнал в 1 день ноября 1832 года высочайше утверждённый, коим оный Комитет по уважению особенной преданности Татар Правительству и непоколебимой верности, о чем удобным все дальнейшие на счёт Татар сих распоряжений отложить до совершенного окончания разбора шляхты.

После сих распоряжений Правительства все почти здешних Губерний Татары представили о происхождении своём в Дворянские Депутатские собрания доказательство, по которым последовали о Дворянстве их определений и оные представлены на утверждение Герольдии; но Герольдия, применяясь к Высочайшему повелению в 28 день Октября

1830 года на мнение Комитета ГГ. Министров состоявшемся, которым предположено составить особые правила о правах на Дворянство обитающих в России Магометан и Греков, отказывает в утверждении в Дворянство, просящихся в военную и Гражданскую службу, здешних Татар. Правила же о правах их наверно составлены и поступили на благо рассмотрение в Государственный Совет, от коего ныне зависит дальнейшая участь Татар, возвращённых от Польши губерниях жительствовавших, приняли смелость повергнуть судьбу свою высокому воззрению Вашего Сиятельства всенижайше просить при решении в Государственном Совете о Татарах дела принять их в высокое ваше покровительство, дабы они были оставлены наравне с прочими здешнего края Дворянами, при Дворянских преимуществах, вольности владения недвижимыми имениями с крестьянами христианского исповедания и на предь приобретения таковых и при всех дарованных им привилегиях.

Гродненский Совестьный Судья³ Яков Адамович

Гродненской Палаты Гражданского Суда Заседатель Иван Барановский.

Дакумент 2

Запіска пра правы і прывілегіі татараў, якія пражываюць у Заходніх губернях [1]

(не раней за 28 студзеня 1838 г. – не пазней за 27 марта 1840 г.)

О правах и преимуществах Татар в Западных Губерниях обитающих в Литве есть около 1400 душ дворян, следующих учению Алкорана. Водворенные там от нескольких столетий, давно приняли язык, обычаи и образование Европейские. Воинская доблесть – их назначение, честь – их обязанность, а верность Престолу – их религия! От предков они сохранили одно название Татар и предание о первоначальном их появлении в Литве. Предание сие, не противореча историческим памятникам, говорит:

Татары вскоре по завоеванию Крымского полуострова, появились на границах Литовских владений в 1273 году, где истребив поколение Азигов, враждебное племенам Литовским, снискали дружбу сих последних. Это событие, как залог союза двух народов, упрочило потомкам Чингисханова дома в смутные для них времена убежище в Литве. Вза-

³ Так у тэксце.

имно Литвины, освобождаясь от влияния Российских князей, находили выгоды в дружбе с Ордынцами, оберегавшими пределы их края, и потому охотно делились с ними и славою побед, и добычею завоеваний.

В борьбе Великого Князя Литовского Витольда с Едигеем 1399 года подвигающиеся Татары-союзники, и как неизменные товарищи оружия, следуют за ним на битвы против Инфлянтских Крестоносцев под Таненбергом 1410 г. и при осаде Опочки.

Благодарный князь, в порывах справедливой признательности, назначает уделы из собственных владений потомкам Чингисхана и знатнейшим главам Монгольского народа – и так: удел хана Тохтамыша (1399) город Лида с окрестностями. В Троках родился Девлет-Хаджи Гирей; Бестабула приемлет в Вильне из рук Великокняжеских Ханскую Корону; наконец из Литвы восходит на Крымский престол Хан Керим Ферден. Это событие засвидетельствовано историей. Можно ли после сего иметь веру к некоторым понятиям будто Татары Литовские суть потомки пленных Татар? Эти понятия столь обидны для Народа, который ни одной буквы в скрижалях истории не запятнал позорным деянием, что здесь должно привести уважение, более ещё подтверждающее благородное начало Татарского в Литве водворения.

Кому неизвестно ничтожное значение военнопленного в средних веках, не только Славянщины, но и вообще Западной Европы? Победённого избегнувшего острия оружия, встречали: заточение, тяжкие работы. Пленники, увлеченные с поля битвы, поступали в сословие холопов – людей никаких прав не имеющих. Честолюбивый Поляк или Литвин не потерпел бы уступить холопу своему чести нанести удар неприятелю. Победитель этой эпохи не оставлял пленнику даже права на совесть, на исповедание. Но Татары, в Литве поселившись, сражались под знаменами её Государей и предводительствуемые собственными вождями, как это видно не только в древности, как например при осаде Опочки, где Татары были под предводительством Хана Махмета, но и до последних времён возвращения Литовского края к России, владели населёнными землями и сохранили непринужденно веру прародителей! Историки правда приводят и то один только случай пленения одного Ногайского улуса и поселения его в окрестностях Вильны, но от сих Татар столько же осталось следов в Литве сколько мы ныне находим признаков в Азии от христиан, увлечённых туда монгольскими набегами, при том есть ли пример в истории, чтобы целым пленным народам, добычи победителей, представляема была вся свобода и преимущества,

свойственные высшему разряду граждан победителей? Без сомнения нет, Положение сие подтверждается последствиями государственных в Польше установлений.

При соединении Польши с Литвою 1569 года Татарский народ имел особое свое представительство. На Сейме постановлено: Литовских Татар оставить при дарованных им преимуществах и потомственном владении поместьями.

Акт подобный заключенный пышными вельможами Польскими и Литовскими под Скипетром Аристократического Государя Сигизмунда Августа, мог ли относиться до пленных? Нет, это было с одной стороны публичное свидетельство Литовского Народа о достоинствах собратий их Татар, а с другой – достойное восприятие сего народа в объятие нового соединённого Государства. Словом, Татары предшествуемые рядами военных подвигов их благосклонно приняты Поляками в согражданство, им дозволено мирно почивать под сенью Алкорана, в то время, когда сама Польша была раздираема прениями и преследованиями диссидентов в вере и когда иной кто, а не Католик изгонялся из лона гражданственности Польской.

Так: это было время ясное, просвещённое, цвели науки, почитались заслуги и ценились добродетели семейственные, а всё это уже было у Татар Литовских, гнушавшихся уже тогда многожёнством, воздержанностью в образе жизни и в правилах чести, не уступавших подобно их предкам образованнейшим в Европе народам.

Правда с высот Ватикана виднелась туча нетерпимости и разразилась над главами Татар Литовских под ухищрением Иезуитов. Все ужасы гонений за веру: бунт крестьян, грабеж, пытки и самые убийства совершались над Татарами безнаказанно. Лобызая десницу испытания, гонимые, воссылали вопли свои к Богу смешанные с молитвою за гонителей, и ни одна месть, ни один пример измены не запечатлелись на челе Татарина Литовского. В гонениях видели они перст Божий и не сомневались в Судьбах его!

Сбылось предназначенное: Короли Казимир Ваза и Ян Собеский изумились наконец столь великой несправедливости; Собеский будучи личным свидетелем непоколебимости духа, отваги и верности Татар в битвах с турками под Хотинном, под Веной, привилегию 1677 года изданную повелел Гетманам своим наблюсти, что бы все прежде дарованные Татарами преимущества дворянские сохранялись свято и правосудно. Дом Саксонский и Король Станислав Август, возобновляя грамоту

Яна Собеского, награждали Литовских Татар, военными рангами и поместьями, и не только подтверждали прежние их права приобретать земли с крестьянами, без различия исповеданий, но и позволяли им отыскивать судебным порядком те их прежние вотчины, коими завладели Польские вельможи во время смут и гонений.

Все это видно из Метрики Литовской, хранящейся при 3-м Департаменте Правительствующего Сената, а именно:

Конституциями:

1679 года, повинности по владению недвижимыми именными и суд определены наравне с дворянами.

1717. Татарские именья и преимущества их оставлены в ненарушимости.

1736. Права по владению земскими и экономическими именными согласно жалованному привилегиям утверждены наравне с прочими дворянами.

1768 и 1775 годов. Оставляя при прежних преимуществах Татар, живущих в казённых и земских именьях, определены с них такие же платежи как из дворян. Дозволено им приобретать и продавать имущества всякого рода, иметь христиан в услужении и свободно исповедовать свою веру.

1786. Все поместья, как частные, так и казённые жалованные за заслуги, превращены в вечные и потомственные владения.

Сверх сих общих законов, каждый почти род Татарский приобретал в Литве особые преимущества дворянские, ранги военные и вотчины. Словом, по мере того, как Европейская образованность более и более вытесняла из Польши мрак заблуждений и предрассудков, Татарам восстанавливались постепенно древние права их, так, что в эпоху возвращения Литовского Края к Империи, они вступили в подданство России: одни как помещики, другие как опытные полководцы, и все вместе, соревнуясь в снискании новых заслуг, спешили перенести детей своих под крылья двуглавого Орла с обычною преданностью их к законной власти и жаждою славы Царю и России. Бог благословил новое для Литовских Татар поприще, и Великая Екатерина осенила оно милостивейшим изъявлением своей державной Воли, принятой с восторгом, оправдываемым доселе верною и честною службой сих Татар Царю и Отечеству.

И когда судьбы Польского народа еще взвешивались в сердце Чадолюбивой матери Государыни, она обнадёжила Литовских Татар свя-

ценным своим Словом, что не только предоставляет им свободу отправления своего богослужения и все, что они в Литве имеют; но даже обеспечивая состояние их, желает оное паче осчастливить.

Воздав хвалу Всевышнему, Литовские Татары явились под хоругвями бессмертного Суворова и в другие полки, и среди звука оружия в 1799, 1806, 1807 и 1812 годах выдержали испытание в храбрости и честности, завещанные им прародителями.

Между тем посыпались новые Монаршие милости на Литовских Татар

Манифестами 1795 и 1796 годов всем состояниям в Западных Губерниях предоставлены без изъятия прежние их права и преимущества. Вследствие сего Татары сих Губерний начали службу: одни в Дворянских, другие в Коронных должностях. Здесь они жалованы постепенно чинами и Орденами, некоторые из них⁴ посвятивших себя оружию, пенсиями и арендами.

Указами Правительствующего Сената от 4 декабря 1819 года и согласно с мнением в Бозе почивающего Государя Цесаревича и Великого Князя Константина Павловича от 10 сентября 1830 года предписано Начальствам мест оседлости Литовских Татар, чтобы не отказывать в Дворянстве тем из сих Татар, кои сами или предки их по службе военной в Польских или Российских войсках и по владению недвижимыми имениями приобрели по Конституциям и определениям дворянских собраний преимущества сего сословия.

Наконец, когда по случаю разбора Польской Шляхты, местные Начальства стали собирать сведения и о правах Литовских татар Высочайше утвержденным 1 ноября 1832 года журналом Комитета Западных Губерний, по уважению особенной преданности обитающих в тех губерниях Татар Правительству и неучаствованию их в мятежах и также по уважению от личного поведения их в общежитии найдено удобным распоряжение в отношении Польской Шляхты на Татар не распространять.

После всех сих милостей внезапно Татары Литовские встречены горестным известием: Герольдия по причине, что о правах Магометан и Греков, в России обитающих, собираются сведения и требуются мнения от Местных Начальств, отказывает в признании дворянами Татарам Литовским, сыновьям Штаб или Обер Офицеров военных, кавалеров

⁴ Так у тэксце.

Российских Орденов, владельцев жалованных поместий, превращенных Конституциями и указами в вотчины. Тогда как сыновья сии служат уже по несколько на десять лет в нижних званиях, от какого неутверждения в дворянстве, как равно со времени приведения в действие по административной части в Западных Губерниях свода Законов коего 151 статья Тома IX запрещено иноверцам нехристианам в России обитающим владеть недвижимыми имениями; заслуженные Татары теперь встречают препятствия в приобретении для себя убежища с прислугою в летах соединяющих раны, увечия с дряхлостью. С стесненным сердцем родители, болезнующие о будущей участи их потомства, решились искать утolenия в их скорби из источника столь многократно изливавшего милости на заслуги Литовских Татар, решились повернуть к Высочайшему Престолу следующие свои изъяснения и просить о помиловании их поколения:

I. В отношении признания родов Литовско-Татарских дворянами наравне с лицами сего сословия вероисповедания христианского.

Вышеизложенные исторические памятники, содержащие Государственных актов Царства и Империи добродетели Гражданские, с жалования аренд Всероссийскими Государями Литовским Магометанами с крестьянами Христианского исповедания, положили вековечный рубеж между их правами и областью ожиданий прочих российских Магометан на дворянские преимущества. Образ домашней жизни (Литовские Татары однобрачны), воспитание юношества в публичных училищах, язык и костюм не оставили ни малейшего признака сходств их с Восточными и Южными Татарами. Ни один Литовский Татарин не был судим за какой-либо порок позорный, нет ни одного примера, что бы Татарин Литовский употребил во зло право помещика, напротив Татары-помещики обращаются со своими крестьянами человеколюбиво, всеми мерами содействуют к их благосостоянию и тщательно охраняют их христианские обязанности. Это знает каждый Литовский Гражданин, каждый Начальник Западного Края засвидетельствует это перед Правительством. Вот начало того, почему общий закон 1784 года, воспреещающий Магометанам в России обитающим приобретать недвижимые имущества с крестьянами, ни до возвращения Литовского края к России, события совершившегося в 1794 году, ни после того в течении более 44 лет не было распространяемым на Татар Литовских, а напротив того, когда закон 1784, действовал в Империи всей силе, Государыня Императрица Екатерина Великая Высочайшими повелениями, объяв-

ленными литовскому народу, оставила оный при всех тех правах и преимуществах, в том числе Татар, при свободе владения и приобретения впредь недвижимых с крестьянами имений, правах, утвержденных многими Государственными постановлениями в течении нескольких столетий. Это уважение, не отвергнутое Правительством доселе, могло ли не отвратить от Литовских Татар затруднения, встреченного Герольдией? И возможно ли, племя, ознаменовавшее себя на стези Европейской Гражданственности постоянными успехами, включить в одну статью с Азиатскими Монголами, по тому только одному уважению, что это племя следует учению Алкорана.

II. В отношении права владеть и приобретать недвижимые имущества с крестьянами.

Воля Высочайшая есть священнейший закон для Литовских Татар.

Все веления Её, приемля с чувством глубочайшего умиления, они доколе кровь струится в их жилах, пребудут верными своему долгу, и потому как милости, как единственного средства к содержанию себя и воспитанию детей своих на службу Царю и Отечеству, Литовские Татары просят оставить им древние и новейшие преимущества в ненарушимости в тех, по крайней мере, Губерниях, в которых они поныне дарованными им подобными привилегиями пользовались. И на сей конец подвергнуть о сем дело рассмотрению в одном из высших Государственных Установлений, а до того времени разрешить Герольдии Правительствующего Сената, войти в рассмотрение дела каждого Татарско-Литовского рода порознь на основании тех доводов, кои уже представлены Дворянским Соборам Западных Губерний.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Biblioteka Książąt Czartoryskich. – F. Archiwum szczuczyńskie Druckich-Lubeckich. Rękop. – № 13104: Materiały i akta spraw, przeważnie majątkowych różnych osób prywatnych będących w zainteresowaniu Ksawerego Druckiego-Lubeckiego.

2. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў г. Гродна (далей – НГАБ у Гродна). – Ф. 1. Воп. 27. Спр. 202. Арк. 87–92. – Краткое изъяснение о обитающих въ Литовскихъ губернияхъ татарахъ.

3. НГАБ у Гродна. – Ф. 1. Воп. 1. Спр. 1056. Арк. 3–4. – Прошение заседателя нижнего земского суда Гродненского уезда Ивана Туган-Барановского Литовскому военному губернатору А. М. Римскому-Корсакову, 24 августа 1817 г.

4. НГАБ у Гродна. – Ф. 1. Воп. 27. Спр. 202. Арк. 105–105 адв. – Записка о литовских татарах, составленная И. Туган-Барановским не ранее 6 мая 1832 г.

5. НГАБ у Гродна. – Ф. 1. Воп. 27. Спр. 202. Арк. 93–102. – Представление Гродненского губернатора о численности, правах, привилегиях, повинностях и занятиях татар, поданное Виленскому военному губернатору не позднее 6 мая 1832 г.

6. *Садретдинова, Г.* «Все права и конституции, татарскому народу служащие, утверждаем» / Г. Садретдинова // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 1999. – № 1/2. – С. 305–308.

7. *Мустафина, Д. А.* Записка анонимного автора о литовских татарах / Д. А. Мустафина // *Orientas Lietuvos Didziosis Kunigaikštijos visuomenės tradicijos: totoriai ir karaimai.* – Vilnius: VU leidykla, 2008. – P. 283–297.

8. *Мустафина, Д. А.* Документы о литовских татарах в Национальном историческом архиве Беларуси в г. Гродно (1830-е гг.) / Д. А. Мустафина // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2015. – № 3–4. – С. 9–27.

9. *Арапов, Д. Ю.* Ислам в Российской империи. Законодательные акты, описания, статистика / Д. Ю. Арапов. – М.: Академкнига, 2001. – 366 с.

10. *Лукашевич, А. М.* Российские проекты создания «национальных» воинских частей на белорусских землях (конец XVIII ст. – 1812 г.) / А. М. Лукашевич // Вопросы всеобщей истории. – 2018. – № 20. – С. 115–124.

11. Архив Государственного совета: в 5 т. – СПб.: Тип. Второго отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1878. – Т. 3: Царствование императора Александра I (1801–1810). [Ч. 1].

12. Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание первое: с 1649 по 12 декабря 1825 года. – СПб.: Тип. II Отд-ния собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. – Т. 26: 1800–1801.

13. *Макарэвіч, В.* «Цяжкі разбор» – фармаванне і рэалізацыя палітыкі «разбору» шляхты ў беларуска-літоўскіх і ўкраінскіх губернях Расійскай імперыі ў 1796–1811 / В. Макарэвіч // *Białoruskie Zeszyty Historyczne.* – Białystok. – 2015. – № 43. – S. 83–102.

14. НГАБ у Гродна. – Ф. 1. Воп. 27. Спр. 202. Арк. 28–35: Привилеи королей Речи Посполитой, данные татаром на польском языке с переводом на русский.

15. НГАБ у Гродна. – Ф. 1. Воп. 27. Спр. 202: Копия с предложения Правительствующего Сената из 1-го Департамента в Департамент Министерства Юстиции.

16. *Арапов, Д. Ю.* Мусульманское дворянство в Российской империи / Д. Ю. Арапов // *Международный исторический журнал.* – 1999. – №3, май-июнь.

17. НГАБ у Гродна. – Ф. 1. Воп. 1. Спр. 54. Арк. 19–21 адв. – Донесение чиновников татарского происхождения, адресованное на имя Гродненского уездного предводителя дворянства Карлу Михайловичу Борженцкому от чиновников татарского происхождения полковника Гродненского гарнизонного батальона Давидовича, советника Якова Туган-Барановского и Ивана Туган-Барановского.

18. НГАБ у Гродна. – Ф. 1. Воп. 27. Спр. 202.

19. O muślimach litewskich: z notat i przekładów litewskiego Tataru Macieja Tuhana-Baranowskiego. – Warszawa: Gebethner i Wolff, 1896. – 72 s.

20. НГАБ у Гродна. – Ф.1. Воп. 27. Спр. 235. Арк. 295–296 адв. – Формулярный список Я. Мурзы-Туган-Барановского.

21. Алфавитный список дворянских родов Гродненской губернии внесенных в дворянскую родословную книгу. – Гродна: Скоропечат. тип. Э. И. Мейлаховича, 1900. – 17 с.

(Дата поступления: 29.09.2020).

Чикалова И. Р.

УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка», ГНУ «Институт истории Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь

Chikalova I.

Belarus State Pedagogical University named after Maxim Tank,
Institute of History of the NAS of Belarus, Minsk, Belarus

УДК 930(47):94«1914/1941»

**ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА:
РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ
И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ (1914–1941)**

**THE FIRST WORLD WAR: THE RUSSIAN-SPEAKING
PUBLICATIONS OF DOCUMENTAL
AND HISTORIOGRAPHIC SOURCES (1914–1941)**

В статье обобщены основные направления работы по фиксации событий, связанных с Первой мировой войной и их рефлексией на страницах периодических изданий, популярных брошюр, в научной литературе, опубликованной в России как в годы войны, так и в межвоенный период в Советском Союзе (труды российских специалистов, переводы иностранных работ на русский язык), а также эмигрантскими издательствами. Отмечены публикации сборников дипломатических документов, эго-документов – писем с фронта, дневников и мемуаров как рядовых участников войны, так и видных военных и государственных деятелей стран Антанты и Центральных держав.

Ключевые слова: Первая мировая война; Великая война; империалистическая война; историческая память; историография; письма с фронта; дневники; мемуары; эго-документы; исследования; историографические источники.

The article summarizes the main directions of work on recording events associated with the First World War and their reflection on the pages of periodicals, popular brochures, in scientific literature published in Russia both during the war years and in the interwar period in the Soviet Union (works of Russian specialists, translations of foreign works into Russian), as well as by emigrant publishing houses. The publication of collections of diplomatic documents, ego-documents – letters from the front, diaries and memoirs of both ordinary participants in the war and prominent military and state leaders of the Entente countries and the Central Powers was noted.

Keywords: World War I; Great War; Imperialist war; historical memory; historiography; letters from the front; diaries; memoirs; ego-documents; research.

Работа по фиксации событий, связанных с войной, и их рефлексия в России началась сразу же с ее началом на страницах периодических изданий. К началу войны в стране выходило 916 газет и 1351 журнал на 35 языках. Они являлись самым первым, оперативным источником информации для населения. Помимо своей основной функции – информирования – в соответствии с идейно-политическим направлением изданий на их страницах публиковались статьи и выступления политических и общественных деятелей, ученых и писателей. И уже в ходе войны были предприняты первые попытки систематизации опубликованных материалов. Например, редакция газеты «Новое Время», исходя из того, что «современные газеты содержат чрезвычайно большое количество ценного исторического материала», который подчас теряется в огромном газетном массиве, издала предметный указатель статей и материалов, помещенных на ее страницах с 1 июля 1914 г. [32; 33]. Общественно-политические журналы «Вестник Европы», «Русское богатство» («Современные записки»/«Современность»/«Русские записки»), «Русская мысль», «Мир божий» («Современный мир», по сентябрь 1917 г.), «Исторический вестник» (по 1917 г.) и другие в последних номерах каждого года также информировали обо всех напечатанных статьях.

Сразу после начала вооруженного конфликта на страницах официальных журналов «Военный сборник» (официальный орган Военного министерства Российской империи), «Военно-исторический сборник» (приложение к «Военному сборнику»), «Морской сборник» (официальный орган Главного морского штаба) стали освещаться события на фронтах. Так, в «Морском сборнике» сразу после начала вооруженного конфликта появились две постоянные рубрики: «Русские официальные сообщения о войне» и «Очерки мировой войны» (впоследствии была переименована в «Очерки мировой войны на море»).

В годы войны появились новые издания, например, Ежедельный иллюстрированный журнал в Петрограде «Летопись войны 1914–1917 гг.». Заглавие журнала на обложке и колонтитуле менялось соответственно году: Летопись войны 1914 г.; Летопись войны 1914–1915 гг.; Летопись войны 1914–15–16 гг.; Летопись войны 1914–1917 гг. Всего вышло 132 выпуска. Каждый номер содержал не менее 16 страниц, снабжался многочисленными фотографиями, рисунками, портретами, планами, картами, набросками. Материал в журнале распределялся по разделам: «Официальный отдел» (Высочайшие приказы, циркуляры,

распоряжения и проч.), «Официальные донесения с войны», «Статьи, разъясняющие положение дел», «Корреспонденции с войны», «Разные заметки и статьи о военных событиях и по поводу их».

Жанровый диапазон публикаций военных лет был чрезвычайно широк: в газетах размещались оперативная информация, зарисовки с мест, в журналах – как информация о произошедших событиях, так и развернутые очерки с попытками их анализа. Получили распространение серийные издания, сборники очерков и статей. Известные ученые представили свои статьи, связанные с проблематикой начавшейся войны, для публикации в коллективных трудах. Во всей этой литературе с разной полнотой и глубиной освещения нашли отражение все стороны военного бытия – патриотический подъем в начале войны и обличение австро-германских «варваров XX века», состояние народного хозяйства и быт населения, надежды на перемены. И, разумеется, стержневым направлением публикаций стала попытка дать оценку состояния вооруженных сил и, возможно, полного с учетом цензурных ограничений хода военных действий на всех сухопутных фронтах и морских театрах. Это относится не только к сражениям русских армий против германо-австрийско-турецких противников, но и к союзникам России: российская печать подробно информировала о вызванных войной переменам во Франции и Англии, кровопролитных битвах на европейском Западном фронте.

В ходе войны и после нее в России публиковались документы разных видов и типов, включая письма, дневники и мемуары. Публикация документов, относящихся к войне, началась выпуском сборника документов, законов, манифестов, рескриптов, указов, принятых по поводу войны [9]. На протяжении всех лет войны Е. И. Авербах по личной инициативе собирал, систематизировал и издавал законодательные, правительственные и другие юридические акты, принятые в России в связи с войной. Издание носило неофициальный характер, его начали издавать в Вильно и продолжили в Петрограде вплоть до 1918 г., когда был издан его последний, пятый, том [1; 2].

Попытки осмыслить феномен Первой мировой войны начались еще до того, как замолчали пушки. В публикациях многочисленных сборников дипломатических документов нашли отражение международные отношения кануна войны. Желание воюющих сторон оправдать себя и обвинить противника в развязывании мирвой войны вызвало появление в первые дни войны подборок дипломатических документов, т. н. «цветных книг». В некоторых странах это были серийные издания,

каждое из которых отличалось цветом обложки: в России они выходили как «Оранжевая книга» [24; 25], в Великобритании – «Белая книга» [3–5], во Франции – «Желтая книга» [10], в Сербии – «Синяя книга» [38; 39], в Бельгии – «Серая книга» [35], в Италии – «Зеленая книга» [11], в Германии – «Белая книга» [7; 8], в Австро-Венгрии – «Красная книга» [14]. Они оперативно были переведены и изданы в России.

Публикация дипломатических документов продолжилась в советское время. Важную роль в извлечении документов из архивов МИДа и их публикации сыграл журнал «Красный Архив». Помимо них он напечатал разнообразные подборки других документов, в частности, документы ставки Верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего войсками Северного фронта за февраль – март 1917 г. [39]. Ориентиром в поиске помещенных в нем материалов является аннотированный указатель, который содержит перечень тем коллекций, опубликованных в журнале на протяжении 1922–1941 гг. [15]. Были изданы документы о разложении русской армии, об экономических аспектах войны [43], о некоторых важнейших боевых операциях [16].

В СССР на протяжении 1920–1930-х гг. война стала объектом тщательного анализа со стороны гражданских и военных историков. После окончания войны сложились условия, позволившие более взвешенно оценить причины ее возникновения и социально-политические последствия, главными из которых был крах российской, германской, австро-венгерской и турецкой монархий, победа социалистической революции в России. В Советской России, а затем и в СССР были опубликованы не только дипломатические документы, относящиеся к происхождению и итогам мировой войны, но и исследовательские труды о международных отношениях предвоенного времени.

Состоялся выход большого числа военно-исторических трудов, в создании которых приняли участие многие видные военачальники бывшей царской армии, занимавшие в ней высокие командные посты. В их числе были Я. К. Цихович – командующий армией, Г. К. Корольков – командир корпуса, А. А. Незнамов генерал-квартирмейстер штаба 7-й армии и Румынского фронта, В. Н. Клембовский – главнокомандующий армиями Северного фронта, А. М. Зайончковский – командир корпуса, М. Д. Бонч-Бруевич – генерал-квартирмейстер штаба 3-й армии Юго-Западного фронта, а затем генерал-квартирмейстер штаба Северо-Западного фронта. Следует отметить и появление в этот период исследований о боевых действиях на территории Беларуси.

В необъятном массиве литературы о Первой мировой войне заслуживает внимания тот пласт печатных изданий, который был порожден стремлением представителей государственных учреждений, частных свидетелей и участников событий выразить отношение к войне, первым – официальное, вторым – свое личное. Осмысление уроков войны произошло в формате эго-документов.

Ценность такого источника, как письма с фронта, была понятна уже современникам. В них отражались повседневность войны, бои в наступлении и при отходах, фронтовой быт участников и смена общественных настроений. Очень быстро возникло понимание того, что письма рядовых участников военных событий понадобятся будущим исследователям. Начались попытки их сбора и систематизации. Е. В. Молостова собрала на территории Казанской губернии, где проживала в родовом имении, коллекцию солдатских писем 1914–1916 гг., адресованных родителям, и опубликовала их отдельным сборником [19]. Она призвала: «Собирайте солдатские письма. В них – и мрак, и свет нынешней беспримерной войны» [19, с. 9].

После Октябрьской революции и установления Советской власти ракурс интереса к солдатским письмам изменился. Они стали рассматриваться как важный источник по изучению трансформации настроений на фронте, радикализации солдатских масс. К 10-летию юбилею революции О. Н. Чадаева подготовила и издала с предисловием М. Н. Покровского сборник «Солдатские письма 1917 года» [38]. В него вошли 129 писем, датированных мартом – ноябрем 1917 г. и адресованных частью в Петроградский Совет, частью во ВЦИК. Поскольку публикация писем приурочивалась к годовщине революции, целью сборника было показать, «как большевизировались массы в результате политики керенщины» [38, с. 1], на что прямо указывает издатель сборника Истпарт – Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б).

К 20-летию юбилею начала войны О. А. Чадаева на страницах журнала «Красный архив» осуществила еще одну публикацию солдатских писем с фронта [41]. В основном это выдержки из писем, попавшие в выборки военных цензоров. На этот раз временной охват писем был шире: 1915–1917 гг. Хотя в духе времени подборка писем должна была не столько восстановить картину положения и быта солдата царской армии, сколько «проследить процесс нарастания революционного недовольства среди многомиллионной массы фронта» [41, с. 118], представленная в них тематика отличалась разнообразием. Письма

систематизированы по следующей схеме: довольствие фронта (пища, одежда, обувь); вооружение фронта, снаряды; армейский режим и взаимоотношения солдат и офицеров; болезни, содержание солдат в лазаретах; неудачи на фронте и влияние поражений на настроение солдат; недовольство войной и ожидание мира; сдача в плен, дезертирство; отказы от наступления и «забастовки» солдат; братание с противником; интерес к внутренним событиям и нарастание революционного недовольства на фронте. О. А. Чадаева подчеркивает, что цензоры «подбирали наиболее выигрышные с официальной точки зрения письма и потом уже давали выдержки, рисующие проявления недовольства солдатской массой». Несмотря на то, что содержание выдержек и отдельные замечания самих цензоров говорили об усталости от войны, недовольстве начальством, желании мира и т. п., цензорские отчеты механически повторяли: «Воля масс к победе остается непреклонной и неизменной» [41, с. 122].

Названные публикации солдатских писем, отразившие эволюцию солдатских настроений от первых дней войны до революции на протяжении всего межвоенного времени и десятилетий после окончания Великой Отечественной войны, оставались единственными опубликованными сборниками солдатского эпистолярного наследия.

Уже в годы войны и по ее окончании в значительном количестве печатались военные зарисовки рядовых участников войны – солдат, унтер-офицеров, офицеров в небольших чинах. В них отчетливо прослеживается несколько главных тем: описание боевых действий в наступлении и оборонительных окопных боях; оснащение оружием, боеприпасами, снаряжением; солдатский быт, особенно питание; недовольство командованием; нарастание антивоенных настроений; антиправительственная пропаганда в армии; антиправительственные политические выступления; отказ от участия в войне и дезертирство.

Дневники и воспоминания рядовых участников войны по времени издания разделяются на изданные в России в 1914–1917 гг. и выпущенные в Советской России и СССР в 1918–1939 гг. Такое деление имеет смысл, поскольку время и условия издания налагали существенные цензурные ограничения на описание событий, в первом случае по соображениям военной тайны, во втором – идеологические. Выходили не только сборники предварительно опубликованных в прессе очерков и зарисовок, но и отдельные издания авторских трудов. В них особенно отчетливо проявляется личное восприятие войны на основе собствен-

ного опыта. Принадлежали они участникам боевых действий – образованным офицерам и солдатам действующей армии.

Если эти документы отражают личные ощущения и ограничены собственным опытом, то в более широком плане панораму войны раскрывают мемуары российских политиков, дипломатов и военачальников. В них дипломаты А. П. Извольский, С. Д. Сазонов, А. А. Гирс, Б. Э. Нольде показали закулисные стороны международных взаимоотношений и процессы принятия ключевых решений. Политические и общественные деятели, в их числе М. В. Родзянко, П. Н. Милюков, В. В. Шульгин, описали катастрофическую ситуацию в стране, выход из которой усматривали в перемене власти. Во что вылилась эта перемена власти, когда она свершилась в результате Февральской революции, видно из воспоминаний деятелей Временного правительства А. Ф. Керенского, А. И. Гучкова, А. И. Верховского. Генералы А. А. Брусилов, В. И. Гурко, А. И. Деникин, А. С. Лукомский, Ю. Н. Данилов и многие другие сетовали на плохое материально-техническое оснащение армии, во многом повлиявшее на неуспех ряда боевых операций, показали ход сражений и свою личную роль в них, а провалы в руководстве войсками зачастую объясняли плохим руководством вышестоящих штабов и особенно неподготовленностью императора Николая II как Верховного главнокомандующего.

Общим достоянием стали документы личного характера царствующих особ: переписка Вильгельма II с Николаем II [30], дневниковые записи Николая II [21] и великого князя Николая Михайловича [22], семейная переписка членов императорского дома Романовых [20]. По публикациям эмигрантского издательства в Берлине стали известны письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II [31], воспроизведенные затем журналом «Красный архив» [34] и вышедшие отдельным изданием [23].

Не был обойден вниманием и взгляд на Первую мировую войну союзников и противников России. Были изданы в переводе на русский язык воспоминания политических деятелей и военачальников Франции – Р. Пуанкаре, Ж. Жоффра, А. Ф. Петена, Ф. Фоша, М. Палеолога. Британскую интерпретацию событий представили мемуары Д. Ллойд Джорджа, Ф. Берти, Дж. Бьюкенена, Дж. Фуллера, труды Ю. Корбетта, Г. Ньюболта, Г. Вильсона. Германские оценки можно почерпнуть из книг императора Вильгельма II, его несостоявшегося наследника кронпринца Вильгельма, канцлеров О. Бисмарка, Б. Бюлова, Т. Бетман-

Гольвега, дипломатов М. Эрцбергера и Ф. Пурталеса, военачальников Э. Фалькенгайма, П. Гинденбурга, Э. Людендорфа, М. Гофмана, адмиралов А. Тирпица и Р. Шеера. Мемуарами министра иностранных дел О. Чернина представлена Австро-Венгрия. Названный далеко не полный перечень авторов воспоминаний – политиков, военачальников, дипломатов – дает представление о тех дополнительных возможностях разобраться в событиях, которые предоставляет ознакомление с мемуарами выдающихся деятелей эпохи Великой войны.

К 1941 г. вышло неисчислимое количество работ о войне разных видов и жанров. Внимание журналистов, политиков и ученых занимали вопросы подготовки, причин развязывания, политических кризисов и войн, ей предшествовавших, происхождения, характера и ее последствий, дипломатии довоенного и военного времени, эволюции военного искусства на основе изучения опыта ведения боевых действий. Тем не менее во второй половине XX в. в СССР Первая мировая война оказалась в тени Великой Отечественной войны, а вклад, внесенный ее современниками в сохранение памяти о ней, в изучение по горячим следам событий, с ней связанных, оказался фактически наглухо забыт новым поколением исследователей.

Способствовать этому забвению должен был и утвердившийся в 1930-е гг. взгляд на Первую мировую войну как на катализатор революционных потрясений, «декорацию кризисных явлений, поразивших Россию еще в довоенные времена», активно продвигавшийся гражданскими историками-марксистами уже с 1920-х гг. Определение ее как империалистической и обвинение царской России в ее развязывании тоже не способствовали ни оценке вклада, внесенного в ее изучение современниками, ни внимательному перепро чтению того, что о ней было написано, ни объективному ее изучению. Колоссальные жертвы, которые принес советский народ на алтарь победы в Великой Отечественной и Второй мировой войне, окончательно «добил» память о прошлой, империалистической, как ее стали называть, войне. В Советском Союзе, в отличие от других стран, она на долгие годы оказалась забытой и выпала из национально-культурного дискурса.

Лишь круглые даты – 80-летний, 90-летний и особенно 100-летний юбилей со дня начала и окончания Первой мировой войны – активизировали интерес к изучению различных ее аспектов. Однако даже фундаментальные исследования, такие как «Мировые войны XX века» [18] и «Первая мировая война» в шести томах [28], содержат весьма скупые

историографические обзоры, касающиеся ее изучения в межвоенный период, – в них не попали многие крупные труды, не говоря уже о работах других жанров, форматов и объемов. И даже специальные работы по историографии Первой мировой войны практически не замечают проводившуюся в 1918–1941 гг. разноплановую научную работу по сохранению памяти о Великой войне [42].

В заключение отметим, что современному исследователю для ориентирования в массе публикаций, посвященных Первой мировой войне, на помощь приходят подготовленные в разные годы справочные издания, как, например, указатели литературы, вышедшие в 1934 и 1936 гг. [17; 40]. Ретроспективные указатели литературы, подготовленные Российской государственной и Российской национальной библиотеками, содержат перечень публикаций о войне за 1926–1964 [13] и 1914–1943 гг. [27]. Необходимые ориентиры дает справочник сборников документов, вышедших в свет в 1917–2000 гг.» [26]. Аннотированный указатель «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях» подготовлен под научным руководством П. А. Зайончковского. Его четвертый том, изданный четырьмя частями, охватывает период с 1895 по 1 марта 1917 г. [12]. В первой части тома имеются выделенные рубрики «Внешняя политика. Войны» и «Первая мировая война». Четырехтомный сборник «Первая мировая война в оценке современников» [29] дает достаточно полное представление о тематике и идейно-политической ориентации публикаций на страницах периодики в военные годы. Названные издания являются неопределимыми с точки зрения их информационно-справочного потенциала.

Сегодня представляется необходимым создание комплексного труда, показывающего многообразие репрезентаций Первой мировой войны средствами печатного слова, благодаря которому война, которую принято называть в последние годы «забытой», предстает как событие, нашедшее отражение в разноплановых документальных и публицистических источниках, в текстах – популярных и научных, созданных по горячим следам.

Список использованных источников

1. *Авербах, О. И.* Законодательные акты, вызванные войной 1914–1915 гг.: в 4 т. / О. И. Авербах. – Пг., 1915–1916.

2. *Авербах, О. И.* Законодательные акты, вызванные войною 1914 года: законы, манифесты, рескрипты, указы, положения Совета Министров, Военного

и Адмиралтейств-Советов, распоряжения и постановления министров и др.: в 5 т. Изд. неофиц. / О. И. Авербах. – Пг.: Тип. А. Г. Сыркина, 1915–1918.

3. Белая книга. Европейский кризис: Дипломатическая переписка Англии, предшествовавшая войне. Август 1914 г.: Представлена обеим палатам Парламента по повелению его величества короля Георга V: С прил.: Речи сэра Э. Грея в Палате общин 3 августа 1914 г. и Извлечения из парламентских дебатов в исторических заседаниях Палаты общин. – Пг.: Изд. «Освобождение» С. И. Питтель, 1914. – 191 с.

4. Белая книга: Переписка Англии, относящаяся к европейскому кризису, представленная обоим палатам по повелению короля Георга V. Авг. 1914 г. – Пг.: [Я. С. Розен], 1914. – 112 с.

5. Белая книга: О войне с Турцией: Дипломат. переписка Англии, предшествовавшая войне с Турцией: [С 22 июля по 22 окт.: Полн. пер. с прил. подроб. оглавления дипломат. документов]. – Пг.: М. В. Попов, 1914. – [3], 158, XXXV с.

6. Варшавско-Ивангородская операция: сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914–1917 гг.) / Ген. штаб РККА. – М.: Изд-во и 1 тип. Воениздата, 1938. – 512 с.

7. Германская белая книга: Полный пер. с примеч., составленный на основании рус., франц. и англ. дипломатических документов / [М-во иностр. дел. Берлин, август, 1914 г.]. – Пг.: Б-ка Великой войны, 1915. – 56 с.

8. Германская Белая книга: обмен дипломат. депеш между Германией, Россией и другими государствами перед войной. – Берлин: Тип. М. В. Мейер, 1914. – 48 с.

9. Дневник войны России с Германией, Австро-Венгрией и Турцией: сборник Высочайших манифестов, воззваний и телеграмм Верховного главнокомандующего о ходе военных действий. – Вып. 1–2. – Пг., 1914.

10. Желтая книга: [Дипломатическая переписка Франции, предшествовавшая войне]: Со вступ. ст. акад. и бывш. министра иностр. дел Габриэля Ганото. – Пг.: «Освобождение» С. И. Питтель. [1915]. – XVI, 192 с.

11. Зеленая книга. Итальянская дипломатическая переписка, относящаяся к войне 1914 года (9 декабря 1914 года – 4 мая 1915 года): пер. с итал. / пер. под ред. Н. М. Лагова. – Пг.: [тип. Р. Г. Шредера], 1916. – 127 с.

12. История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: аннотированный указатель книг и публикаций в журналах: в 5 т. / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина [и др.]; науч. рук., ред. и введ. проф. П. А. Зайончковского. – М.: Книга, 1976–1989. – Т. 4, ч. 1–4: 1895–1917 / сост. А. И. Богданов [и др.]. – 1983–1986.

13. К 100-летию начала Первой мировой войны (1914–1918) / сост.: И. М. Вялова, С. Д. Голомазова, Е. В. Дорохина. – М.: РГБ, 2014. – 81 с.

14. Красная книга: Австро-Венгерская дипломатическая переписка, относящаяся к войне 1914 г. [29 июня – 24 августа 1914 г.] / Пер. Н. М. Лагова. – Пг.: [Тип. Р. Г. Шредера], 1915. – 128 с.

15. Красный Архив. Исторический журнал. 1922–1941. Аннотированный указатель содержания / сост. Р. Я. Зверев. – М., 1960.

16. «Луцкий прорыв»: труды и материалы к операции Юго-зап. фронта в мае – июне 1916 года / под ред. П. В. Черкасова. – М.: Высш. воен. ред. совет, 1924. – 272 с.

17. Мировая война 1914–1918 гг.: Указатель литературы за 1914–1934 гг. – Л., 1934.

18. Мировые войны XX века: в 4 кн. / [Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории, Ассоц. историков Первой мировой войны, Ассоц. историков Второй мировой войны]; редкол.: В. А. Золотарев [и др.]; рук. проекта О. А. Ржешевский. – М.: Наука, 2002–2005. – Кн. 1: Первая мировая война. Исторический очерк / Б. М. Туполев [и др.]; сост. и авт. ст. В. Л. Мальков Ю. А. Поляков; ред. Г. Д. Шкундин. – М., 2002. – 686 с.

19. *Молостова, Е. В.* Солдатские письма / Е. В. Молостова. – Казань, 1917. – 98 с.

20. Николай II и великие князья (родственные письма к последнему царю) / предисл. В. И. Невского; ред. и вступ. ст. В. П. Семенникова. – Л.; М.: Гос. изд-во, 1925. – 156 с.

21. Николай II, имп. (Романов Н. А.). В первые дни мировой войны / предисл. Д. Заславского; подг. к печати А. А. Сергеев // Красный архив. – 1934. – Т. 3. – С. 130–138.

22. Николай Михайлович, вел. кн. Записки // Красный архив. – 1931. – Т. 4/5. – С. 140–183.

23. Николай. Переписка Николая и Александры Романовых / с предисл. М. Н. Покровского; Центрархив. – Пг.: Гос. изд-во, 1923–1927. – Т. 3: 1914–1915 гг. – 1923; Т. 4: 1916 год. – М.; Л., 1926; Т. 5: 1916–1917 гг. – 1927. [Т. 1–2 не выходили].

24. Оранжевая книга: (До войны): сб. дипломат. документов: Переговоры от 10 до 24 июля 1914 г. Высочайшие манифесты о войне. Историческое заседание Гос. думы 26-го июля 1914 г. – СПб.: Тип. т-ва «Грамотность», 1914. – 93 с.

25. Оранжевая книга: сб. дипломат. документов: Переговоры от 10 до 24 июля 1914 г., предшествовавшие войне: Прил.: Высочайшие манифесты о войне с Германией и Австрией. Речь государя императора в Зимнем дворце 26 июля 1914 г. Историческое заседание Гос. думы 26 июля 1914 г. Неофиц. изд. – СПб.: Тип. Шумахера и Брукера, 1914. – 64 с.

26. Открытый архив-2: справочник сборников документов, вышедших в свет в отечественных издательствах в 1917–2000 гг. / авт.-сост. И. А. Кондакова. – М.: РОССПЭН, 2005. – 432 с.

27. Первая мировая война (1914–1918). Книги на русском языке за 1914–1943 гг. / сост. А. П. Керзум, С. В. Блохин. – СПб.: РНБ, 2018. – 81 с.

28. Первая Мировая война 1914–1918 годов: в 6 т. / под общ. ред. С. К. Шойгу. – М.: Кучково поле, 2014–2017.

29. Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918: в 4 т. – М.: РОССПЭН, 2014.
30. Переписка Вильгельма II с Николаем II: 1894–1914 гг. / с предисл. М. Н. Покровского; Центрархив. – М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. – 198, [14] с.
31. Письма императрицы Александры Федоровны императору Николаю II: в 2 т. – Берлин: Слово, 1922. – Т. 1. – 150 с.
32. Предметный указатель к газете «Новое Время». 1915 год. – Пг., 1917.
33. Предметный указатель к газете «Новое Время». Второе полугодие. 1914 год. – Пг., 1915.
34. Семейная переписка Романовых. Переписка Николая Романова с Александрой Федоровной // Красный архив. – 1923. – Т. 4. – С. 157–221.
35. Серая книга. Сборник бельгийских дипломатических документов. – Пг.: Б-ка Великой войны, 1915. – 107 с.
36. Синяя книга: сборник тайных документов, извлеченных из архива бывшего Министерства иностранных дел / Нар. Комиссариат по иностр. делам; ред. и введ. К. М. Трояновского. – М., 1918. – XII, 115 с.
37. Синяя книга: сербская дипломатическая переписка, относящаяся к войне 1914 г. / пер. Н. М. Лагова. – Пг.: [Тип. Акционер. о-ва «Альфа»], 1915. – 55 с.
38. Солдатские письма 1917 года / подгот. к печати О. Н. Чаадаевой; предисл. М. Н. Покровского. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. – 165, [2] с.
39. Февральская революция 1917 года (документы ставки верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего армиями Северного фронта) // Красный Архив. – 1927. – Т. 21. – С. 3–78; Т. 22. – С. 3–70.
40. Хмелевский, Г. Мировая империалистическая война 1914–1918 гг.: систематический указатель книжной и статейной военно-исторической литературы за 1914–1935 гг. / Г. Хмелевский. – М., 1936.
41. Чаадаева, О. А. Солдатские письма в годы мировой войны (1915–1917 гг.) / О. А. Чаадаева // Красный архив. – 1934. – Т. 65–66. – С. 118–163.
42. Шубин, Н. А. Россия в Первой мировой войне. Историография проблемы (1914–2000 гг.): дис. ... докт. ист. наук: 07.00.09. / Н. А. Шубин. – М., 2001. – 289 с.
43. Экономика империалистической войны. Вып. 1. Экономическая война: (документы периода империалист. войны 1914–1918 гг.). – М.: Штаб РККА, 1932. – 68 с.

(Дата поступления: 28.11.2020).

РАЗДЕЛ 2. ИДЕНТИЧНОСТИ И КУЛЬТУРА ЭЛИТ И НАСЕЛЕНИЯ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Дзярновіч А. І.

ДНУ «Інстытут гісторыі Нацыяльнай акадэміі навук Беларусі»,
Мінск, Беларусь

Dziarnovich A.

Institute of History, NAS of Belarus, Minsk, Belarus

УДК 930.2(474)

«МАГІЛА ВОЛАТАЎ»: РЭАКТУАЛІЗАЦЫЯ НАРАЦЫІ ПРА ШТУРМ ЗАМКА ПІЛЕНЫ Ў 1336 ГОДЗЕ І ФАРМІРАВАННЕ ГІСТАРЫЧНАГА МІФА ЛІТОВСКАЙ НАЦЫІ Ў XIX СТАГОДДЗІ

«TOMB OF THE GIANTS»: REACTUALIZATION OF THE NARRATIVE ABOUT THE STORMING OF THE PILĖNAI CASTLE IN 1336 AND THE FORMATION OF THE HISTORICAL MYTH OF THE LITHUANIAN NATION IN THE 19TH CENTURY

Звесткі пра штурм замка Пілены на жамойцка-прускай мяжы ў 1336 г. упершыню былі зафіксаваныя ў «Новай прускай хроніцы» Віганда Марбургскага, дзе галоўным быў сюжэт супрацьстаяння хрысціян і паганцаў. Гэты ж сюжэт атрымаў распаўсюджанне ў рэнесанснай гістарыяграфіі ВКЛ, у якой узмацніліся этнічныя маркеры. Але сапраўдны інфармацыйны выбух вакол Піленаў і яе абаронцаў адбыўся ў канцы XVIII – сярэдзіне XIX ст. Пасля засваення гэтага сюжэту гістарыяграфіяй Асветніцтва ў гістарыяграфіі Рамантызму на першы план выйшла маральна-этычная інтэрпрэтацыя гераічнага ўчынку. Найважнейшая роля тут належала Аўгусту фон Кацэбу, які і стварыў канон нарацыі пра Пілены XIX ст. Гэтая рамантычная плынь і сімпатыя да «варвараў» была падхоплена не толькі гісторыкамі, але таксама мастакамі, літаратарамі і кампазітарамі з зямель былога Вялікага Княства Літоўскага, у тым ліку на прыкладзе Піленаў і яго героя князя Маргера (Маргііца) фарміраваўся літвінскі шляхецкі патрыятызм.

У канцы XIX – пачатку XX ст. сюжэт гераічнага калектыўнага суіцыду становіцца культавым сярод удзельнікаў літоўскага нацыянальнага руху.

Рэактуалізацыя памяці пра трагедыю Піленаў і гераічная інтэрпрэтацыя звестак гістарычных крыніц сталі аднымі з тых ідэалагічных падстаў, на якіх у XIX ст. фарміраваўся праект сучаснай літоўскай нацыі. Поруц з гераізмам адной з найважнейшых характарыстык у ацэнцы падзей 1336 г. становіцца ахвярнасць.

Ключавыя словы: сярэднявечныя хронікі; Рэнесанснае гісторыяпісанне; гістарыяграфія Асветніцтва і Рамантызму; праект літоўскай мадэрнай нацыі; гістарычны міф.

Information about the storming of the Pilėnai Castle on the Samogitian-Prussian border in 1336 was first recorded in the «New Prussian Chronicle» by Wigand of Marburg, where the main plot was the confrontation between Christians and Pagans. The same plot became widespread in the Renaissance historiography of the Grand Duchy of Lithuania, in which ethnic markers were strengthened. But the real information explosion about Pilėnai and its defenders took place in the late 18th – mid 19th centuries. After mastering this plot by the historiography of the Enlightenment, the moral and ethical interpretation of the heroic deed came to the fore in the historiography of Romanticism. The most important role here belonged to August von Kotzebue, who created the canon of the narrative about Pilėnai in the 19th c. This romantic current and sympathy for the «barbarians» was picked up not only by historians but also by artists, writers and composers from the lands of the former Grand Duchy of Lithuania, including the example of Pilenov and his hero Prince Marger (Margiris), formed Litvinian aristocratic patriotism.

In the late 19th and early 20th centuries, the plot of the heroic collective suicide became cult among the participants of the Lithuanian national movement. The re-actualization of the memory of the Pilėnai tragedy and the heroic interpretation of data from historical sources became one of the ideological foundations on which the project of the modern Lithuanian nation was formed in the 19th c. Along with heroism, one of the most important characteristics in the assessment of the events of 1336 is sacrifice.

Keywords: medieval chronicles; Renaissance historiography; historiography of the Enlightenment and Romanticism; the project of the Lithuanian modern nation; historical myth.

Сюжет для антычнай трагедыі

Адзін з самых красамоўных эпізодаў экспансіі Нямецкага ордэна ў Балтыйскім рэгіёне і яго супрацьстаяння з Вялікім Княствам Літоўскім і землямі, якія ў будучым увайдучь у яго склад, звязаны з легендарным штурмам замка Пілены ў 1336 г. Гэтая падзея адбылася падчас выправы (рэйду) ордэнскага аддзела на чале з вялікім магістрам Дытрыхам фон Альтэнбургам (з роду бургграфаў Альтэнбурга; вялікі магістр 3.V.1335–6.X.1341).

Кіраванне вялікага магістра Дытрыха было адметным тым, што ён прыцягнуў у дапамогу Ордэну новыя сілы рыцараў-візіцёраў з Цэн-

тральной і Заходняй Еўропы: аддзелы герцага Брандэнбургскага, графаў з Фландрыі (comes de Namen), Францыі, германскіх (Hennenberg) і аўстрыйскіх земляў. Узімку 1335–1336 гг. агульная колькасць гэтых добра ўзброеных «гасцей» дасягала звыш за 200 'galea' (шаломаў) [48, s. 196].

Паводле паведамленняў нямецкіх ордэнскіх хронік, аб'яднання ордэнскія аддзелы 25 лютага 1336 г. выправіліся на Літву і ўзялі ў аблогу «castrum Pillenen in terra Troppen». Як можна зразумець, гэты «замак Пілены» ў «зямлі Тропен» быў важным апорным пунктам у Жамойці на мяжы з ужо заваяванай Ордэнам Прусіі. Зямля Тропен, як і замак Пілены, не маюць дакладнай лакалізацыі. Мяркуецца, што яны знаходзіліся на паўночным (правым) беразе ніжняга Нёмана.

Апісанні падзей у замку Пілены, пакінутыя ордэнскай хронікай, нагадваюць па сваёй стылістыцы і маштабу антычную трагедыю. Гэтыя апісанні пакінуў ордэнскі храніст Віганд Марбургскі, паводле слоў якога да Піленаў прыйшло больш за 4000 чалавек з чатырох земляў. Пабачыўшы ордэнскае войска, язычнікі «згубілі надзею на ўтрыманне замка» і пакідалі сваю маёмасць у полімя. Затым адбыўся акт калектыўнага суіцыду. Драматызм нарацыі надае аповед пра «vetula pagana» («старую паганку»), як можна меркаваць – жрыцу, якая сякерай забіла 100 сваіх супляменнікаў, а потым і сябе.

Граф Гененберг узяў пад кантроль замак, але некаторыя яе абаронцы, параненыя, здолелі сысці на конях. Правадыр паганцаў, якога хроніка называе «Rex Lithwanorum», быў абаронены гарчамі сваіх слугаў. «Ахоплены страхам», ён уцёк да нейкай хованкі, дзе закалоў сваю жонку і кінуў яе цела ў агонь. Паганцы, уражаныя такой паразай, нахілілі свае галовы, і правадыр іх усіх пазабіваў. «Castrum Polenen» быў разбураны, і з яго былі выведзены палонныя і вынесена багатая здабыча [48, s. 198].

Базавыя звесткі пра падзеі пад Піленамі першым зафіксаваў, з таго што на сёння вядома, храніст Віганд Марбургскі (фон Магбургскі) (каля 1365–1394/1409). Сам Віганд не з'яўляўся рыцарам Ордэна, але быў герольдам вялікага магістра Конрада Валенрода (1391–1393). Хроніка Віганда ахоплівае перыяд 1293–1394 гг. і з'яўляецца адной з найважнейшых крыніц па гісторыі Нямецкага ордэна ў Прусіі. Першапачатковы тэкст хронікі быў напісаны рыфмаванай прозай на сярэдневерхне-нямецкай мове (vulgari teutonico).

У сярэдзіне XV ст. па ініцыятыве польскага гістарыёграфа і каралеўскага прыдворнага Яна Длугаша (1415–1580) быў зроблены

лацінскі пераклад хронікі. На працягу XV–XVI стст. у Польшчы і Вялікім Княстве Літоўскім да лацінскага тэксту неаднаразова звярталіся храністы і гістарыёграфы (Ян Длугаш, Мацей Мяхоўскі, Марцін Кромер, Мацей Стрыйкоўскі, Альберт Віюк-Каяловіч). Апроч таго, на базе захаваных частак нямецкага арыгінала ў Прусіі ў XVI ст. узнікла новая традыцыя нарацыі пра Пілены (Сімон Грунаў, Лукас Давід, Каспар Шуц) [17, S. 359–364; 18, p. 49–60].

Гістарыяграфія Асветніцтва і Рамантызму

Праз дзвесце гадоў пасля ўзнікнення новай прускай традыцыі гісторыяпісання XVI ст., якая надала ўвагу Піленам, і праз сто гадоў пасля штудый Альберта Віюка-Каяловіча ў ВКЛ тэма аблогі замка Маргірыса зноў вярнулася на старонкі гістарыяграфічных прац. Ажывіў гэты сюжэт нямецкі і расійскі гісторык, вядомы нарманіст і выдаўца рускіх летапісаў [38] Аўгуст Людвіг Шлэцэр/August Ludwig Schlözer (1735–1809) у сваёй агляднай працы «Geschichte von Littauen, als einem eigenen Großfürstenthume, bis zum Jh. 1569» («Гісторыя Літвы, як уласна Вялікага Княства, да 1569 г.») [39]. Сам жа А. Шлэцэр, як ужо адзначалася [25, p. 57], падчас напісання сваёй працы шмат у чым абапіраўся на «Гісторыю Літвы» Альберта Віюка-Каяловіча [49; 50].

І сапраўды, нарацыя А. Шлэцэра пра Пілены шмат у чым падобная да апісання гэтай аблогі ў А. Віюка-Каяловіча. З самага пачатку гістарычны адрэзак, у які адбываліся гэтыя падзеі, А. Шлэцэрам, услед за гістарыёграфам ВКЛ, пазначаецца як перыяд уладарання Алгерда, які напярэдадні вёў стрыманую палітыку: «Einige Jahre ruhte Olgerd aus» [39, S. 69]. Нямецкі гісторык паўтарыў базавыя звесткі пра колькасць літоўцаў у 4000 і пра калектыўны суіцыд абаронцаў замка Пілены. Але гэты аповед вёўся без прыўнясенні такіх каларытных дэталей, як сакральная сякера прарочыцы. Апошні сюжэт быў прапісаны ў першакрыніцы – у «Хроніцы» Віганда Марбургскага, але адсутнічаў у «Аналах» Яна Длугаша, якія атрымалі пашырэнне ў Польшчы і ВКЛ. Для гістарычнай тапанімікі важна таксама тое, то А. Шлэцэр запазычыў у А. Віюка-Каяловіча адну з формаў напісання назвы замка – Пуня: «das schloß Pullen oder besser Punie». Гэтая своеасаблівая вольнасць у перадачы тапонімаў ужо ў XIX ст. спрычынілася да ўзаемнага накладання двух гістарычных міфаў.

Увогуле ж А. Шлэцэр, які лічыцца найбольш выбітным прадстаўніком Гёттынгенскай гістарычнай школы і заснавальнікам сла-

вістыкі ў Гётынгене [8, с. 211–212], зыходзіў з таго, што ўсе народы і гістарычныя эпохі, пра якія захаваліся верагодныя звесткі, заслугоўваюць стараннага навуковага вывучэння [7, с. 87]. Гётынгенскі ўніверсітэт, дзе навучаўся А. Шлёцэр і куды ў 1769 г. ён вярнуўся прафесарам пасля акадэмічнай працы ў Швецыі і Расіі, быў цэнтрам руху па пераўтварэнні гісторыі ў самастойную навуковую дысцыпліну, што стала адметнай рысай гістарыясофскай традыцыі Асветніцтва. Гэта была спроба стварэння канцэпцыі Сусветнай гісторыі.

Іншую базу крыніц па штурму Піленаў мела праца прускага літаратара і гістарыёграфа Людвіга фон Бачка/Ludwig von Baczko (1756–1823) «Гісторыя Прусіі», выдадзеная ў Кёнігсбергу праз восем год пасля выхаду з друку кнігі А. Шлёцэра. Л. фон Бачка выкарыстоўваў звыклую для прускага гісторыяпісання XVI ст. форму тапоніма: «Pullen oder Pulleyen». Форму «Pullen» выкарыстоўваў і Лукас Давід у «Прускай хроніцы» [23, S. 130], а таксама Каспар Шуц у «Прускай гісторыі» [40, Bl. 77r]. Гэтыя адсылкі важныя, таму што дазваляюць зразумець, адкуль Л. фон Бачка ўзяў падробаныя звесткі пра фартыфікацыю Піленаў. Гэты сюжэт Л. фон Бачка суправадзіў заўвагай, што «варта прыкласці намаганні, каб пазнаёміцца з гэтай надзвычай моцнай крэпасцю літоўцаў, бо яна дае нам уяўленне пра іх веды і іх ваеннае мастацтва» («Es ist der Mühe werth, diese vorzüglich starke Veste der Litthauer etwas näher kennen zu lernen, weil sie uns einen Begriff von ihren Kenntnissen und ihrer Kriegskunst beybringt») [14, S. 112]. Далей гістарыёграф прывёў колькасныя даныя па памерах сцен драўлянага замка: сцены мелі вышыню ў 83 пядзі (x 20 см = 16,6 м) і таўшчыню ў 52 пядзі/Spannen (x 20 см = 10,4 м), роў меў глыбіню 26 футаў/Schuh (x 30 см = 7,8 м) і шырыню 50 футаў (x ≈ 30 см = 15 м) («Sie war aus dicken Rahnen erbaut, die 83 Spannen hoch und 52 Spannen dick übereinander lagen, und von einem 26 Schuh tiefen und 50 Schuh breiten Graben umgeben wurden») [14, S. 112]. Ніжэй Л. фон Бачка спасылаўся на працы Лукаса Давіда і Каспара Шуца. У Лукаса Давіда якраз гэтыя звесткі і прысутнічаюць, але першапачаткова яны былі названыя ў «Прускай хроніцы» Сімона Грунаў [24, S. 582]. Трэба адзначыць, што гістарыяграфічныя наратыў Л. фон Бачкі меў апавядальнасць, літаратурны стыль. Як бачым, Л. фон Бачка ў сваіх штудыях абапіраўся на прускія хронікі XVI ст. і працягнуў гэтую традыцыю гісторыяпісання ўжо ва ўмовах Асветніцтва.

Яшчэ больш белетрызавана выглядае апісанне падзей у Піленах у Аўгуста фон Кацэбу/August Friedrich Ferdinand von Kotzebue (1761–

1819). Гэты нямецкі аўтар вядомы ў большай ступені як драматург і раманіст і меў нестандартную біяграфію – з’яўляўся газетным агентам на расійскай службе ў Остзейскім краі, быў вядомы сваімі нападкамі на нямецкія лібералізм і нацыяналізм, а загінуў ад кінжала студэнта-радыкала Карла Людзвіга Зандта [6, с. 177–191; 51, р. 890–943; 53]. А. фон Кацэбу меў сур’ёзныя зацікаўленні ў гісторыі рэгіёна – ад Прусіі да ВКЛ. У прыватнасці, яго пярэ належаць праца па палітычнай біяграфіі князя Свідрыгайлы [9].

Сапраўды маштабным праектам нямецкага літаратара і гістарыёграфа стала «Гісторыя старажытнай Прусіі», выдадзеная ў 4 тамах у 1808 г. [26]. Менавіта на старонкай гэтай сінтэзы А. фон Кацэбу звярнуўся да трагічных падзей 1336 г. і надаў сваёй нарацыі выразныя літаратурныя рысы. «Самай дзіўнай падзеяў гэтага [1336 г.] рэйду» аўтар называў разбурэнне замка Пілены, якое застанецца «толькі помнікам адвагі тых паганцаў, вартым пярэ Тацыта, як і ліры Гамера»: «Doch die merkwürdigste Begebenheit jenes Streifzuges, die Zerstörung der Burg Pulleyen, ist und bleibt nur ein Denkmal der Tapferkeit jener Heiden, würdig der Feder eines Tacitus wie der Leyer eines Homer» [26, Bd. 2, S. 171]. У адпаведнасці з традыцыямі рамантызму нямецкі аўтар выказвае свае сімпатыі «высакародным варварам», распавядаючы пра іх барацьбу ў герайчным ключы: «Sie fochten nicht blos für ihre Götter, ihren Ruhm, ihr Eigenthum; auch was dem Menschen am liebsten ist, ihre Weiber und Kinder umschlossen die hölzernen Mauern» («Яны змагаліся не толькі за сваіх багоў, славу, маёмасць; таксама за тое, што найбольш дарагое чалавеку, іх жонкі і дзеці»). Галасы крэўных абуджалі мужнасць абаронцаў: «So oft sie rückwärts blickten, hoben sich unbewehrte Hände um Schutz flehend auf, und wohlbekannt, an das Herz dringende Klagestimmen befeuerten thätigen, erweckten gesunkenen Muth».

У А. фон Кацэбу з’явіліся новыя дэталі аблогі Піленаў. Паводле аўтара, адну з найважнейшых роляў падчас штурму выканалі трыццаць лучнікаў рыцара Вернера фон Рандорфа, якія выпусцілі 600 стрэлаў, абматаных каноплямі і змочаных у смале: «Fast verzweifelnd starrten die Fliehenden das trozzige Holzschloß an, als Ritter Werner von Randorf, listiger als tapfer, unter seine dreyßig Bogenschützen sechshundert Pfeile vertheilte, deren Widerhaken, mit Hanf in Pech getränkt umwunden, brennend hinüber flogen, brennend in die Balken drangen, und an hundert stellen die Feste in Brand steckten» [26, Bd. 2, S. 172]. Агонь зрабіў немагчымым абарону драўлянага замка, і далей наступіла трагічная развязка, вядомая ўжо

з ранейшых крыніц. Фактычна А. фон Кацэбу літаратурнымі сродкамі ўзмацніў драматызм гучання гісторыі пра абарону Піленаў.

У далейшым сюжэт пра Пілены атрымаў развіццё ў маштабнай працы па гісторыі Прусіі, аўтарства якой належала нямецкаму гісторыку і прафесару Кёнігсбергскага ўніверсітэта Ёганесу Фойгту/Johannes Voigt (1786–1863). Дзевяцітомная «Гісторыя Прусіі ад найстаражытнейшых часоў да падзення ўладарання Нямецкага ордэна» выходзіла з друку на працягу 1827–1839 г. Апісанне падзей пад Піленамі было змешчана ў чацвёртым томе маштабнай працы Ё. Фойгта «Гісторыя Прусіі». У тэме, прысвечанай Піленам, Ё. Фойгта звярнуў увагу на некалькі асаблівасцяў. Ці не першым з гісторыкаў гэты гістарыяграф, звярнуўшы ўвагу на розныя формы напісання тапоніма, прааналізаваў формы назвы Піленаў у нямецкай традыцыі гісторыяпісання –сярэднявечных хроніках і творах аўтараў ранняга Новага часу. Ён, апроч іншага, прапанаваў сваю лакалізацыю замка Пілены – на паўночны захад ад Расейнаў у цэнтральнай Жамойці: «...die altheidnische Burg Pillenen im Lande Troppen, warscheinlich in Samaiten nordostwärts von Rossiena hinauf» [47, S. 535]. Правадыр піленцаў фігуруе ў Ё. Фойгта ўжо не пад тытулам «кароль», а «князь» (Fürst Marger). Таксама нямецкі гісторык працягнуў прускую традыцыю апавяду пра старую паганскую жрыцу з ахвярай сякерай: «dem Opferbeile einer alten Priesterin». Ё. Фойгт таксама даў сваю інтэрпрэтацыю рэакцыі ордэнскай выправы. Паводле гісторыка, нямецкія ваюры ўздрыгнуліся ад жудаснага кровапраліцця, і іх кроў ледзь не застыла, калі яны ўвайшлі ў замак: «Mit schauer nahmen die Deutschen Krieger das entsetzliche Blutbad wahr und fast erstarrte ihr Blut, als sie den Boden der gräßlichen That betraten» [47, S. 537]. Але гэты супраціў піленцаў меў тактычныя наступствы – уражаныя духам народа, нямецкія аддзелы не адважыліся рушыць далей у гэты край: «Bei solchem Geiste des Volkes aber wagte das Deutsche Kriegsheer nicht weiter in das Land einzudringen» [47, S. 537].

Маштабныя працы А. фон Кацэбу і Ё. Фойгта, створаныя пад уплывам гістарыяграфіі Рамантызму, заклалі канон нарацый пра Пілены ў XIX ст. Таксама трэба адзначыць, што іх працы базаваліся на прускай гістарыяграфічнай традыцыі, але аўтары прыўнеслі ў інтэрпрэтацыю далёкіх па часе падзей свае маральна-псіхалагічныя інтэрпрэтацыі, што ўвогуле было адной з рысаў рамантычнай гістарыяграфіі.

Рост цікавасці ў былым ВКЛ

Распрацоўкі нямецкай гістарыяграфіі знайшлі водгук на землях былога Вялікага Княства Літоўскага. Але першай мастацкай рэфлексіяй на гістарычныя падзеі стала палатно польскага мастака Уладзіслава Канстанціна Маераноўскага/Władysław Konstanty Majeranowski (1817–1874), які паходзіў з падаўстрыйскага Кракава. Яго эпічнае палатно «Апошняя сцена Маргера» («Ostatnia scena Margiera») было выканана ва ўласцівай для Рамантызму стылістыцы з апеляцыйнай да легендарных сюжэтаў і характарызаваўся моцнай экспрэсіяй. Створаны ім вобраз апошніх хвілін жыцця правадыра паганцаў Маргера стаў адным з самых моцных у мастацкім увасабленні падзей пад Піленамі. Сімвалізм карціны У. К. Маераноўскага прачытваўся як антынямецкі, скіраваны супраць Прусіі, адной з дзяржаў – удзельніц падзеяў Рэчы Паспалітай.

У 1837 г. з’явілася палатно прадстаўніка Віленскай мастацкай школы Вінцэнта Дмахоўскага (1805/07–1862) «Крыжакі перад атакай замка Пуня» [30, Нг. Т-13]. Гэты твор, апроч іншага, ілюструе тэндэнцыю фактычнага накладання двух сюжэтаў – падзеі, апісаная Вігандам Марбургскім пад Піленамі ў 1337 г., сталі пераносіцца на выправу 1382 г. на зямлю Пуня, апісаную таксама Вігандам Марбургскім («in terra Punnow») [48, s. 472]. Свой жа твор В. Дмахоўскі стварыў у 1837 г. пасля вяртання на Радзіму па амністыі для ўдзельнікаў паўстання 1830–1831 гг. [5, с. 100]. Вяртанне мастака супала з 500-гадовым юбілеем бітвы пад Піленамі.

Тэкстуальная легітымацыя сюжэта Піленаў у другой чвэрці XIX ст. адбылася на старонках працы Тэадора Нарбута (1784–1864) «Гісторыя літоўскага народу». Паўтарыўшы ў асноўным канву падзей, як яна выкладаецца ў папярэдніх аўтараў, у яго наратыве заўважны ўплыў А. фон Кацэбу, напрыклад, эпізод са стрэламі: «W tem krzyżak Werner randorf rozdał między trzydziestu wybrańszych sześćset strzał palnych, które za jednym razem gradem ognistym okryły grod cały» [37, s. 601–602]. Т. Нарбут узбагаціў свой тэкст дэталямі пра словы жрыцы і алтар Зніча. Але найбольшая адметнасць метаду нарацыі Т. Нарбута – гэта гіпербалізацыя падзей, у тым ліку калі ён мультыплікуе колькасць ахвяраў да 12 тысяч: «ludu zdatnego do obrony było w Pullen cztery tysiące; zapewne dwa razy tyle kobiet, dzieci i starców liczyć można; sławny przeto ten stos pogrzebny zarazem pochłonać musiał najmniej dwanaście tysięcy ludzi» [37, s. 604]. У любым выпадку, Т. Нарбутам была не столькі створана,

колькі ўзмоцнена гераічная і адначасова трагічная карціна літоўскага мінулага.

Праз восем год пасля выдання працы Т. Нарбута з'явіўся том па ВКЛ маштабнага праекта «Старажытная Польшча», які падрыхтавалі Міхал Балінскі (1794–1864) і Цімафей Ліпінскі (1797–1856). М. Балінскі замацаваў у свядомасці чытацкай публікі атаясамленне Піленаў і Пуні ў раёне Аліты: «Punie od krzyżaków *Pullen* zwane, albo *Pillenen*, miasteczko nad brzegiem niemna niżej olity o mil 7½ od trok, o milę od Stokliszek» [15, s. 427] (вылучэнні ў тэксце М. Балінскага). Пры гэтым М. Балінскі спасылаўся на польскага і літвінскіх аўтараў: «...wielki drewniany zamek, mocno obwarowany, pamiętny bohaterską obroną za olgerda litwinów przeciw krzyżakom, której Długosz, Strykowski i Kojalowicz pamięć nam zachowali» [15, s. 427]. Хоць у звестках пра Маргера гісторык адсылаў да прускіх хронік праз пасярэдніцтва Ё. Фойгта («*Marger* niejaki dowódca załogi, królikiem litewskim od dziejopisów pruskich zwany»), важна таксама тое, што М. Балінскі падаў дату падзей як 1336 г., што таксама замацавалася ў наступнай традыцыі.

Лічбу ахвяраў у 12 тысяч, выведзеную Т. Нарбутам, выкарыстаў літаратар і гісторык Юзаф Ігнацы Крашэўскі (1812–1887) [28, s. 222]. Да сюжэту Піленаў ён звярнуўся ў сваёй гістарычнай сінтэзе «Літва». Пры тым, што аўтар імкнуўся да белетрызацыі ўласнай нарацыі, ён паставіў некалькі новых пытанняў у тэме Піленаў. Так, напрыклад, Ю. Крашэўскі вывеў назву замка Пілены ад літоўскага *pilis* – замак: «...stary gród Pilleny (Pillen od Pillis grobla, szaniec, twierdza – tak u Wiganda; inni kroniści dziwnie nazwanie przekręcają)» [28, s. 228]. Увогуле Ю. Крашэўскі ўвёў у апісанне гістарычных падзей шмат вядомых яму балта-літоўскіх рэалій: пазначэнне Маргера як кунігаса; характарыстыка яго як чалавека «непераможнай яцвяжскай адвагі», а таксама адсылкі да міфалагічных уяўленняў, да Неба (Dangus), на якім знаходзіўся Вырай і куды адпраўяцца душы памерлых абаронцаў Піленаў: «Wszyscy idą chętnie, idą na tę śmierć, która ich w niebie ojców, w kraju wschodnim, w Dungusie, prze obrażonych, odmłodzonych, szęśliwych, z duchami bohaterów połączy» [28, s. 220]. Галоўная ж місія Ю. Крашэўскага – паказаць сапраўдны гераізм, «прыкладу якога няма ў нашай гісторыі»: «Z prawdziwym heroizmem, którego nie znamy w naszych dziejach przykładu, wszyscy ofiarowali się na śmierć dobrowolną, byleby ani łupu, ani siebie nie dać w ręce nieprzyjaciela» [28, s. 220].

Сапраўднае мастацкае ўвасабленне Ю. Крашэўскім гісторыя замка Пілены і князя Маргіціса атрымала ў гістарычным рамане «Кунігас» [27].

**Мал. 1. Міхал Эльвіра Андрыёлі (1836–1893)
«Смерць Маргера і Банюты».
Ілюстрацыя да рамана
Юзафа Ігнацы Крашэўскага
«Кунігас» (1882)**

Твор упершыню быў апублікаваны ў 1882 г., а ілюстрацыі для выдання падрыхтаваў сьлыны ўжо Міхал Эльвіра Андрыёлі (1836–1893). Серыя яго ілюстрацый, выкананых паводле рамантычнай мастацкай традыцыі, стала класічнай і ў далейшым неаднаразова ўзнаўлялася [11] (мал. 1). У другой палове XIX ст. Ю. Крашэўскі стаў адным з самых папулярных аўтараў у Расіі, а пераклад «Кунігаса» з’явіўся ў Санкт-Пецярбургу ў 1899 г. і перавыдаваўся падчас Першай сусветнай вайны [10, с. 1–216].

Ю. Крашэўскі сканструяваў нязвычайна лёгкалітаскага героя Маргера. Паводле раманіста, у дзіцячым узросце Маргер быў захоплены крыжакамі падчас аднаго з рэйдаў у глыб літоўскай тэрыторыі, атрымаў хрысціянскае імя Юрый і выхоўваўся ў Мальбарку ў належным атачэнні.

Аднак «голас крыві» прывёў юнака да сваіх суродзічаў, і Маргер-Юрый узначаліў абарону Піленаў ад крыжакоў.

Але для чытача XIX ст. фабула рамана Ю. Крашэўскага ўтрымлівала ўнутраную палеміку: Маргер быў Анты-Валенродам. Сюжэт рамана «Кунігас» моцна залежаў ад паэтычнага рамана Адама Міцкевіча «Конрад Валенрод» [4, с. 146], які меў падназву «Раман гістарычны з гісторыі літоўскай і прускай». Сваю паэму-раман А. Міцкевіч напісаў паміж 1825 і 1828 гг. падчас высылкі на тэрыторыі Расіі, а менавіта ў Санкт-Пецярбургу. Пасля выдання ў лютым 1828 г. «Конрад Валенрод» [36] стаў лічыцца адным з найбольш знаных літаратурных твораў польскага рамантызму. Паводле сюжэту, галоўны герой паэмы літоўскі хлопчык Альф, як і Маргер, трапляе ў крыжацкі палон. Хлопца выхоўвае як роднага сына вялікі магістр Вірных. Нягледзячы на ​​добрае абыходжанне з боку немцаў, Альф, вонкава скарыўшыся, употай трымае нянавісьць да Ордэна. Палонны літоўскі пясняр Гальбан намаўляе Альфа, каб той даведаўся ад немцаў пра ўсё, а затым выкарыстаў гэтыя веды супраць

ix, бо «адзінай зброяй нявольнікаў ёсць здрада»: «*Tuś niewolnik, jedyna broń niewolników jest zdrada*» (у першым выданні гэты радок быў адцэнзураваны). У першай сутычцы з літоўцамі, у якой Альф бярэ ўдзел, ён пераходзіць на бок літоўцаў і дапамагае ім перамагчы. У будучым, пасля наведвання Ерусаліма, Альф выдае сябе за графа Конрада Валенрода, які загінуў у Святой Зямлі пры невядомых абставінах, і нават абіраецца вялікім магістрам Ордэна.

Адкуль узнікла гэта дзіўная аналогія, што галоўны герой паэмы А. Міцкевіча мае тое ж імя, што і вялікі магістр Ордэна, які быў непасрэдным кіраўніком Віганда Марбургскага, стваральніка легенды пра Пілены? Конрад фон Валенрод (1330/1340–1393) паходзіў з рыцарскага франконскага роду і на працягу 1391–1393 г. быў 24-м вялікім магістрам Нямецкага ордэна. У сваёй палітыцы гэты магістр сапраўды быў моцна арыентаваны на Вялікае Княства Літоўскае, у прыватнасці, першапачаткова падтрымліваў Вітаўта ў яго канфлікце з Ягайлам, а ў студзені 1393 г. арганізаваў па выніках няўдалы паход на Гародню. Сярод ордэнскіх храністаў склаўся негатыўны вобраз гэтага вялікага магістра, які быў недастаткова шчодры да царквы, а паданні зрабілі з Конрада нават літвіна. Сам А. Міцкевіч ведаў пра існаванне гістарычнага Конрада Валенрода і пісаў у каментарыях да паэмы, што рэальны Валенрод сапраўды паставіў Ордэн на грань пагібелі, а сам памёр пры цьмяных абставінах. Можна сцвярджаць, што выбар імя і эпохі быў у паэта невыпадковым і дыктаваўся той мастацкай задачай, якую ён сабе сфармуляваў.

А. Міцкевіч выкарыстоўваў у паэме «гістарычныя маскі», адсылаючы да падзей сярэднявечнай гісторыі. У рэчаіснасці паэт закрануў праблемы краёвага патрыятызму XIX ст. Яшчэ пры жыцці А. Міцкевіча паэма дала назву такой этычна-маральнай плыні нацыянальна-вызваленчых рухаў, як «валенрадызм», што мела ў сваёй аснове дактрыну Макіявелі. Валенрадызм стаў пазначаць пазіцыю чалавека, які выкарыстоўвае падман і здраду для дасягнення высакароднай мэты.

Паняцце «валенрадызм» стала досыць папулярным яшчэ пры жыцці А. Міцкевіча [29, с. 995–996]. Але ў грамадстве стаўленне да валенрадызму было супярэчлівым. З аднаго боку, паэма «Конрад Валенрод» дакладна зафіксавала этычную дылему, у якой знаходзіліся змоўцы, якія рыхтаваліся да паўстання, што ўспыхне ў 1830 г. Сродкамі літаратуры праз метафару маральнага канфлікту фактычна быў кадыфікаваны новы ўзор патрыятызму, які мог быць рэалізаваны

ў канспіралагічнай і рэвалюцыйнай дзейнасці. Але некаторыя прадстаўнікі грамадскіх рухаў у XIX ст. прачыталі пасланне А. Міцкевіча вельмі даслоўна, таму ў аўтара выказваліся прэтэнзіі, што валенрадызм у аснове сваёй з'яўляецца маральнай пахваляй здрады і што ідэя помсты ў паэме важнейшая за ідэю любові да Айчыны. Аднак ідэя трагізму перакрывала гэтую палеміку пра валенрадызм.

Янка Купала абраў для перакладу ўступ да паэмы А. Міцкевіча, у якім наймацней гучыць тэма гістарызму падзей:

*З «Конрада Валенрода»
Сто лет мінала крыжацкай навале,
Як кроў з паўночных смактала паганаў.
Прусы ўжо шыі ў аковы згіналі
Або ўцякалі з радзімых палянаў;
Немец за ўцёкшым пускаўся ўдагонкі,
Нішчыў да самай літоўскай старонкі.*

*Літвінаў дзеліць ад ворагаў Нёман:
З аднаго боку лясняць стрэхі святыняў,
І лесу – схову багоў – чуваць гоман;
З другога – ўбіты на ўзгорку пустыні
Крыж, знак нямецкі, рад к небу сягнуці,
Грозна пільнуе літоўскіх загонаў,
Як бы ўсю чыста зямлю Палямона
Хацеў бы зверху здушыць, загарнуці.*

У сярэдзіне XIX ст. паўстаў яшчэ адзін паэтычны твор, які апеяваў да падзей пад Піленамі. Гэта была паэма Уладзіслава Сыракомлі (1823–1862) «Маргер». У «Слове ад аўтара» У. Сыракомля спасылаўся на ордэнскую хранікарную традыцыю: «Litewscy i pruscy kronikarze zapisali pod r. 1336 napad krzyżacki na zamek Pullen, bohaterką jego obronę przez woźdza Margiera i zgon Litwinów, którzy nie chcąc się żywo oddać w ręce nieprzyjaciół, sami się na stosie na ofiarę swym bogom pozabijali» [42, s. V]. Галоўная ідэя паэмы была ўкладзена аўтарам у вусны галоўнага героя падчас адважнага самагубства [42, s. 134]:

*Margier kotpak soboli zdjął z rycerskiej głowy:
«Witam cię, chrobra Litwo, w otchłani grobowej!
Daj świadectwo niebiosom w uroczystej dobie,
Żem cześć twoją ocalił i zginął przy tobie!
Nie umarłaś spodlona – tylko nieszczęśliwa!»*

Аўтар апавядае пра адну лакальную падзею, імкнецца стварыць агульную карціну гісторыі Літвы, скласці пэўны заканамерны абрыс эпохі ордэнскай экспансіі [2, с. 221]. Спалучэнне «харобрай Літвы» і адчайнага ўчынку фарміруе маральна-этычны комплекс прачытання гісторыі і яе інтэрпрэтацыі ў актуальным для аўтара XIX ст.

У Сыракомля планаваў сцэнічна ўвасабіць сваю паэму і падрыхтаваў для кампазітара Станіслава Манюшкі ўласнае лібрэта [52, s. 11]. Але рэалізаваў гэтыя тэатральныя задумы іншы выбітны кампазітар, ураджэнец Ліды Канстанцін Горскі (1859–1924), які стварыў оперу «Маргер» у трох актах (шасці дзеях). Пры гэтым кампазітар не скарыстаў лібрэта У. Сыракомлі, а паклаў у аснову сваёй оперы лібрэта аўтара, пазначанага крыптонімам W.W.G. Транскрыпцыя для фартэпіяна была апублікавана ў Санкт-Пецярбургу ў 1905 г., але саму оперу паставілі толькі 13 студзеня 1927 г. на сцэне Вялікага тэатра ў Познані. Фінальная сцэна оперы стварала атмасферу гераізму, у аснове якой ляжала ахвярнасць: «Lud zaklina bogi, by wyzwolili ich z ręt ciąła. Na oczach oszołomionych Krzyżaków wszyscy wskakują na stos. Wszystko niknie w kłębach dymu».

Можна сцвярджаць, што опера К. Горскага падсумоўвала «літвінскі этап» развіцця легенды пра Пілены, пік якога прыйшоўся на сярэдзіну XIX ст. Спецыфіка літвінскага прачытання легенды палягала ў тым, што ў межах гэтай канцэпцыі меліся адсылкі да старажытнай літоўскай гісторыі, але новы наратыў мусіў быў абуджаць патрыятызм славянамоўнай, пераважна польскамоўнай, шляхецкай супольнасці на землях былога ВКЛ.

Нацыянальны інструменталізм

Паралельна з пашырэннем сюжэта ў польскамоўнай літвінскай літаратуры краю нарацця пра Пілены пачала трапляць і ў літоўскамоўную гістарыяграфію, якая толькі нараджалася. Першым аўтарам з гэтай плыні стаў асветнік і адзін з ідэолагаў літоўскага нацыянальнага руху Сімонас Даўконтас/Szymon Dowkont (1793–1864). С. Даўконтас скончыў Віленскі ўніверсітэт у 1822 г., але з-за працэсу філаматаў-філарэтаў дыплом магістра права атрымаў толькі ў 1825 г. У далейшым ён працаваў у канцылярыі Рыжскага генерал-губернатара (1825–1834) і, што стала вельмі важным для яго прафесійнага росту як гісторыка, памочнікам метрыканта пры канцылярыі Сената ў Санкт-Пецярбургу (1835–1851). Гэта значыць, што ў сталіцы імперыі С. Даўконтас непасрэдна працаваў з Метрыкай ВКЛ.

Яшчэ ў студэнцкія гады С. Даўкантас падрыхтаваў першую сваю працу па гісторыі Літвы «Darbai senųjų lietuvių ir žemaičių» («Дзесянні старажытных літоўцаў і жамойтаў», 1822). У сваёй нарацыі пры перадачы тапоніма ён спыніўся на версіі Punie, якую ў свой час прыняў А. Шлёцэр. Сучасны літоўскі даследчык Вітаўтас Мяркіс падлічыў, што ў гэтым творы С. Даўкантаса з 245 спасылак 89 адсылаюць да прац А. фон Кацэбу, 62 – да А. Віюка-Каяловіча, 29 – да М. Карамзіна, 15 – да А. Глябовіча, 10 – да Т. Нарбута [35, р. 106–107]. Таксама ў сюжэце пра Пілены С. Даўкантас абапіраўся на працы А. фон Кацэбу і А. Віюка-Каяловіча. У нарацыі С. Даўкантаса была ўзмоцнена маральна-псіхалагічная складовая частка, падкрэслівалася жаданне літоўцаў памерці, але не стаць рабамі крыжакоў. Ён дазволіў Маргірысу сказаць: «Няхай нявінная кроў цячэ па галовах гэтых крывасмокаў, якія адбіраюць у нас свабоду, якую далі самі багі». І дадаў: «Мы дзякуем нябесным, што сёння мы можам памерці на свабодзе, нягледзячы на тое, што нас прыгнятаюць». Праблема ж у тым, што «Darbai senųjų lietuvių ir žemaičių» пры жыцці С. Даўкантаса так і засталася ў рукапісе [32, р. 488–490; 46, l. 684–691] і была апублікавана толькі ў XX ст. [22, Т. 1, р. 289–292].

Такі ж лёс напаткаў яшчэ адну гістарыяграфічную працу С. Даўкантаса, дзе ён апісваў падзеі пад Піленамі. Гэта «Istorija žemaitiška» («Жамойцкая гісторыя») [21, р. 573–576; 31, l. 252–253v.; 32, р. 488–490], створаная на працягу 1831–1834 гг. У гэтай працы аўтар выкарыстоўваў ужо тапонім «Rulene». Адметнасць нарацыі С. Даўкантаса заключалася ў тым, што, прызнаючы размяшчэнне замка Пілены ў Жамойці, аўтар імкнуўся паказаць інтэгральную гісторыю Жамойці як часткі Літвы, як братаў Літвы і Жамойці: «broliu Letuių ir Žemaitiū». «Istorija žemaitiška» сведчыць пра эвалюцыю гістарыяграфічнага метаду С. Даўкантаса і змены ў цытаванні. Так, у працы ўтрымліваецца 320 спасылак, згадваецца прыблізна 70 аўтараў, гэта былі пераважна нямецкія гісторыкі. У той жа час адбыўся істотны зрух у частотнасці спасылання на працы: А. фон Кацэбу (18 спасылак) выпаў з фаварытаў і прыярытэты былі змененыя на Ё. Фойгта (75 спасылак) [35, р. 107–108]. З пункту гледжання рэпрэзентатыўнасці базы крыніц «Istorija žemaitiška» сведчыла ўжо пра большую сталасць С. Даўкантаса як гісторыка. Апроч запазычанняў з іншых прац гісторыяпісання, гісторык працаваў і непасрэдна спасылаўся на сярэднявечныя тэксты – Лівонскую рыфмаваную хроніку, хронікі Віганда Марбургскага, Пятра Дузбургскага, Лукаса Давіда.

Таксама ў рукапісе застаўся яшчэ адзін твор С. Даўконтаса «Pasa-kojimas arej wejkaŭs letuwiū tautos senowie, kuri trumpaj apraszia Jonas Ejnoras metuse 1859» («Гісторыя пра старажытны літоўскі народ, каротка апісаная Ёнасам Эйнарасам у 1859 г.») [22, Т. 2, р. 449–451], у якім эпізод пра Пілены грунтаваўся на публікацыях Ё. Фойгта. З чатырох гістарыяграфічных прац С. Даўконтаса пры яго жыцці была апублікавана толькі адна, падрыхтаваная ім у Санкт-Пецярбургу: «Buda Senowes Lietuwiū kalneniu ir Žemaitiū» («Звычай старажытных літоўцаў, горцаў і жамойтаў»; «горцы» – тут маюцца на ўвазе аўкштайты). Гэты твор выйшаў пад псеўданімам «Якуб Лаўкіс». Сюжэт Піленаў тут быў пададзены найкарацейшым у параўнанні з іншымі працамі С. Даўконтаса і ўтрымліваў толькі кароткую анатацыю падзей [20, р. 196–197].

С. Даўконтас заклаў асновы літоўскай (у этнічным сэнсе) рамантаваанай нацыянальнай гістарыяграфіі. Пілены былі прапісаныя ў гэтай версіі вельмі выразна найперш праз ахвярнасць учынку. Але застаецца пытанне, якім чынам у першай палове – сярэдзіне XIX ст. адбывалася трансляцыя нарацыі С. Даўконтаса сярод грамадскасці. Пакуль легітымнай застаецца версія пра абмежаванае ўздзеянне прац С. Даўконтаса пры яго жыцці. Але распрацоўкі гісторыка стануць вельмі запатрабаванымі ўжо ў канцы XIX – пачатку XX ст.

Яшчэ адзін прыклад рукапіснай цыркуляцыі нарацыі пра Пілены – тэкст Антанаса Валанчуса/Maciej Wołonczewski (1801–1875) «Pasa-kojimas antano Tretininko» («Аповеды Антанаса Трэцінінкаса») [45, Т. 1, р. 626–628], дзе эпізод пра Пілены таксама базаваўся на працы Ё. Фойгта «Гісторыя Прусіі». А. Валанчус важны для літоўскай культуры як літаратар-асветнік і рэлігійны дзеяч. У 1850 г. ён стаў Жамойцкім (Цяльшайскім) біскупам, а ў 1858 г. ініцыяваў рух цвярозасці. І А. Валанчуса, і С. Даўконтаса аб'ядноўвала тое, што абодва яны паходзілі з Жамойці, да таго ж з паўночна-заходняй яе часткі, бліжэйшай да Прусіі і латвійскай Курляндыі. У пэўным сэнсе іх дзейнасць была інспіраваная інтарэсамі і этнакультурным ландшафтам Жамойці. Але ў сваіх праграмах гэтыя асветнікі выходзілі на ўзровень кансалідаванай літоўскай нацыі. Эпізод Піленаў займаў важнае месца ў гістарычных праграмах заснавальнікаў літоўскага нацыянальнага руху.

На мяжы XIX–XX стст. адбылося замацаванне гістарычнага міфа ў літоўскай культурнай традыцыі. Яркая ілюстрацыяй таго, што Пілены сапраўды сталі месцам памяці, з'яўліліся пастаноўкі народных тэатраў. У 1905 г. літоўскі пісьменнік і педагог Марцэлінас Шыкшніс/Marcelinas

Šikšnys (1874–1970) пад псеўданімам «М. Šiaulėniškis» апублікаваў п’есу «Піленскі князь», створаную паводле рамана Ю. Крашэўскага «Кунігас», што і было пазначана на вокладцы выдання [43, р. 1]. 6 мая 1906 г. п’еса была пастаўлена ў Віленскай ратушы. Лічыцца, што гэта была першая літоўскамоўная сцэнічная пастаноўка. У 1910 г. п’еса ставілася ў Рызе [33, Vieta buvoje 161], што вельмі добра паклалася на антынямецкія настроі мясцовай латышскай грамады. Таксама ў 1910 г. таварыства «Varpas» здзейсніла гэтую пастаноўку ў Шаўлях [44, р. 99] (суч. Шаўляй) (мал. 2), горадзе, дзе М. Шыкшніс у 1893 г. скончыў гімназію. Шаўляйскі спектакль удалося паставіць у абыход цензуры [13, р. 57].

Мал. 2. Фотаздымак з акцэрамі спектакля «Піленскі князь», пастаўленага ў 1910 г. таварыствам «Varpas» ў Шаўлях. П’еса Марцэлінаса Шыкшніса (пад псеўданімам «М. Šiaulėniškis»)

Заканаммерным этапам развіцця нацыянальнага гістарычнага міфа стала яго ўвасабленне ў гераічнай паэзіі. Такімі патрыятычнымі радкамі стаў верш класіка літоўскай літаратуры, каталіцкага святара Майроніса (Ёнаса Мачуліса) (1862–1932) «Ant Punės kalno ties Nemunu» («На пагорку Пуны ў Нёмана»), упершыню апублікаваны ў 1925 г. у каўнаскім літаратурна-мастацкім часопісе «Baras» [34, р. 5–8]. Гэты верш меў моцную рамантычную вобразнасць:

*Tai kapas Margio milžinų!
Nors amžiu šėšetą sukako,
Kaip jie – tik sauja pelenų!..
Tačiau daugiau už gyvus sako.*

*Гэта магіла волатаў Маргіса!
Хоць прайшло шэсць вякоў,
Што яны – проста жменька попелу!..
Але скажуць больш, чым жывыя.*

Майроніс прытрымліваўся традыцыйнай на той час лакалізацыі замка Пілены на гарадзішчы Пуня ў Троцкім павеце [41, Т. 9, s. 300–301] (сёння Алітускі раён). Гарадзішча Пуня таксама размешчана на беразе Нёмна, але не ў Жамойці, а ў Дзукіі. Ля падножжа гарадзішча быў усталяваны мемарыяльны камень з працыванымі вышэй радкамі Майроніса.

Вельмі паказальным сцэнічным увасабленнем літоўскага гістарычнага міфа пра Пілены стала гераічна-эпічная опера кампазітара Вітаўтаса Кловы/Vytautas Klova (1926–2009) «Піленай» у чатырох дзеях. Аўтарам лібрэта быў мастацтвазнавец і літаратар Ёнас Мацконіс/Jonas Mackonis-Maskevicius (1922–2002). Прэм'ера оперы адбылася 1 ліпеня 1956 г. на сцэне Літоўскага тэатра оперы і балета. У 1957 г. падчас гастроляў тэатра опера была паказана ў Маскве, у 1958 г. – у Ленінградзе. Увогуле опера заваявала ўвагу публікі і адзнак з боку літоўскага савецкага кіраўніцтва: у 1957 г. стваральнікі оперы атрымалі Дзяржаўную прэмію Літоўскай ССР, а В. Клова ў 1959 г. стаў заслужаным дзеячам мастацтва ЛітССР. Варта адзначыць, што для гастроляў у РСФСР быў выдадзены падрадкавы пераклад лібрэта оперы [12]. У саму ж оперу, зважаючы на афіцыйную ідэалагічную дактрыну СССР, былі ўведзены новыя персанажы – рускі князь Даніла і спадарожнік князя пясняр Потык. Даніла застаецца змагацца разам з Маргірысам. Літоўскі ж князь перад самым драматычным момантам абароны агучвае сваю праграму прамову [12, с. 32]:

*Прышэў і вам черёд, последние защитники Пиленай,
Смыть кровью крестоносцев ржавчину с мечей.
Обороняем мы Литву от хищных вражьих орд
И долю светлую грядущих поколений.
На жертвенник Отчизны жизнь свою приносим,
Но наша смерть и гибель – не бесплодны, –
Благословит Предвечного рука ту жертву
И память светлую о витязях отважных.*

У заключнай сцэне піленцы хорам спяваюць:

*Проклятье вам, неистовые упыри!
 Всем вам проклятье!
 Непобеждёнными мы умираем!
 Занавес*

Настолькі моцныя словы можна лічыць квінтэсенцыяй эвалюцыі гістарычнага міфа Піленаў у літоўскай нацыянальнай свядомасці ад пачатку XIX ст. да часоў Савецкай Літвы [19, р. 389–463].

Заклучэнне

Звесткі пра штурм замка Пілены на жамойцка-прускай мяжы ў 1336 г. упершыню былі зафіксаваныя ў «Новай прускай хроніцы» Віганда Марбургскага, дзе галоўным быў сюжэт супрацьстаяння хрысціян і паганцаў. Гэты ж сюжэт атрымаў распаўсюджанне ў рэнесанснай гістарыяграфіі ВКЛ, у якой узмацніліся этнічныя маркеры. Але сапраўдны інфармацыйны выбух вакол Піленаў і яе абаронцаў адбыўся ў канцы XVIII – сярэдзіне XIX ст. Пасля засваення гэтага сюжэта гістарыяграфіяй Асветніцтва ў гістарыяграфіі Рамантызму на першы план выйшла маральна-этычная інтэрпрэтацыя гераічнага ўчынку. Найважнейшая роля тут належала Аўгусту фон Кацэбу, які і стварыў канон нарацыі пра Пілены XIX ст. Гэтая рамантычная плынь і сімпатыя да «варвараў» была падхоплена не толькі гісторыкамі, але і мастакамі, літаратарамі, кампазітарамі з зямель былога Вялікага Княства Літоўскага, у тым ліку на прыкладзе Піленаў і яго героя князя Маргера (Маргірыса) фарміраваўся літвінскі шляхецкі патрыятызм.

З 1820-х гг. тэма Піленаў зацікавіла літоўскую інтэлігенцыю, якая стала пісаць па-літоўску. Але гэта былі рукапісныя тэксты, і абсяг іх цыркуляцыі не да канца зразумелы. У канцы XIX – пачатку XX ст. сюжэт гераічнага калектывнага суіцыду становіцца культавым сярод удзельнікаў літоўскага нацыянальнага руху. Рэактуалізацыя памяці пра трагедыю Піленаў і гераічная інтэрпрэтацыя звестак гістарычных крыніц сталі аднымі з тых ідэалагічных падстаў, на якіх у XIX ст. фарміраваўся праект сучаснай літоўскай нацыі. Поруч з гераізмам адной з найважнейшых характарыстык у ацэнцы падзей 1336 г. становіцца ахвярнасць.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. *Аладава, Р. Н.* Константин Горский и его опера «Маргер» в контексте белорусской культуры. / Р. Н. Аладава – Минск: Белорус. гос. акад. музыки, 2005. – 216 с.
2. *Варабей, М.* Хрысціянiзацыя ВКЛ вачыма Уладзiслава Сыракомлi ў гiстарычнай паэме «Маргер» / М. Варабей // Беларуска-польскія моўныя, лiтаратурныя, гiстарычныя i культурныя сувязi: зб. арт. у гонар праф. Э. Смулковай / рэдкал.: I. Э. Багдановiч [i iнш.]; пад рэд. I. Э. Багдановiч, М. I. Свiстунай. – Мiнск: Выд. цэнтр БДУ, 2016 (Беларусiка = Albaruthenica; кн. 37). – С. 217–221.
3. Гiсторыя беларускага мастацтва: у 6 т. – Мiнск: Навука i тэхнiка, 1989. – Т. 3: Канец XVIII – пачатак XX ст. – 448 с.
4. XIX стагоддзе. Навукова-лiтаратурны альманах / уклад. i падрыхт. тэкстаў М. Хаўстовiча. – Мiнск: БДУ, 1999. – Кн. 1. – 214 с.
5. *Дробов, Л. Н.* Живопись Белоруссии XIX – начала XX в. / Л. Н. Дробов. – Минск: Выш. шк., 1974. – 336 с.
6. *Заиченко, О. В.* Август фон Коцебу: история политического убийства / О. В. Заиченко // Новая и новейшая история. – 2013. – № 2. – С. 177–191.
7. *Историография истории нового времени стран Европы и Америки / ред. И. П. Дементьев.* – М.: Высш. шк., 1990. – 512 с.
8. *Историография истории южных и западных славян / И. В. Созин (отв. ред.) [и др.]* – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. – 266 с.
9. *Коцебу, А.* Свитригайло, великий князь литовский, или Дополнение к историям литовской, российской, польской и прусской: пер. с нем. / А. Коцебу. – СПб.: Тип. Мед. департамента М-ва внутр. дел, 1835. – [12], 236, 44, 30 с.
10. *Крашевский, И. И.* Собрание сочинений / Ю. И. Крашевский; под ред. И. И. Ясинского (Максима Белинского); с портретом автора и критико-биогр. очерком П. В. Быкова. – Петроград: Изд-во П. П. Сойкина, 1915. – [Т. VI]. – С. 1–216.
11. *Крашевский, Ю. И.* Кунигас / Ю. И. Крашевский. – Минск: Беларус. навука, 2019. – 309 с.
12. *Пиленай.* Либретто оперы в 4 действиях, 5 картинах / музыка А. Кловы, либретто И. Мацкониса; подстроч. пер. с лит. – Вильнюс: Вайдзас, [1958]. – 34 с.
13. *Avižinienė, B.* Viešų lietuviškųjų vakarų repertuaro cenzūra XIX a. pabaigos – XX a. pradžios Rusijos imperijoje / B. Avižinienė // Colloquia. – 2015. – Т. 34. – Р. 37–59.
14. *Baczko, L.* Geschichte Preußens / L. Baczko. – Königsberg: bey Gottlieb Leberrecht Hartung, 1793. – Bd. 2. – [2], 422 S.
15. *Baliński, M.* Starożytna Polska pod względem historycznym, geograficznym i statystycznym opisana / M. Baliński, T. Lipiński. – Warszawa: Nakład i druk S. Orgel-

branda, 1846. – T. 3: Wielkie Księstwo Litewskie, opisane przez Michała Balińskiego. – 866, XXVIII s.

16. *Baranauskas, T.* Lietuvos valstybės ištakos / T. Baranauskas. – Vilnius: Vaga, 2000. – 317 p.

17. *Baronas, D.* Pilėnai – das litauische Masada. Auf den Spuren einer Legende / D. Baronas // Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung. – 2016. – Bd. 65. – № 3. – S. 346–372.

18. *Baronas, D.* Pilėnai ir Margiris: faktai ir fikcijos / D. Baronas // Istorijos šaltinių tyrimai. – 2008. – T. 1. – P. 52–61.

19. *Baronas, D.* Pilėnai ir Margiris: istorija ir legenda / D. Baronas, D. Mačiulis. – Vilnius: Vilniaus dailės akademijos leidykla, 2010. – 644 p.

20. [*Daukantas, S.*]. Budą Senowęs Lėtuwių, Kalnienu ir Zámajtių, iszraszczę pagal Senowęs Rasztů Jokyb's Łaukys / S. Daukantas. – Petropilie spaudinie pas C. Hintze, 1845. – [2], 9, [2], 252 [i.e. 253], [5] p., [1] iliustr. lap.

21. *Daukantas, S.* Istorija žemaitiška / S. Daukantas; parengė B. Vanagienė. – Vilnius: Vaga, 1995. – T. 1. – 663 p.

22. *Daukantas, S.* Raštai / S. Daukantas; tekstą paruošė B. Vanagienė, sudarė V. Merkys. – Vilnius: Vaga, 1976. – T. 1–2.

23. *David, L.* Preussische Chronik nach der Handschrift des Verfassers mit Beifügung historischer und etymologischer Anmerkungen <...> / L. David; hrsg. von Ernst Hennig. – Königsberg: in der Hartungschens Hofbuchdruckerei. – Bd. 6. S. 130.

24. *Grunau, S.* Preussische Chronik im auftrage des Vereins für die geschichte der Provinz Preussen / S. Grunau; herausgegeben von Dr. M. Perlbach. – Leipzig: Verlag von Duncker und Humblot, 1876. – Bd. I. – Tractat I–XIV. – 800 S.

25. *Gudavičius, E.* Mindaugas / E. Gudavičius. – Vilnius: Žara, 1998. – 359 p.

26. *Kotzebue, A. v.* Preußens ältere Geschichte / A. v. Kotzebue. – Riga: Hartmann 1808. – Bd. 1–4.

27. *Kraszewski, J. I.* Kunigas. Powieść z podań litewskich / J. I. Kraszewski. – Warszawa: S. Lewental, 1882. – 165 s.

28. *Kraszewski, J. I.* Litwa. Starożytnie dzieje, ustawy, język, wiara, obyczaje, pieśni, przysłówia, podania i t. d. / J. I. Kraszewski. – Warszawa: Druk Stanisława Strąbskiego, 1850. – T. 2: Historia od początku XIII wieku do roku 1386. – 439 s.

29. *Lasecka-Zielak, J.* Wallenrodyzm / J. Lasecka-Zielak // J. Bachórz, A. Kowalczykowa. Słownik literatury polskiej XIX wieku. – Wrocław: Ossolineum, 2002. – S. 995–996.

30. Lietuvos dailės muziejus. – Inv. Nr. T-13 (Dmachauskas, Vincentas. Kryžiuočiai puola Punios pilį).

31. Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas / LLTI (Літоўскі інстытут літаратуры і фальклору). – F. 1. B. 2 (Daukantas, S. Istoryje Zemaytyszka).

32. Lietuvos Moklų akademijos Vrublevskių biblioteko Rankraščių skyrius / LMAB RS (Бібліятэка Літоўскай Акадэміі навук, аддзел рукапісаў). – F. 29. B. 1056 (Daukantas, S. Istoryje Zemaytyszka).

33. Lietuvos nacionalinis dailės muziejus. – F. B-5: XVIII–XXI amžiaus įvairių asmenų užrašai, dienoraščiai, katalogai ir kiti dokumentai. Ap. 3: Nuolat saugomų skaitmeninių vaizdų apyrašas. B. 1: Laimos Kruopaitės senų nuotraukų kolekcijos skaitmeniniai vaizdai. Vieta byloje 161: Marcelino Šikšnio dramos «Pilėnų kunigaikštis» spektaklio aktoriai. Centre sėdi Marcelinas Šikšnys. – Ryga, ~1910 metai.

34. *Maironis*. Ant Punės kalno ties Nemunu / Maironis // Baras. – 1925. – № 8. – P. 5–8.

35. *Merkys*, V. Simonas Daukantas / V. Merkys; 2 papild. leid. – Vilnius: Vyturys, 1991. – 212 p.

36. *Mickiewicz*, A. Konrad Wallenrod, powieść historyczna z dziejów litewskich i pruskich / A. Mickiewicz. – Petersburg: Drukiem Karola Kraza, 1828. – VIII, 96 s., [3] k. tabl.

37. *Narbutt*, T. Dzieje narodu litewskiego / T. Narbutt. – Wilno: Nakładem i drukiem A. Marcinowskiego, 1838. – T. 4. – XIV, [2], 628, 84 s., [4] k. tabl.

38. Nestor. Russische Annalen in ihrer Slavonischen Grundsprache verglichen, übersetzt und erklärt / hrsgb. von August Schlözer; 5 Theile. – Göttingen: H. Dietrich, 1802–1809.

39. *Schlözer*, A. L. Geschichte von Littauen, als einem eigenen Großfürstenthume, bis zum Jh. 1569 / A. L. Schlözer. – Halle: Gebauer, 1785. – [1] Bl., 544 S.

40. *Schütz*, C. Historia rerum prussicarum, das ist warhaffte und eigentliche Beschreibung des Lande Preussen, jrer Gelegenheit, Namen und Teilunge von del eltesten Königen an, derselben Regierung und Heidnischer Aufopfferung, auch vom Ursprung des Deutschen Ordens und was sich bey eins jeglichen Hohmeisters Leben und regierung zugetragen hat, vom ersten bis zum letzten, darinnen auch die Ankunfft und Erbauung der königlicher Stad Dantzig, und wie sie von Jaren zugenommen, fleissig und mit allen Ömbständen beschrieben und angezeigt wird, aus bewerter Schrifften, Historien und Recessen, zusammengetragen und beschrieben durch M. Caspar Schützen, der Stad Dantzig Secretarium / C. Schütz. – Zerbst: Durch Bonaventur Schmid, 1592. – 6 S., 196, [360] Bl.

41. Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich / wyd. pod red. Filipa Sulimierskiego, Bronisława Chlebowskiego, Władysława Walewskiego. – Warszawa: Nakł. Filipa Sulimierskiego i Władysława Walewskiego, Druk «Wiek», 1888. – T. IX: Pożajście – Ruksze, 1888. – 960 s.

42. *Syrokomla*, W. Margier. Poemat z dziejów Litwy / W. Syrokomla. – Wilno: Nakładem Księgarni p.f. Rubena Rafałowicza, 1855. – VIII, 136 c.

43. *Šiaulėniškis*, M. [Šikšnys, M.]. Pilėnų kunigaikštis. Tragėdija 5-uose veiksmuose / M. Šikšnys. – Ryga: G. Hempel, 1905. – 92 p.

44. *Šlivinskas*, A. Šiaulių «Varpo» draugija Lietuvos teatro ištakose / A. Šlivinskas // Kultūros barai. – 2008. – № 10. – P. 97–103.

45. *Valančius*, M. Raštai / M. Valančius; parengė V. Vanagas, tekstus redagavo B. Vanagienė. – Vilnius: LLTI, 2001. – T. 1: Vaikų knygelė; Paaugusių žmonių knygelė;

Palangos Juzė; Pasakojimas Antano tretininko; Bičiuliai; Budrys ir jo priepuoliai; Dievobaimingas vaikiukas; Patarlės žemaičių. – XVI + 832 p.

46. Vilniaus universiteto bibliotekos Rankraščių skyrius / VUB RS (Бібліятэка Вільнюскага ўніверсітэта, АДДЗЭЛ рўкапісаў). – F. 1. – B. D104 (Daukantas, S. Darbay senųjų Lituvių yr Zemajczyu).

47. Voigt, J. Geschichte Preussens von den ältesten Zeiten bis zum Untergange der Herrschaft des Deutschen Ordens / J. Voigt. – Königsberg: Im Verlage der gebrüder Bornträger, 1830. – Bd. 4: Die Zeit von der Unterwerfung Preußens 1283 bis zu Dietrichs von Altenburg Tod 1341. – X, 637 S.

48. Wigand von Marburg. Nowa kronika pruska / Wigand von Marburg; Sławomir Zonenberg, Krzysztof Kwiatkowski (oprac.). – Toruń: TNT, 2017. – 665 s.

49. Wiiuk Koialowicz, A. Historiae lituanae pars prior; de rebus Lituavorum ante susceptam christianam religionem, conjunctionemque Magni Lituaniae Ducatus cum Regno Poloniae, libri novem / A. Wiiuk Koialowicz. – Dantisci: Sumptibus Georgii Forsteri Bibliopolae S. R. M., 1650. – 12 + 399 p.

50. Wiiuk Koialowicz, A. Historiae Lituanae a conjunctione Magni Ducatus cum Regno Poloniae ad Unionem eorum Dominiorum / A. Wiiuk Koialowicz. – Antwerpiae apud Jacobum Meursium, 1669. – 496 p.

51. Williamson, G. S. What Killed August von Kotzebue? The Temptations of Virtue and the Political Theology of German Nationalism, 1789–1819 / G. S. Williamson // The Journal of Modern History. – 2000. – Bd. 72. – P. 890–943.

52. Wrocki, E. Konstanty Górski : życie i działalność. 1859–1924 / E. Wrocki. – Warszawa: Rytm, 1924. – 15 s.

53. Zimmermann, Harro. Ein deutscher Gotteskrieger? Der Attentäter Carl Ludwig Sand: Die Geschichte einer Radikalisierung / H. Zimmermann. – Paderborn: Ferdinand Schöningh Verlag, 2020. – XVI + 347 S.

(Дата паступлення: 04.12.2020).

Завьялова О. О.

Южный научный центр Российской академии наук,
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Zavyalova O.

Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
South Federal University, Rostov-on-Don, Russia

УДК 94(47).081

**«БЕЛОРУСОВ МЫ СЧИТАЕМ СВОИМИ БРАТЬЯМИ...»:
БЕЛОРУССКИЙ ВОПРОС В РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ
МЫСЛИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА¹**

**«BELARUSIANS WE CONSIDER OUR BROTHERS...»:
THE BELARUSIAN QUESTION IN RUSSIAN PUBLIC
THOUGHT OF THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY**

В статье рассматривается проблема осмысления белорусской проблематики в русской общественной мысли второй половины XIX в. В развитии «белорусского вопроса» в этот период можно выделить три основных этапа, каждый из которых был связан как с общими политическими, социально-экономическими и культурными особенностями развития края и белорусского национального движения, так и с интеллектуальной реакцией представителей русской общественности на эти взаимосвязанные процессы. Отмечается, что актуализация белорусской проблематики в контексте спора о статусе западных губерний Российской империи началась еще во второй половине 1850-х гг.

Ключевые слова: Российская империя; Северо-Западный край; белорусский вопрос; белорусская нация; русская общественная мысль; И. С. Аксаков; М. П. Погодин; Б. Н. Чичерин; А. Н. Пыпин.

The article examines the problem of comprehending Belarusian problems in Russian social thought in the second half of the 19th century. In the development of the «Belarusian issue» during this period, three main stages can be distinguished, each of which was associated both with the general political, socio-economic and cultural features of the development of the region and the Belarusian national movement, and with the intellectual reaction of representatives of the Russian public to these interrelated processes. It is noted that the actualization of the Belarusian problems in the context of the dispute over the status of the Western provinces of the Russian Empire began in the second half of the 1850s.

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации проекта РНФ 17-78-20117 «Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли».

Keywords: Russian Empire; North-West Region; Belarusian question; Belarusian nation; Russian social thought; I. S. Aksakov; M. P. Pogodin; B. N. Chicherin; A. N. Pypin.

По мнению современных исследователей, понятие «белорусский вопрос» является условным в связи с отсутствием полемики вокруг белорусской проблематики как в русской печати, так и в работах русских общественных деятелей второй половины XIX в. [1, с. 160]. Однако обозначенная в исследовательской литературе «условность» и незначительность «белорусского вопроса», бытовавшая в русском интеллектуальном дискурсе вплоть до начала XX в., является не совсем верной и требует уточнений. В рамках данной статьи, исходя из цели выделения этапов в развитии белорусской проблематики в русской общественной мысли, под «белорусским вопросом» со второй половины 1850-х гг. понимается осмысление представителями русской общественности комплекса исторических, социально-экономических и культурных особенностей развития белорусской народности на территории Северо-Западного края в контексте спора о статусе западных губерний Российской империи².

Представители русской общественной мысли второй половины XIX в. рассматривали «белорусский вопрос» как неотъемлемую часть проблематики, связанной с интеграцией Северо-Западных окраин в состав Российской империи и политикой «обрусения», проводимой в регионе после Январского восстания (1863–1864 гг.). В развитии «белорусского вопроса» с середины – второй половины XIX в. можно выделить три основных этапа, каждый из которых был связан как с общими политическими, социально-экономическими и культурными особенностями развития края и белорусского национального движения, так и с интеллектуальной реакцией представителей русской общественности на эти взаимосвязанные процессы.

Первый этап в развитии белорусской проблематики в русской общественной мысли относится ко второй половине 1850-х гг. В этот период на формирование взглядов русских мыслителей и общественных деятелей по белорусской проблематике оказали влияние усиление национализма и изменение религиозной политики в Российской империи, начавшееся в Царстве Польском со второй четверти XIX в., особенно после Ноябрьского восстания (1830–1831 гг.) и связанной с ним акту-

² К ним относились Витебская, Могилевская, Гродненская, Минская, Виленская, Ковенская губернии.

ализацией польского вопроса. В это же время закладывается основная черта конфессиональной политики российских властей – православие становится главным определением «русскости» и основным свойством русской нации [2, с. 160]. В связи с этим российское правительство запускает новый механизм национальной политики на имперских окраинах, используя «русский элемент» для укрепления своих властных позиций на территории Северо-Западного края и воздействия на самосознание местного населения. Однако предпринимаемые в этом направлении правительственные меры отличались медлительностью и бессистемностью [3, с. 167, 219].

В итоге с приходом к власти императора Александра II и оживлением политических надежд и в польском, и в русском обществе представители передовой русской общественности формируют ряд предложений по деполонизации Западных губерний Российской империи и ослаблению польского влияния на население его восточных районов – белорусов. Данные идеи были выражены в записках и письмах, адресованных императору, либо составленных для приближенных к нему лиц. Такие общественные деятели, как М. П. Погодин и Б. Н. Чичерин, во второй половине 1850-х гг. пытались предупредить правительство о возможных волнениях в Царстве Польском на фоне обострения национального вопроса в Европе и предложить превентивные социально-экономические меры, направленные на преодоление польской проблемы путем привлечения простого населения, преимущественно белорусского крестьянства, на сторону русского правительства через передачу земли в их руки. Так, М. П. Погодин в своей «Записке о Польше» 1856 г. предлагал осуществить выкуп государством имений тех польских помещиков, которые не согласны жить по законам империи, с предоставлением им других свободных земель в новообразованной национально-территориальной автономии, которой, по замыслу историка, станет Польша [4, с. 336].

Б. Н. Чичерин в своей записке «Об общих началах европейской политики и в особенности о внешней политике России», составленной по заказу великой княгини Елены Павловны, выдвигал предложения по ослаблению польского элемента в Западном крае путем улучшения положения «низших классов» этих областей, имея в виду белорусское и литовское крестьянство. Он предлагал привлечь их к русскому правительству через «дарование им широких льгот, изъятие их из-под административной власти помещиков, переход значительной части земель в их руки» [5, с. 319]. При этом польским помещикам, как и по замыслу

М. П. Погодина, будет облегчено «переселение в обновленную Польшу, куда их будет влечь национальное чувство», а на их место придут русские землевладельцы, опять же поощряемые к этому правительственными льготами.

Основы политики «замирения» края и предложения по урегулированию взаимоотношений с Царством Польским по всем спорным вопросам, формирующиеся в русской общественной мысли, совпали с оформлением к середине 1850-х гг. в русском националистически настроенном обществе представления о Западном крае как территории, населенной преимущественно соотечественниками [2, с. 201]. М. П. Погодин в своей «Записке» 1856 г. территорию Беларуси определял как «исконно Русскую область», где народ говорит по-русски и исповедует «русскую веру» [4, с. 335]. В кругах «содружества» российской либеральной бюрократии и русских общественных деятелей, в частности, в кружке Н. А. Милютин, к которому был приближен видный ученый-славист А. Ф. Гильфердинг, разрабатывались меры, направленные на поощрение культурно-языковых особенностей украинского и белорусского населения Северо-Западного края с целью создания «противовеса» дворянской польской и католической элите.

Второй этап актуализации «белорусского вопроса» в русском интеллектуальном дискурсе закономерно наступает в ходе и сразу после подавления Январского восстания (1863–1864 гг.). К этому периоду относится создание развернутой славянофильской программы «обрусения» Северо-Западного края путем постепенного нивелирования культурных, языковых и духовных различий его населения и общего слияния в рамках великорусской народности. Особенно показательна в этом контексте позиция выдающегося русского мыслителя И. С. Аксакова. В своем публицистическом творчестве начала 1860-х гг. он уделяет внимание белорусской проблеме в контексте возможных путей решения польского вопроса, рассматривая его, как М. П. Погодин и Б. Н. Чичерин, в контексте «безумных» польских притязаний на Западный край. Однако, в отличие от указанных общественных деятелей, И. С. Аксаков помещает польский вопрос в плоскость «нравственной стороны» дела и обосновывает право России на Западные губернии «нравственной обязанностью братства» [6, с. 7].

В октябре 1861 года И. С. Аксаков начал издание газеты «День», в которой с первых номеров велось обсуждение спорного вопроса о границах и статусе Западных губерний. Он резко осуждал стремление по-

ляков вернуть эти территории «административным порядком» [6, с. 18]. С началом Январского восстания его позиция по отношению к полякам и разрешению польского вопроса претерпит значительное изменение, и мыслитель от политики примирения и мирного сосуществования с Польшей перейдет к одобрению достаточно жестких и действенных мер русского правительства, направленных на «замирение и обрусение» края [7, с. 350–351].

В статьях И. С. Аксакова периода восстания звучит требование к полякам соблюдать «принцип национальностей» в отношении Беларуси, население которой «имеет свою самость, свою судьбу, свою духовную личность» и независимые стремления [6, с. 35]. Публицист, отмечая за вероисповеданием «качественный признак» народности и за православием главный критерий «русскости», продолжал относить к «русской народности» Западного края не только великорусов, но и белорусов с малороссами [6, с. 40–41]. Он писал по этому поводу: «Белорусов мы считаем своими братьями по крови и по духу, и думаем, что русские всех наименований должны составлять одну общую сплошную семью...» [6, с. 16], подтверждая сформировавшееся ранее в русском обществе отношение к белорусам как к соотечественникам.

Для «обрусения» Северо-Западного края и поддержки политики русского правительства в этом направлении славянофильские общественные деятели предлагали ряд «социальных средств», направленных на искоренение польского господства в крае, как в экономическом, так и в «нравственном» плане. Особенно действенным в этом отношении признавалось изменение системы образования, которая должна была отвечать задачам воспитания и обучения местного крестьянского населения, преимущественно белорусского, на основе уважения и принятия русских начал и осознания чуждости всего, что связано с «польским обывательством» [8, с. 248, 251]. Большое значение в процессе «располячения» края славянофилы отводили деятельности местного образованного общества, подразумевая под ним «среду, выражающую в себе народное самосознание» [6, с. 39]. Однако создать его можно было из местного православного крестьянства и духовенства только со временем. На первом этапе было необходимо обучить белорусского крестьянина «читать и писать сперва по-белорусски, а потом непременно и по-русски...» [9]. Считая белорусский язык «наречием» русского, И. С. Аксаков рассматривал возможность перехода в будущем к преподаванию в Беларуси на русском языке [6, с. 114].

И. С. Аксаков первым отметил, что Январское восстание привело к актуализации белорусской тематики в русском обществе, которое неожиданно открыло для себя историю и культуру Беларуси. Возросший интерес обуславливал спрос на проведение научных исследований по изучению этнических групп Северо-Западного края. В этом контексте к концу XIX – началу XX в. наступает очередной этап в осмыслении белорусской проблематики русским обществом, непосредственно связанный с более поздним, чем у других славянских народов, процессом формирования белорусской нации.

Социокультурные процессы, протекавшие в Беларуси в конце XIX – начале XX в., в исследовательской литературе обозначены как «белорусское национальное возрождение», большое влияние на которое оказали современные ему тенденции европейской и российской культуры [10, с. 385]. В этот период в интеллектуальной среде образованного белорусского общества активизируется интерес к истории, культуре, языку белорусского народа, закладываются интеллектуальные основы для формирования белорусской национальной идеи. Большой вклад в формирование белорусской национальной идентичности в этот период внесла работа философа и поэта И. Абдираловича «Адвечным шляхам», в которой автором было отмечено культурное своеобразие Беларуси, определяемое ее географическим положением между Западом и Востоком [11, с. 40]. Особенно волновала белорусских ученых и мыслителей проблема развития национального языка, решение которой решало сразу несколько задач, способствуя сохранению культурной и этнической идентичности в непростых общественно-политических условиях начала XX в.³

Эти процессы оказали влияние и на деятельность представителей русской общественности, в трудах которых идентификация подданных Северо-Западного края смещается с конфессиональной на этническую принадлежность. Русская общественность принялась за научную разработку белорусской проблематики, обратившись к исследованиям в таких областях, как этнография, история, фольклористика, лингвистика, статистика. Началось систематическое изучение белорусских земель и белорусского народа. «Белорусский вопрос» в русской общественной мысли из области политического дискурса и проблемы национальной

³ Данную идею развивал Ф. Богушевич – один из основоположников новой белорусской литературы.

политики Российской империи перешел в сферу фундаментальных этнографических исследований.

В 1870-е гг. к научному изучению этнических особенностей белорусской народности обращается русский фольклорист П. А. Бессонов. В книге «Белорусские песни» ученый приводит немало подробностей белорусского быта, описание обрядов и обычаев, отраженных в народном поэтическом творчестве белорусов. В своем исследовании по сбору и изучению белорусских песен он опирался на деятельность предшественников первой половины XIX в. – русского историка К. Ф. Калайдовича и публициста П. В. Киреевского. П. А. Бессонов отмечал, что своеобразие исторического развития Беларуси определило формирование ее «самобытно-цивилизующих начал». По мнению автора, Северо-Западный край, который «политически и государственно сделался совершенно русским», сохранил на своей территории особое «племя», «свою народность» с особым языком и мировоззрением, выражающимся в «сфере духовных творческих сил народа» – в песнетворчестве [12, с. VIII, X]. Подготовительная работа по изданию сборника белорусских песен велась П. А. Бессоновым на протяжении 1860-х гг., когда в ходе Январского восстания, как отмечал ученый, «жгучие» политические вопросы актуализировали просветительскую деятельность и научные проблемы в сфере изучения истории, обычаев, быта, литературы и «наречия» белорусов [12, с. XV].

Большой вклад в систематизацию обширного исторического и этнографического материала, относящегося к истории Беларуси, внес русский этнограф и литературовед А. Н. Пыпин. В четвертом томе своей объемной работы «История русской этнографии», посвященном Беларуси и Сибири, он особое внимание обратил на процессы национального возрождения у белорусов, протекавшие в конце XIX в. По его мнению, они проходили медленнее, чем у других народов, что обусловило малоизученность образа жизни, языка и творчества белорусской народности. А. Н. Пыпин, как и многие другие современные ему историки и слависты, включал белорусский народ в состав «русских», довольно широко трактуя данное понятие [13, с. 304]. В некоторых случаях он называл белорусов «русской народностью западного края» [13, с. 404]. При этом ученый также отмечал, что в восточной ветви славянства, представленной русскими, украинцами и белорусами, несмотря на общность этнографических особенностей и языка, все же трудно совместить в некое единство и выделить «общий тип» [14, с. 25].

По мнению А. Н. Пыпина, негативное влияние на «узнавание» белорусской народности русским обществом оказала и политика «усмирения» и «обрусения» Северо-Западного края, проводившаяся российскими властями после Январского восстания. В своей работе он стремился ответить на главный вопрос – в каком состоянии находится белорусская народность, само существование которой было поставлено под сомнение частью русских публицистов в период Январского восстания. Ученый прежде всего обращается к истории белорусского народа, к тем историческим факторам, которые вели к формированию его «местных бытовых особенностей» [15, с. 4–5]. Саму постановку белорусского вопроса в русском обществе А. Н. Пыпин напрямую связывал с проведением в России крестьянской реформы, которая обратила внимание русской общественности на положение простого народа не только в центральной части империи, но и на ее Северо-Западной окраине [15, с. 173].

В ответ на поступательный рост интереса к Беларуси на протяжении второй половины XIX в. в 1903 г. по инициативе виленского генерал-губернатора П. Д. Святополк-Мирского была проведена крупная научно-исследовательская экспедиция, направленные на изучение культуры, языка, обычаев и традиций белорусского народа. Ее возглавили известные филологи-слависты профессор Казанского университета А. И. Александров и член-корреспондент Российской академии наук Е. Ф. Карский [16, л. 35 об.]. Для своего времени данная экспедиция стала выдающимся научным мероприятием, направленным на изучение белорусского народа. Ее главным итогом явилось установление границ распространения белорусского языка, проведение его сравнительного анализа с великорусским и литовским языками. Собранные материалы позволили Е. Ф. Карскому уже в 1903 г. выпустить первый том научного труда «Белорусы». В 1904 г. при непосредственном содействии П. Д. Святополк-Мирского первый том был переиздан журналом «Виленский временник» [16, л. 35 об.].

Таким образом, на протяжении второй половины XIX – в начале XX в. процесс осмысления «белорусского вопроса» представителями русской общественности прошел три основных этапа, каждый из которых был связан с рядом общественно-политических факторов, протекавших в Российской империи, и зависел от процесса формирования национального сознания белорусов, ускорившегося в конце XIX – начале XX в. Все это определило постепенный переход белорусской проблема-

тики в русской общественной мысли от крайней политизированности до национально-культурной обусловленности на рубеже XIX–XX вв., связанной с процессами белорусского национального возрождения.

Список использованных источников

1. Аксенова, Е. П. Белоруссия в трудах А. Н. Пыпина / Е. П. Аксенова // Славянский альманах. – 2002. – № 2001. – С. 160–197.
2. Долбилов, М. Д. Русский край, чужая вера: этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II / М. Д. Долбилов. – М.: НЛО, 2010. – 1000 с.
3. Горизонтов, Л. Е. Парадоксы имперской политики. Поляки в России и русские в Польше (XIX – начало XX в.) / Л. Е. Горизонтов. – М.: Индрик, 1999. – 272 с.
4. Погодин, М. П. Записка о Польше / М. П. Погодин // Избранные труды / сост., авт. вступ. ст. и коммент. А. А. Ширинянц, К. В. Рясенцев. – М.: РОССПЭН, 2010. – С. 328–338.
5. Чичерин, Б. Н. Об общих началах европейской политики и в особенности о внешней политике России / Б. Н. Чичерин // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Альманах. – М.: Студия ТРИТЭ; Рос. Архив, 2004. – Т. XIII. – С. 285–330.
6. Аксаков, И. С. Полное собрание сочинений: в 7 т. / И. С. Аксаков. – М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1886. – Т. 3: Польский вопрос и Западно-Русское дело. Еврейский вопрос. 1860–1886. – 570 с.
7. Аксаков, И. С. У России одна единственная столица... Стихотворения и поэма. Пьеса. Статьи, очерки, речи. Письма. Из воспоминаний и мнений об И. С. Аксакове. Венок И. С. Аксакову. Москва И. С. Аксакова / сост., вступ. ст. и прим. Г. В. Чагина. – М., Рус. мирь, 2006. – 512 с.
8. Гильфердинг, А. Ф. Польский вопрос / А. Ф. Гильфердинг // Россия и славянство / отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Ин-т рус. цивилизации, 2009. – С. 168–251.
9. День. – 1863. – 22 июня.
10. Верниковская, В. А. Белорусское национальное возрождение в контексте культуры рубежа XIX–XX вв. / В. А. Верниковская // Национальные культуры в межкультурной коммуникации: сб. науч. ст. по материалам II Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 12–13 апр. 2017 г. – Минск, 2017. – С. 384–389.
11. Абдзіраловіч, І. Адвечным шляхам: дасьледзіны беларускага сьветагляду / І. Абдзіраловіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 44 с.
12. Бессонов, П. А. Белорусские песни, с подробными объяснениями их творчества и языка, с очерками народного обряда, обычая и всего быта / П. А. Бессонов. – М.: Тип. Бахметева на Стретенке, 1871. – 176 с.
13. Пыпин, А. Н. История славянских литератур: в 2 т. / А. Н. Пыпин. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1879. – Т. 1. – 447 с.

14. *Пыпин, А. Н.* Обзор истории славянских литератур / А. Н. Пыпин. – СПб.: Тип. О. И. Бакста, 1865. – 536 с.

15. *Пыпин, А. Н.* История русской этнографии: в 4 т. / А. Н. Пыпин. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1892. – Т. 4: Белоруссия и Сибирь. – 488 с.

16. Российский государственный исторический архив. – Ф. 560. Оп. 26. Д. 352. 70 л. – Всеподданейший отчет Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора за 1902–1903 г.

(Дата поступления: 30.11.2020).

Олейник В. В.

УО «Военная академия Республики Беларусь», Минск, Беларусь

Oleinik V.

Military Academy of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

УДК 94(476)"18/19"+82(091)

**«КОЕ-ЧТО СДЕЛАВШИЙ НА ПОПРИЩЕ ЛИТЕРАТУРЫ»
(ИЗБРАННЫЕ ПЕРСОНАЛИИ ВОЕННОЙ ЮСТИЦИИ
ВИЛЕНСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА КОНЦА XIX –
НАЧАЛА XX ВЕКА)**

**«SOMETHING DID IN THE PRIME OF LITERATURE»:
(SELECTED PERSONNEL OF THE MILITARY JUSTICE
OF THE VILENSKY MILITARY DISTRICT
OF THE LATE XIX – BEGINNING OF XX CENTURIES)**

В статье на отдельных примерах представителей военно-судебных учреждений русской императорской армии и флота из числа уроженцев этнических белорусских земель, а также проходивших службу на территории Беларуси в последней трети XIX – начале XX в. раскрывается их вклад в имперскую культуру и искусство. Предметом изучения выступают биографии военных юристов, творческое наследие которых дает обширный материал для изучения их влияния на социальное и культурное развитие нашего региона в исследуемый исторический период.

Ключевые слова: генералы; уроженцы белорусских земель; военно-судебное ведомство; Военно-юридическая академия; творческое наследие.

In the article, using individual examples of representatives of the military judicial institutions of the Russian Imperial Army from among the natives of ethnic Belarusian lands, as well as serving on the territory of Belarus in the last third of the 19th – early 20th centuries, their contribution to imperial culture and art is revealed. The subject of study is the biographies of military lawyers, whose creative heritage provides extensive material for studying their influence on the social and cultural development of our region in the historical period under study.

Keywords: generals; natives of Belarusian lands; military-judicial department; Military Law Academy; creative heritage.

Большинству наших сограждан имена людей, которые были военнослужащими и в то же время внесли вклад в развитие культуры, искусства и гуманитарные науки, не очень широко известны. Это обус-

ловлено рядом причин, таких как определенная секретность, которая окружает каждого военного человека на протяжении как минимум некоторой части его жизни; значительная закрытость самого института армии, которая вытекает не только из соображений защиты от возможного проникновения «враждебных элементов», но также из безразличия обывателя к чуждым ему потребностям военнослужащих и его подсознательного дистанцирования от встречи с представителями военного ведомства; всеобщие проявление равнодушия к прошлому и склонность к упрощенному взгляду как на военную историю, так и историю вообще; трудность «вписать» лиц, служащих в имперских институтах, в национальную историю и отсюда желанием разделить наших предшественников на «правильных» и «неправильных», что, к сожалению, характерно как для современных белорусских обывателей, так и для историков, и не только для них.

Противопоставить такому отношению к ярким личностям достойных представителей служилого сословия, связанному с «исторически сложившимся» антагонизмом общества и армии, что отмечали еще дореволюционные исследователи, может, на наш взгляд, только объективное изучение и представление принесших заслуженную славу достижений целой плеяды офицеров, в том числе военных юристов, всегда стоявших согласно своему предназначению на страже законности и правопорядка и не лишенных веры в исключительное значение своей нелегкой службы для армии и народа. Введение этих знаний в научный оборот, их анализ и дальнейшая популяризация – основная цель нашего исследования.

В своем исследовании русский юрист XIX в. В. А. Соболевский писал: «Военно-судебное ведомство очень бедно талантами, но все-таки нужно сказать, что если в судебное ведомство попадали люди, чем-нибудь выдававшиеся в своей деятельности до поступления в судебное ведомство и впоследствии, то это именно были военные. Среди штатских таких нет. Таким образом, военный судья Розенгейм – поэт, бывший виленский прокурор и затем военный судья Навродский – писатель и журналист... В судебном ведомстве служит Терентьев, кое-что сделавший на поприще литературы. ...Среди военно-судебного персонала есть люди, кончившие курс в нескольких военных академиях» [1, с. 45–46].

Согласиться с такими выводами В. А. Соболевского можно лишь частично, поскольку на рубеже XIX–XX в., когда представители военно-судебного ведомства в силу объективных причин стали считаться ин-

теллектуальной элитой офицерского корпуса русской императорской армии, в органах военной юстиции Виленского военного округа проходили службу выдающиеся личности, оставившие свой след в истории, и не только военной. Среди этих военнотружущих (следователей, помощников прокуроров и судей) были и уроженцы белорусских губерний, а также те, кто только часть своей жизни провел на территории Северо-Западного края Российской империи. Многие из них были впоследствии незаслуженно забыты, но тем ярче их талант проявляется сквозь толщу прошедшего времени.

К первой группе таких личностей мы относим уроженцев этнических белорусских земель, много сделавших не только для армии, но и для науки, искусства и культурной жизни Российской империи на рубеже XIX–XX вв. Среди них, безусловно, выделяются фигуры генерала от инфантерии П. О. Бобровского и генерал-майора А. В. Жиркевича.

Павел Осипович Бобровский (1832–1905) родился в дворянском имении в Гродненской губернии, воспитывался в семье профессора Виленского университета (доктора философии и магистра права) и дрогичинской шляхтянки, получил образование в Полоцком кадетском корпусе, Дворянском полку и Николаевской академии Генерального штаба. Являясь профессиональным военным, П. О. Бобровский участвовал в Крымской войне 1853–1854 гг., непосредственно реализовывал реформу военного образования и многое сделал для повышения его качества, а будучи назначен в 1875 г. на должность начальника Александровской военно-юридической академии, прослушал курс военно-юридических наук и, занявшись научной работой, написал фундаментальный труд «Военное право в России при Петре Великом» (1887) и другие работы по военному праву. После окончания в 1897 г. службы в названной академии генерал от инфантерии П. О. Бобровский, оставшись ее почетным членом, стал сенатором и официальным историографом Лейб-гвардии Преображенского, лейб-гвардии Уланского Ее Величества и 13-го Лейб-гренадерского Эриванского (бывшего Бутырского) полков [2, с. 578].

Его перу также принадлежат исследования по военной статистике, связанные с родной для него Гродненской губернией, произведения по истории греко-униатской церкви, а также славистики. Так, статистическое изучение Российской империи, которое военное ведомство начало в конце 1830-х гг., привело к изданию двух многотомных серий исследований: «Военно-статистическое обозрение Российской империи» и «Материалы для географии и статистики России, собранные

офицерами Генерального штаба» в 39 томах. Редактором тома о Гродненской губернии являлся генерал-майор П. О. Бобровский, который обобщил собранные под его руководством офицерами Генерального штаба документы из архивов, статистические сведения о губернии, ее географическое описание, а также карты и планы. В томе давались известия о хозяйстве, быте, этнографии, материальной культуре жителей Гродненской губернии. П. О. Бобровским также опубликовано более 100 исторических и краеведческих очерков, некоторые из них посвящены белорусским местам («Слоним и примечательные места Слонимского уезда», «Несколько слов о Зельвенской ярмарке» и др.), чем также обогатил науку сведениями о западных землях современной Беларуси.

Что касается работ по истории церкви, то их появление на свет во многом связано с влиянием дяди Павла Осиповича – Михаила Кирилловича Бобровского, который после смерти его отца взял на себя заботу о семье умершего (жене и обоим сыновьях). Впоследствии, обратившись к научному наследию М. К. Бобровского (известного ученого слависта и ориенталиста), П. О. Бобровский подготовил биографическую работу «Михаил Кириллович Бобровский (1785–1848). Ученый славист-ориенталист. Историко-биографический очерк». Следует отметить, что Михаил Кириллович Бобровский – каноник Брестского капитула, магистр философии и богословия, был сыном униатского священника, учился в Виленском и заграничных университетах. В 1822 г. стал профессором герменевтики в Виленском университете. За свои научные труды он был избран членом Археологической академии в Риме и Азиатского общества в Париже. С его именем тесно связана история одного из очень важных кириллических памятников церковно-славянского языка, а именно Супрасльского сборника. М. К. Бобровский нашел этот сборник в Супрасльском монастыре близ Белостока и сообщил об этом исследователю древнерусских рукописей, филологу-слависту и академику Императорской академии наук А. Х. Востокову (1781–1864), который в 1825 г. напечатал результаты своих исследований [3].

П. О. Бобровский был многогранной личностью – ученым, педагогом, членом Императорского русского географического общества, за выдающиеся заслуги награжден многими орденами. Умер и похоронен в своем имении Макули (ныне Макуляй близ города Зарасай в Литве).

Другой генерал – Александр Владимирович Жиркевич (1857–1927), родившийся в городе Люцине бывшей Витебской губернии (ныне город Лудза в Латвии), потомственный военный из обедневшего дворянского

рода, 30 лет жизни отдал службе в армии, по большей части – в военно-судебном ведомстве. Получив образование в реальном и Виленском пехотном юнкерском училищах, а также в вышеупомянутой Военно-юридической академии, которую окончил в 1888 г. по первому разряду, что, как сообщает проходивший службу в органах военной юстиции с 1902 по 1911 гг. М. С. Корольков, давало «право службы по военно-судебному ведомству» [4, с. 2], он прошел путь от поручика 108 пехотного Саратовского полка, полкового адъютанта до военного судьи военно-окружного суда.

Будучи кандидатом на военно-судную должность, А. В. Жиркевич, как того требовали его служебные обязанности, осуществлял защиту обвиняемых военнослужащих в судах, а затем был помощником военного прокурора и военным следователем. Как он позже признавался, учеба в академии и служба военного юриста дали ему «правильное понятие о том населении, которое скрывается от остального, счастливого, свободного мира под сводами гауптвахт», привели его «естественным путем к борьбе за судьбу последних» [5, с. 66]. Еще в период прохождения службы А. В. Жиркевич начал работу по улучшению условий содержания военнослужащих в военных тюрьмах и на гауптвахтах, за преобразование этих мест отбывания наказания на принципах человеколюбия и сострадания.

Кроме того, он оставил после себя весомое литературное наследие, был и публицистом, и прозаиком, и поэтом, а еще коллекционером и общественным деятелем, был лично знаком и переписывался со многими выдающимися людьми своей эпохи, в том числе с Л. Толстым, которого несколько раз посещал в Ясной Поляне, с А. Чеховым и Э. Ожешко, близко знал И. Репина, который написал несколько его портретов, И. Айвазовского и В. Верещагина, а также многих других известных художников, литераторов и мыслителей того времени. Занимался археологией и изысканиями по истории культуры, особенно Северо-Западного края империи, свои коллекции передал в различные музеи и библиотеки Вильно, Гродно, Ковно, Кракова, Минска и Петербурга [6, с. 270], а личный архив – в Толстовский музей в Москве. Умер А. В. Жиркевич в Вильно, где и похоронен.

Не только ратными, но и интеллектуальными дарованиями не были обделены такие военные юристы – уроженцы белорусских губерний, как генерал-майоры М. А. Жебрак и С. А. Акулов, к сожалению, павшие жертвами братоубийственной гражданской войны в России.

Михаил Антонович Жебрак (или Жебрак-Русанович, 1875–1918) – одна из интереснейших личностей военно-морского судного ведомства. Родился в Гродненской губернии в крестьянской семье. В 19 лет был записан вольноопределяющимся 2-го разряда в 103-й пехотный Петрозаводский полк, а уже через год был произведен в младшие унтер-офицеры. В 1898 г. окончил Виленское пехотное юнкерское училище по первому разряду, после чего был выпущен подпоручиком в 178 пехотный Венденский полк [7, с. 108]. Участник Русско-японской войны, «был тяжело ранен под Мукденом (остался на всю жизнь хромым)» [8, с. 124], награжден орденом Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» и чином штабс-капитана.

В 1912 г. М. А. Жебрак окончил по второму разряду Александровскую военно-юридическую академию, после чего переведен в военно-морское судное ведомство, где проходил службу в Кронштадтском военно-морском суде кандидатом на военно-судные должности, исполнял обязанности защитника-адвоката. В ходе Первой мировой войны подполковник М. А. Жебрак был назначен командиром 2-го морского полка отдельной морской бригады, которая в октябре 1916 г. была перебросена на Румынский фронт и развернута в Отдельную Балтийскую морскую дивизию. Так военный юрист стал командиром морских пехотинцев и в марте 1915 г. был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени за боевые отличия во время Русско-Японской войны.

Осенью 1917 г. полковник М. А. Жебрак был представлен к чину генерал-майора (опять за боевые отличия, но без приказа), а также получил высшую военную награду Румынии – Орден Михая Храброго. В 1918 г. М. А. Жебрак «успел со времени распада своего полка побывать в Петрограде и у себя на родине, в Белоруссии, где все это время усиленно готовился к независимости этого края. Ему даже предлагали на родине пост военного министра» [9, с. 468]. Судя по всему, от данного предложения М. А. Жебрак отказался, после чего стал одним из основоположников Белого движения на Юге России, при этом спас знамя 1-го Морского полка Балтийской дивизии – Андреевский флаг, которое затем стало полковым знаменем офицерского стрелкового полка дроздовских частей [9, с. 470]. В июне 1918 г. первый командир 2-го Офицерского стрелкового Генерала Дроздовского полка генерал-майор Жебрак трагически погиб в бою под дер. Белая Глина на Кубани. Похоронен в братской могиле.

Сослуживцы знали М. А. Жебрака «как твердой воли человека, храброго, с большим порывом и умом, любимого подчиненными» [9,

с. 280]. Один из его начальников характеризовал его следующим образом: «Интереснее всего, что Жебрак, будучи военным юристом, в мирное время не служил в строю, но и на Японской и на Великой войне отправлялся в самые опасные места и брал любые назначения в самом центре военных действий» [9, с. 582]. Можно только догадываться, что было бы, если бы Михаил Антонович принял сделанное ему предложение и был бы назначен министром обороны в правительстве Белорусской народной республики, и не стал бы он тем, кем для Польши был генерал-лейтенант Русской императорской армии Иосиф Романович (Юзеф Ромуальдович) Довбор-Мусницкий – создатель воинского формирования (Первого польского корпуса), ставшего впоследствии основой для вооруженных сил Второй Речи Посполитой.

Сергей Александрович Акулов (1871–1918) – еще один военный юрист, сгинувший в горниле революционной междоусобицы, – получил образование во 2-й Виленской гимназии (что может косвенно свидетельствовать о его принадлежности к уроженцам Северо-Западного края) и Московском пехотном юнкерском училище, а также в Александровской военно-юридической академии, из которой выпущен по 1-му разряду в 1901 г., после чего, получив воинское звание капитана за отличные успехи в науках, проходил службу кандидатом на военно-судебную должность, помощником военного прокурора и военным следователем Иркутского, а затем Виленского военного округа (с 1908 г.) [11, с. 1136]. Звания полковника и генерал-майора С. А. Акулов также получил за отличие, служил на военно-следственном участке в городе Минске до начала Первой мировой войны, а после упразднения в июле 1914 г. Виленского военного округа – военным следователем Двинского военного округа и военным судьей Двинского военно-окружного суда. Сергей Александрович с 1917 г. находился в отставке и был убит большевиками в Ставрополе. Наличие данных о том, что он имел жену и как минимум одного ребенка, оставляют надежду на то, что он оставил потомков, однако следы его творческого наследия, если таковые имелись, до настоящего времени не обнаружены.

Всех вышеперечисленных представителей военно-судебного ведомства объединяет совокупность некоторых признаков: высокий патриотизм и вера в необходимость служения своему Отечеству в любых условиях и при любых обстоятельствах; горячее желание применить все свои знания и умения для достижения поставленных перед собой целей и принести пользу своему народу; бескорыстное стремление к выполне-

нию своего долга в лучших традициях органов военной юстиции (как бы этот долг ими ни понимался). При этом все они являлись одновременно и выходцами из местных элит и типичным продуктом своего времени, воспитывались и получали образование, а также строили свою карьеру в рамках существовавшего государственного строя, четко вписываясь в его структуру и не мысля себя вне его. Выполняя социальный заказ и являясь носителями имперской идеологии, они смогли в заданных им достаточно ограниченных рамках проявить себя, при этом проявить очень ярко, не забывая о своих родных краях, в чем, несомненно, имеется их большая заслуга. К сожалению, имена этих выдающихся людей до сих пор никак не увековечены в нашей стране.

Из военных юристов, которых в нашем исследовании мы можем условно отнести ко второй группе – лица, проходившие службу до революции на территории современной Беларуси и оказавшие влияние на общественную жизнь, развитие культуры и изучение края, заслуживает упоминания генерал-лейтенант *Александр Александрович Навроцкий* (1839–1914) – председатель Виленского военно-окружного суда, член Военно-исторического и Литературно-художественного обществ, поэт и прозаик, издатель и драматург [12, с. 435]. Это о нем писал В. А. Соболевский, называя его «бывший виленский прокурор и затем военный судья Навродский». В военно-юридическое ведомство А. А. Навроцкий попал после того, как был вынужден оставить строевую службу после ранения в голову, полученного во время подавления восстания 1863–1864 гг., а в Виленском военном округе занимал также должность военного прокурора военно-окружного суда.

Он был сослуживцем А. В. Жиркевича в бытность последнего кандидатом на военно-судную должность и помощником военного прокурора Виленского военно-окружного суда, а впоследствии состоял с ним в переписке, и так же, как и Жиркевич, был знаком с Л. Толстым и дважды посетил того (в Ясной Поляне и Москве), общался с Н. С. Лесковым и Ф. М. Достоевским, который говорил, что А. А. Навроцкий – человек «честный, но с великим самомнением». С 1879 по 1882 г. он издавал и редактировал журнал «Русская речь», в котором сам выступал с многочисленными статьями, стихотворениями и историческими драмами в стихах, в том числе «Крещение Литвы» (1879) и «Иезуиты в Литве» (1880). Известность А. А. Навроцкому принесли написанное в 1864 г. стихотворение «Утес Стеньки Разина» («Есть на Волге утес...»), которое было положено на музыку, «распевалось в семидесятых и восьмидеся-

тых годах радикальной молодежью и имело значение русской марсельезы», и драматическая хроника «Стенька Разин» (1871). В дальнейшем указанное стихотворение включалось в революционные песенники [13, с. 199].

Выпускник Военно-юридической академии 1868 г. по первому разряду Александр Александрович относился, таким образом, к когорте «первенцев» этой альма-матер военных юристов (первый выпуск), обучался вместе с Валерианом Сергеевичем Митрофановым (который тоже был председателем Виленского военно-окружного суда, но позже – с 1901 по 1905 г., и потом, в сложный для Российской империи период первой русской революции, стал постоянным членом и председателем Главного военного суда, генералом от инфантерии) [12, с. 396], а также с Михаилом Павловичем Розенгеймом (поэтом, публицистом и переводчиком, редактором «Журнала коннозаводства и охоты» и издателем сатирического еженедельного журнала «Заноза», проходившим службу военным судьей в Киевском и Петербургском военно-окружных судах, издавшим основанную на архивных данных монографию «Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого», которая до сих пор используется в качестве источника по данному вопросу) [14, с. 344–346].

Еще одним офицером органов военной юстиции, проходившим службу на территории современной Беларуси в конце XIX – начале XX в., был *Михаил Африканович Терентьев* (1837–1909), воспитанник Воронежского и Константиновского кадетских корпусов, выпускник Николаевской академии Генерального штаба (1864) и Военно-юридической академии (1875), участник трех войн и кавалер многих российских и иностранных орденов, награжденный бриллиантовым перстнем. Карьеру военного юриста М. А. Терентьев начал в 1880 г. военным следователем Виленского военного округа, а с 1887 г. был помощником военного прокурора того же округа. С 1888 г. занимал должность военного судьи Варшавского военно-окружного суда и в 1894 г. был произведен в генерал-майоры. С 1900 г. М. А. Терентьев являлся военным судьей Виленского военно-окружного суда, а в 1902 году он вышел в отставку с производством в генерал-лейтенанты [15, с. 116].

Этот военный юрист с образованием военного лингвиста и переводчика известен прежде всего своими произведениями, связанными со Средней Азией, которая в это время активно поглощалась Российской империей. Он составил, в частности, «Русскую азбуку для школ

Средней Азии», «На прощанье с Средней Азией» (солдатские песни), «Руководство для учителей к обучению в школах Средней Азии одновременно письму и чтению по русской азбуке», а также написал такие труды, как «Россия и Англия в борьбе за рынки», «Россия и Англия в Средней Азии», «Грамматики турецкого, персидского, киргизского и узбекского языков», «Хрестоматии» тех же языков. «Военный переводчик» (русско-турецко-румынско-болгарский) был создан им при подготовке к русско-турецкой войне как армейский разговорник для Балканского театра военных действий, был напечатан в Санкт-Петербурге и разослан в войска. Также М. А. Терентьев издал «Краткий русско-турецкий словарь с отделением грамматики». Его перу принадлежат «Начало революции в России 9-го января 1905 года» и «Статистические очерки Среднеазиатской России». Одним из фундаментальных трудов М. А. Терентьева считается «История завоевания Средней Азии с картами и планами», законченный им уже в отставке.

Как мы видим, многих военных юристов описываемой эпохи объединяло стремление проявить себя в том или ином виде творчества, не обделенность талантами, желание реализовать не только в служебной деятельности, но и в других доступных для высокообразованного человека сферах, не отрицая и некоторую заинтересованность материального характера. Возможность использования по крайней мере части личного времени для своих увлечений показательно выделяла офицеров-юристов от строевых командиров и начальников, как правило, обремененных заботами о поддержании на надлежащем уровне боевой готовности вверенных им вооружения и личного состава. Военнослужащие военно-судебного ведомства, избавленные от указанных обязанностей, были потенциально более приспособлены к проявлению творческих способностей, их развитию и получению высоких результатов в искусстве и науке.

Среди них не было особых различий по национальному признаку: вне зависимости от места рождения каждый из них как офицер в первую очередь ощущал себя частью большой военной машины империи, «винтиком», предназначенным для выполнения очень важной функции; различия по признаку происхождения и принадлежности к тому или иному сословию во многом нивелировались одинаковым образованием и имущественной однородностью, связанной с равным должностным положением и похожими жилищными (бытовыми) условиями проживания (прохождения службы), а также общими представлениями

о доступном карьерном росте для каждого из них, что свидетельствует о высокой эффективности инструментов имперской унификации в таком государственном институте, как армия [16, с. 202–204].

Таким образом, настоящее исследование демонстрирует наличие в отечественной истории колоритных представителей военно-судного ведомства, обобщение данных о которых позволяет говорить о том, что вклад этих людей в социальное и культурное развитие нашего региона до настоящего времени в науке недооценен, а их влияние на «гражданских» людей, живущих вне военной структуры, но испытывающих ее косвенное влияние, проявлялось не только в участии их в светской жизни (к примеру, высокообразованные военные юристы были желанными гостями в различных светских салонах и обществах тех городов, где они проходили службу), но и в большом личном вкладе в науку и искусство. Также нельзя забывать и других выдающихся военных юристов, оказавших влияние на развитие общества и государства той переломной эпохи, сведения о которых еще предстоит обнаружить и систематизировать в ходе проводимого нами исторического исследования.

Список использованных источников

1. *Соболевский, В. А.* Правосудие и правовой порядок в войсках: юридическое исследование / В. А. Соболевский. – СПб.: Тип. т-ва «Общественная Польза», 1882. – 627 с.
2. Бобровский Павел Осипович // Военная энциклопедия. – М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1911. – Т. 4: [Б – Бомба]. – С. 578.
3. *Лось, И. Л.* Бобровский, Михаил / И. Л. Лось // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). – СПб., 1890–1907.
4. *Корольков, М. С.* Примасы жизни: из воспоминаний военного юриста / М. С. Корольков. – Н. Сад: Рус. тип. С. Ф. Филонова, 1929. – 168 с.
5. *Жиркевич, А. В.* Пасынки военной службы (материалы к истории мест заключения военного ведомства в России) / А. В. Жиркевич. – Вильна: Тип. «Русский Почин», 1912. – 503 с.
6. Русские писатели. 1800–1917: биогр. словарь: в 7 т. / гл. ред. П. А. Николаев. – М.: Большая Рос. энциклопедия, 1992. – Т. 2: Г–К. – 623 с.
7. XXXV Виленское пехотное юнкерское училище 1864–1899 гг.: краткий исторический очерк / сост. А. Антонов. – Вильна: Тип. штаба Вилен. воен. округа, 1900. – 116.
8. *Рутыч, Н. Н.* Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России: материалы к истории Белого движения / Н. Н. Рутыч. – М.: ООО «Издательство Астрель»: «Издательство АСТ»: АНО «Редакция альманаха «Российский архив»», 2002. – 381, [3] с.

9. Дроздовский и дроздовцы / гл. ред. и сост. Р. Тагкуев. – М.: Посев, 2006. – 738 с.

10. Военно-юридическая академия, 1866–1891 гг.: краткий исторический очерк / по поручению начальника Военно-юридической академии составил В. Кузьмин-Караваев, экстраординарный профессор. – СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1891. – [4], 93, 193 с.

11. Список подполковникам по старшинству. Часть I, II и III. Составлен по 1-е марта 1909 г. – СПб.: Воен. тип. (в здании Главного Штаба), 1909. – 2350 с.

12. Биографический словарь. Высшие чины Российской Империи (22.10.1721–2.03.1917): в 3 т. / сост. Е. Л. Потемкин. – М., 2017. – Т. II: И–П. – 661 с.

13. Русские писатели. 1800–1917: биограф. словарь: в 7 т. / гл. ред. П. А. Николаев. – М.: Большая Рос. энцикл., 1999. – Т. 4: М–П. – 704 с.

14. Русские писатели. 1800–1917: биограф. словарь: в 7 т. / гл. ред. П. А. Николаев. – М.: Большая Рос. энцикл. – 2007. – Т. 5: П–С. – 800 с.

15. *Алешин, А. Н.* Михаил Африканович Терентьев – генерал-майор русской армии, ориенталист, писатель и мой прапрадед / А. Н. Алешин // История востоковедения: традиции и современность: материалы III всерос. школы-конф. / Ин-т востоковедения РАН. – М., 2018. – С. 115–121.

16. *Шимукович, С. Ф.* Методологические подходы к исследованию политики имперской унификации в отношении белорусского региона в XIX – начале XX века / С. Ф. Шимукович // Духовная жизнь региональных сообществ: история, культура, повседневность: сб. материалов IV Междунар. науч. конф., г. Казань, Россия, 20–21 окт. 2015 г. – Казань: Изд-во КГАСУ, 2015. – С. 197–205.

(Дата поступления: 11.10.2020).

Ушакова Е. С.

ГУО «Республиканский институт высшей школы», Минск, Беларусь

Ushakova E.

National Institute of Higher Education, Minsk, Belarus

УДК 930(47:316.344.42)«18/19»

**БЕЛОРУССКАЯ ПОВЕСТКА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПРОФЕССОРОВ ВАРШАВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
(КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА)**

**BELARUSIAN AGENDA IN THE ACTIVITIES
OF PROFESSORS AT THE UNIVERSITY OF WARSAW
(LATE XIX – EARLY XX CENTURY)**

В статье проанализированы деятельность и формирование взглядов профессоров Варшавского университета – уроженцев белорусского региона Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. (Гродненская и Ковенская губернии). Автора интересовали такие вопросы, как пути включения в штат преподавателей университета; перспективы научной или административной карьеры; исследования ученых в области культуры белорусского народа, языка, литературы и позиции по формированию белорусского этноса, а также взаимодействие земляков между собой; участие в культурных, общественных, политических делах родного края; попытки обозначить собственную идентичность в социокультурном пространстве империи.

Ключевые слова: Российская империя; Варшавский университет; профессор Варшавского университета; Гродненская губерния; Ковенская губерния; белорусский регион; XIX век; научная элита; идентичность.

The article analyzes the activity and formation of views of professors of the University of Warsaw – natives of the Belarusian region of the Russian Empire in the second half of the XIX – early XX century (Grodno and Kovno provinces). The author was interested in such issues as the way of inclusion in the teaching staff of the University, the prospects of a scientific or administrative careers, research scientists in the field of culture of the Belarusian people, language, literature and positions on the formation of the Belarusian nation, as well as the interaction between our countrymen, participation in cultural, social, or political Affairs of his native land, to try and define their own identity in a socio-cultural space of the Empire.

Keyword: Russian Empire; University of Warsaw; Professor of the University of Warsaw; Grodno province; Kovno province; Belarusian region; XIX century; scientific elite; identity.

Проблема формирования взглядов научной элиты Варшавского университета на белорусский вопрос во второй половине XIX – начале XX в. в отечественной и зарубежной историографии на сегодняшний день является недостаточно изученной. В конце XVIII – начале XIX в. в европейской истории отмечены изменения, которые внесли кардинальные изменения во все сферы деятельности: политическую, социальную, экономическую и т. д. Что касается Восточной Европы, то здесь в результате разделов Речи Посполитой белорусские земли вошли в состав Российской империи, что поставило ряд вопросов по проблеме получения образования у региональных элит.

В рассматриваемый нами период в белорусском регионе действовало несколько учреждений высшего образования: Виленский императорский университет (1803–1832), при этом наследники университета – Медико-хирургическая и Духовная академии – продержались в Вильно до начала 1840-х гг., Полоцкая иезуитская академия (1812–1820), Горы-Горецкий земледельческий институт (1848–1863). Ликвидация Виленского университета по итогам восстания 1830–1831 гг., а затем и других учреждений высшего образования резко ограничила возможности для развития региональных исследований и формулирования разнообразных региональных проектов развития.

Таким образом, после 1832 г. белорусские земли лишились мощного интеллектуального центра притяжения и воспроизводства региональных элит в лице Виленского университета. Условия для самореализации региональных интеллектуальных и научных элит усложнились, что повлияло на ее количественные показатели, в частности, это выразилось в уменьшении числа уроженцев белорусского региона, преподававших в высших учебных заведениях империи на должностях доцентов и профессоров [30, с. 331].

Однако уроженцы белорусского региона могли обучаться в других университетах Российской империи. Одним из таких центров стал Варшавский университет, реформированный в 1869 г. [20, с. 434]. С началом контрреформ в Российской империи в 1880-е гг. в целях поддержания целостности государства на национальных окраинах начало проводиться располячивание белорусских земель, которое затронуло и высшее учебное заведения Царства Польского – Варшавский университет [23, с. 15]. В этой связи непосредственный научный интерес для нас представляет участие уроженцев белорусского региона (как оказалось – по большей части Гродненской и Ковенской губерний) – про-

фессоров Варшавского университета в формировании научного взгляда на белорусский регион, их участие в культурных, социально значимых инициативах гражданского общества, в частности, в трактовке положения белорусского языка, народной культуры и самобытности этого этноса, в необходимости и самоопределении себя как народа, а значит, и в развитии своего региона.

Критерием развития каждого региона является наличие образованных людей, способных воплотить данные планы и восполнить имеющиеся пробелы, тем самым реализовать свои проекты и компетенции в научной сфере, в данном случае – в Варшавском университете [32, с. 432].

На рубеже XIX–XX вв. значительную роль в системе межнациональных и социальных отношений в России начали играть процессы формирования национального самосознания как в «ядре», так и на «окраинах» империи. В контексте противодействия перманентному сепаратизму в 1870-х гг. стал проводиться последовательный курс на располычивание в Императорском Варшавском университете. Это выразилось в преподавании курсов на русском языке, в решении кадрового вопроса – к преподаванию приступили историки и филологи (часть – родом из Гродненской и Ковенской губерний) с пророссийскими взглядами [1, с. 468]. В числе последних были Антон Будилович, Платон Кулаковский, Иван Филевич. Некоторые ученые также имели происхождение из белорусского региона, но занимали более взвешенную позицию (Ефим Карский, Станислав Микуцкий), многие из них приобрели научную известность и принесли мировую узнаваемость, как личностную, так и для университета.

Видный славист и активный участник панславянского движения, уроженец Гродненской губернии Антон Семенович Будилович в 1881 г. возглавил историко-филологический факультет Варшавского университета, где создал кружок близких по взглядам ученых. Его роль в процессе располычивания университета возросла в период ректорства в Варшаве с 1890 по 1892 г. (интересно то, что с назначением ректором в Юрьевский университет с 1892 по 1901 г. он продолжает политику русификации преподавания). Вокруг А. Будиловича сформировался круг ученых, настаивающих на русских интересах в научной и ежедневной жизни западных окраин Российской империи. Как пишет О. Фомичева, А. Будилович с пониманием и сочувствием относился в то же время к русинам Галицкой, Буковинской и Угорской Руси, оказавшихся в со-

ставе Австро-Венгрии, а также российской Холмщины, которая, находясь в составе Привислинского края, продолжала подвергаться полонизации, о чем он пишет в своих научных статьях, поднимая вопрос о тяжелом положении русинов и их борьбе за национальное возрождение [26, с. 5].

А. Будилович в 1892 г. становится редактором ежемесячного журнала «Славянское обозрение» (выходил ровно год). Творческое наследие ученого многообразно. Он опубликовал более трехсот статей в различных периодических изданиях: журналах «Славянское обозрение», «Вестник Европы», «Русский вестник», «Русский филологический вестник», «Журнал Министерства народного просвещения», «Беседа», газетах «Русь», «Новое время», «Московские ведомости», «Известия Славянского благотворительного общества», «Русское обозрение», «Окраины России» и др. Одновременно талантливый исследователь, филолог-лингвист реализовался и на административных должностях.

При изучении наследия А. Будиловича необходимо учитывать историческую эпоху, в которой он жил. В период его деятельности теория единства «русского народа» была официальной идеологической концепцией. Ее разделяли большинство российских ученых того времени (В. Ключевский, Н. Костомаров, И. Аксаков) и основная масса великороссов, малороссов и белорусов, а также русинов, проживавших как на территории России (Холмщина, север Бессарабии), так и в Австро-Венгрии (Буковина, Галичина, Угорская Русь). Рассуждения А. Будиловича об этническом составе этих территорий говорит о том, что в 1906 г. в Белостокском и Бельском уездах «филологическая комиссия» не нашла селений «с преобладающим польским населением», так как большинство католиков оказались белорусами и малорусами [4, с. 142].

Таким образом, как отмечает П. Кулаковский, Антон Будилович «родился в ту пору, когда ясно обозначилось возрождение русского самосознания у белорусов во всей Западной Руси». Вероятно, «очищение от польского напластования своего родового прозвища он сделал по соглашению со своим старшим братом Александром» (который впоследствии стал протоиереем в Холмской Руси) [13, с. 950]. Будучи учеником декана факультета И. И. Срезневского, первого в России доктора славяно-русской филологии, в статье «Мечта ли панславизм?» А. Будилович рассматривал белорусскую проблематику через призму

панславизма и триединства «большой» русской нации [2, с. 214]. Личность А. Будиловича привлекательна для исследователя тем, что его научная и общественная деятельность осуществлялась на западных окраинах империи, то есть была непосредственно включена в борьбу с полонизацией белорусского региона.

В одном из частных писем А. Будилович писал: «Поляки не настолько еще развиты политически или, лучше, не настолько дальновидны и проницательны, чтобы отличить своих действительных друзей от врагов. Так и на меня, отъявленного панслависта, и, следовательно, полонофила... они все еще смотрят как на полонофага, забывая, что лишь в лоне славянства могут они найти спасение от немцев» [2, с. 212]. Ученый придерживался панславистских взглядов в отношении как будущего России, так и всего славянства. Поляки, по его убеждению, были подвержены немецкому влиянию и потому оказались неспособны к самостоятельному культурному развитию. Заметим, что в риторике А. Будиловича обрусение заменялось «ославнением» – конструированием славянской идентичности поляков, правда, основанным на православии, русском языке и культуре. Исследуя научно-педагогическую деятельность А. Будиловича, необходимо отметить тот факт, что он добился разрешения на образование на историко-филологическом факультете Варшавского университета кафедры польского языка и словесности, что вроде бы шло вразрез с политикой на расползчивание учебного заведения. Он также принял участие в работе по составлению программ по грамматике польского языка и истории польской литературы. Подобная активность может рассматриваться в качестве примитивного шага – так объясняется и в статье самого ученого.

В работе С. А. Никитина «Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах» исследуется вопрос о положении национальных окраин империи, где А. Будилович и его коллеги вносят разъяснение в понятие «русскости» [19, с. 127]. Также в работе А. Будиловича «Может ли Россия отдать инородцам свои окраины?» отмечается, что в «Беларуси должно господствовать в управлении, судах и школах местное белорусское наречие», что несколько ломает утвердившиеся стереотипы об ученом [3, с. 22]. «Знарок польской проблематики» – так характеризует исследователя белорусский ученый Ю. Курстак в своей статье «Забывтое имя в истории: А. С. Будилович (1846–1908 гг.)». Он отмечает, что на формирование позиции ученого повлияли его происхождение и исто-

рические события, очевидцем которых он был (прежде всего восстание 1863–1864 гг.).

Заметим, что за свою деятельность в Варшаве А. Будилович снискал репутацию «полонофоба», а возглавляемый им факультет был самым русифицированным в университете. Особенное неприятие у польского студенчества вызывало непризнание А. Будиловичем, профессиональным лингвистом, самостоятельного статуса польского языка. Между тем ученый заявлял, что не был противником польской государственности как таковой, а только лишь высказывал надежду, что разрешение «польского вопроса» будет мирным. На примере жизни и творчества слависта отчетливо прослеживается взаимосвязь между концепциями «западнорусизма» и «панславизма» в его российском мировоззрении. Научное наследие А. Будиловича свидетельствует о том, что «западнорусизм» выступал как местная (белорусская) форма реализации российского панславистского проекта, а так как самосознание А. Будиловича не являлось национальным белорусским, он представлял собой только часть интеллигенции белорусских земель второй половины XIX – начала XX в., которая в силу различных обстоятельств также выбрала для себя иную (наднациональную имперскую идентичность), а не национальную белорусскую.

Своеобразие взглядов А. Будиловича проявилось в отстаивании им идеи существования общеславянской истории, которую он считал объективной реальностью. Поэтому можно утверждать, что ученый может рассматриваться как исследователь «объединенного славянства» [16, с. 6]. В отношении белорусских земель славист придерживался принципов, выработанных школой «западнорусизма», более того, у него отчетливо прослеживается генетическая связь концепций «панславизма» и «западнорусизма». Он полагал, что современные белорусские земли стали ареной непосредственной борьбы между условными Западом и Востоком, между католичеством и православием. Это нашло свое отражение в восстаниях 1794, 1830–1831 и 1863–1864 гг.

Интерес к истории белорусских земель отражен в работах А. Будиловича, связанных с периодом Великого Княжества Литовского, Люблинской и Брестской церковной униями. В российской историографии об этих работах «забывают», что дает возможность считать ученого чистым российским панславистом [17, с. 28]. Крайне негативную реакцию А. Будиловича вызывали польские территориальные претензии на земли, на которых проживали белорусы и украинцы. Земли эти, по мнению

ученого, были исконно русскими, а Польша не имела на них никаких оснований. Ученый отвергал также претензии поляков на автономию в составе Российской империи, доказывая позитивные мотивы проводившейся правительством русификации края, в которой сам принимал деятельное участие [16, с. 16].

К числу малоизвестных исследователей Северо-Западного края можно отнести Платона Андреевича Кулаковского (1848–1913), который имел схожие условия формирования и позиционирования собственной идентичности с уже известным славистом А. Будиловичем. Он также преподавал в Варшавском университете, был уроженцем Западного края и, как и многие его земляки в других университетах империи, даже таких отдаленных, как Казанский, использовал предоставленную возможность проявить себя [29, с. 50].

Противник польского национального движения, родом из Поневежа (сейчас Паневежис) Ковенской губернии, выходец из семьи священника-малоросса, в юности Платон Андреевич окончил гимназию в Вильно, поскольку в 1864 г. в Паневежисе городская гимназия была закрыта властями по итогам восстания. В 1866 г. после окончания Виленской гимназии с золотой медалью в возрасте 18 лет П. Кулаковский поступил в Московский университет на историко-филологический факультет. В то время Москва являлась центром славянофильства, и влияние Ивана Аксакова и Юрия Самарина было очень сильно и значимо среди студентов университета. Большую роль в формировании культурно-политических взглядов П. Кулаковского сыграли сочинения не только Михаила Каткова, но и в значительной степени воззрения известных публицистов, славяноведов: О. М. Бодянского, Н. А. Попова и А. Л. Дювернуа. Этнограф и антрополог Александр Башмаков так охарактеризовал воззрения П. Кулаковского: «...как сын западнорусского края и человек, родившийся в семье священника на окраине, где духовенство сослужило историческую роль в отстаивании русской народности от натиска иноземной культуры и гнета, Платон Андреевич на протяжении всей жизни чувствовал неразрывную связь со славянофильством и верой в русскую государственность на окраинах России» [14, с. 56].

Пребывание на стажировке в Белграде предоставило ученому возможность проводить исследования и писать диссертацию на тему «Вук Караджич, его деятельность и значение в русской литературе», которую он защитил в России в 1882 г. После возвращения на родину спустя два

года П. Кулаковский был назначен лектором русского языка в Варшавском университете и сразу же стал одним из заметных русских деятелей в городе. В 1884–1902 гг. читал лекции в Варшавском университете (с 1891 г. как профессор славянских наречий). В это время им написано известное исследование «Очерк истории попыток решения вопроса об едином литературном языке у славян» [24, с. 8]. В 1886 г. он стал редактором газеты «Варшавский дневник», на страницах которой отстаивал свои взгляды на славянство. Эту должность он занимал до 1892 г., когда получил профессорское место.

Уже во время своей редакторской деятельности и работы в газете П. Кулаковский неоднократно и горячо высказывал свою антипольскую точку зрения. Переживший польское восстание 1863 г., профессор П. Кулаковский убежденно замечал: «...допустить автономию Польши значило бы положить начало разложению России» [15, с. 9; 24, с. 14].

Еще один преподаватель Варшавского университета – сторонник идеи располычивания белорусского региона – Иван Порфирьевич Филевич (1856–1913). И. Филевич, как и П. Кулаковский, родился в семье сельского священника в белорусском регионе (во многом профессиональные и личные судьбы этих людей похожи). После окончания учебы на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета был преподавателем русского языка и истории в разных учебных заведениях. Защитив магистерскую диссертацию на тему «Борьба Польши и Литвы-Руси за галицко-владимирское наследие» (в 1890 г.), был назначен экстраординарным профессором Варшавского университета по кафедре русской истории. Сфера научных интересов ученого лежала в плоскости изучения и сбора сведений по этнографии Холмской Руси. Он издал «Обзор новейшего периода галицко-русской жизни. 1772–1900» (в 1902 г.). Среди его исследований: «К 50-летию воссоединения западно-русских униатов» (1889), «К вопросу о борьбе Польши и Литвы-Руси за галицко-владимирское наследие» (1891), «Вопрос о воссоединении западно-русских униатов в его новейшей постановке» (1891), «Чехия и чехи» (из путевых заметок) – в «Славянском обозрении» за 1892 г., «Угорская Русь и связанные с нею вопросы и задачи русской исторической науки» (1894), «Очерк Карпатской территории и населения» (1895), «Польша и польский вопрос» (1894) [25, с. 103].

Еще один талантливый ученый – уроженец белорусских земель в Варшавском университете угасал как ученый. Речь идет об Осипе Михайловиче Ковалевском, судьба которого драматична, научные дости-

жения выдающиеся, а вот общественная деятельность (в глазах прежде всего польского общества Варшавы) невыразительная.

Считается, что О. Ковалевский родился в селе Большая Берестовица Гродненской губернии в семье униатского священника белорусского происхождения Михаила Юзефовича. Высшее образование он получал в Виленском университете, пожалуй, лучшим в империи на то время. В 1818 г. вступил в общество филоматов вместе с друзьями А. Мицкевичем, Я. Чечетом и Т. Заном (А. Мицкевич упомянул об этом в своем стихотворении «На именинах Юзефов: Ежовского и Ковалевского»). В 1821 г. О. Ковалевский получил степень кандидата и опубликовал свою первую научную работу – «Сообщение о жизни и письмах Лонгина». Далее он преподавал польскую и латинскую литературу в Виленской гимназии, а также готовил перевод Геродота на литературный польский язык. Однако общество филоматов было признано преступным, после ареста и суда по «делу филоматов» в 1823 г. О. Ковалевский и несколько других выпускников университета были высланы в Казань в тамошний университет для усовершенствования в восточных языках [7, с. 17]. Как результат, «по неволе» имя О. Ковалевского связано с формированием и развитием российской школы монголоведения, которая сложилась в 30–50-х гг. XIX в. после научного путешествия ученого в Сибирь, Бурятию, Монголию и Китай (1828–1833), где были собраны уникальные книги, рукописи и этнографические материалы народов Центральной Азии [27, с. 125].

В монографии Р. М. Валеева «Биография и научное наследие востоковеда О. М. Ковалевского» освещается период, предшествовавший расцвету монголоведения в России, дается характеристика развития этого направления в Казанском университете, предлагается очерк жизни О. Ковалевского, анализируются его научная деятельность и вклад в монголоведение. При нем была открыта первая в мире кафедра монгольской словесности в Казанском университете, которую он возглавлял на протяжении более полутора десятилетий [6, с. 64; 29, с. 50]

За свою научную деятельность ученый получил многочисленные награды от правительства (некоторые – в варшавский период) – Орден Святого Станислава, Орден Святой Анны первой степени, Орден Святого Владимира второй степени, состоял в научных обществах России, Парижа, Дании. Его общественно-политическая позиция в казанский период никак не проявлялась, хотя он был видным представителем казанской католической общины. После ректорства в Казанском уни-

верситете О. Ковалевский возвратился в западные губернии и получил приглашение работать сначала в Варшавской Главной школе, а позднее – в университете (1862–1878).

Длительное время ученый занимал пост декана филолого-исторического факультета. Однако прорывных исследований, новых публикаций не было, что объясняется почти полным уничтожением архива во время событий 1863 г. в Варшаве. В целом ученый занимал очевидно проправительственную позицию и этим вызвал острое чувство разочарования в рядах польских патриотов. Как отмечает в своей диссертации, посвященной польскому монголоведению XIX–XXI вв. А. С. Хеубшман, это научное направление было сформировано интересами российского правительства, заинтересованного в изучении Центральной Азии и Сибири. Так, автор отмечает, что О. Ковалевский писал свои труды в основном на русском языке и издавался в России [6, с. 9], что мало связывает его именно с «польским» монголоведением. Напомним, в варшавский период жизни исследований на монгольскую тематику ученый не издавал.

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. значительную роль в системе межнациональных и социальных отношений в Российской империи начали играть процессы национального самосознания. Особенность политики царизма в Российской империи в том, что правительство проводило активную деятельность по «обрусению» территории западных губерний и Польши. В этих процессах определенную роль должен был играть и Императорский Варшавский университет, а профессура должна была выстраивать образовательный процесс и научно-исследовательскую деятельность с учетом российских государственных интересов в регионе. На государственные посты в Царстве Польском и на территории Западного края назначались русские чиновники (равно как и преподаватели в университет), а русский язык закрепился в образовательном процессе, делопроизводстве и в административных учреждениях в западных губерниях [18, с. 78].

Более умеренную позицию по «польскому вопросу» и перспективам развития белорусского региона занимали профессора Варшавского университета, уроженцы белорусских земель Е. Ф. Карский и С. П. Микуцкий. Именно они подробно изучали вопросы культуры белорусского народа, языка, литературы и последовательно демонстрировали свою позицию (по крайней мере, научную) в вопросах формирования белорусской нации.

Ефим Федорович Карский родился в селе Лаша Гродненского уезда Гродненской губернии 20 декабря 1860 г. в семье дьякона местной церкви Федора Новицкого. С Варшавским университетом судьба связала его 17 сентября 1891 г., когда после успешной сдачи экзамена при историко-филологическом факультете Варшавского университета на степень магистра русской словесности он был зачислен на должность лектора русского языка [8, с. 9]. Здесь к молодому профессору пришла научная известность: Русское географическое общество наградило его Большой золотой медалью за исследования в области белорусской этнографии. Е. Карский первым в истории написал диссертацию по белорусскому языкознанию. То, что он работал деканом историко-филологического факультета Варшавского университета и пять лет был его ректором, говорит о его взвешенной и достаточно благонадежной общественной позиции, которая устраивала имперское правительство.

Основоположник белорусского научного языкознания и литературоведения Е. Карский является автором более 700 научных трудов по славистике, белорусистике, русистике. Им проведены исследования по диалектологии, истории белорусского языка, литературы, фольклору, этнографии, древнерусской палеографии, издан фундаментальный труд «Белорусы», собравший все главное в белорусоведении конца XIX – начала XX в. Трехтомная работа «Белорусы» состояла из семи частей и насчитывала 1305 страниц. Последние части исследования издавались уже в 1916–1922 гг. в Петрограде и в Москве [11, с. 58].

Достижения творческой деятельности Е. Карского в области этнографии и фольклористики являются необычайно плодотворными. Этнограф изучал устно-поэтическое творчество и быт белорусского народа, его интересовали вопросы истории и развития белорусского языка, происхождения белорусской народности, границы этнической территории Беларуси [9, с. 327]. Интересны также его исследования «Обзор звуков и форм белорусской речи» (1885), «Западнорусские переводы псалтыри в XV–XVII веках» (1896), «Белорусская речь» (1918), «Очерк славянской кирилловской палеографии» (1901), «Введение в изучение языка и народной словесности» (1903), «Образцы славянского кирилловского письма с X по XVIII век» (1901) [12, с. 27].

В 1905 г. Е. Карский стал ректором Варшавского университета [5, с. 84]. Он понимал студентов и старался сделать их жизнь интересной: вернувшись к преподавательской практике после долгого перерыва, он читал грамматику древнего церковно-славянского языка студентам 1-го

и 2-го курсов славяно-русского отделения по два часа в неделю и с ними же вел практические занятия (чтение и разбор древних текстов) один час в неделю. При ректоре Е. Карском в Варшавском университете были опробованы новые формы работы. Так, в октябре 1909 г. для студентов с целью расширения их кругозора были организованы экскурсионные поездки в Санкт-Петербург, Москву, Киев [8, с. 10]. Должность ректора он занимал до 1910 г., за исключением 3,5 лет, когда деятельность университета была приостановлена из-за студенческих волнений.

В «варшавский период» своей деятельности Е. Карский налаживает тесные научные связи со многими исследователями Беларуси: М. В. Довнар-Запольским, Н. Я. Никифоровским, А. Е. Богдановичем, Е. Р. Романовым, П. В. Шейном, Н. А. Янчуком, М. Федеровским, В. Н. Добровольским, Я. Карловичем и др. [11, с. 67]. Он изучает все известные на то время научные исследования духовной и материальной культуры, устного поэтического творчества и истории белорусского народа. За 22 года работы в университете Е. Карский заложил фундамент белорусского языкознания и впервые научно обосновал позицию, что белорусы – это отдельная нация, а их язык – это отдельный язык, а не диалект польского или русского, как доказывала в своих исследованиях первая группа ученых в лице А. Будиловича, П. Кулаковского и И. Филевича. Тем не менее научная школа белорусистики в то время в Варшавском университете не сложилась несмотря на присутствие такого яркого ученого.

Еще один профессор университета, Станислав Павлович Микуцкий (1815–1890), родился в семье обедневшего шляхтича. Учился в католической семинарии, но не закончил ее [33, с. 2]. Тем не менее академическая карьера была продолжена, и в качестве стипендиата Петербургской академии наук он подготовил отчет Второму отделению академии о филологическом путешествии по Западному краю Российской империи. В ходе экспедиции С. Микуцкий собирал материалы по литовскому и белорусскому языкам и много писал в русле метода сравнительного языкознания. К примеру, им интересно интерпретируются мужские и женские имена, разбирается их морфология и значение в разных языках, даются пояснения наречий и глаголов. На примере слова *lala* исследователь показывает, как описывается семантика слова: на белорусском языке *ляля*, на польском *lala*, литовском *lele* (кукла, игрушка); русское значение *ляля*: 1) игрушка 2) грудное дитя (Тульская, Рязанская губ.), 3) вялый, неповоротливый человек (Оренбург). Поляки словом «*lele*»

называют неженку, изнеженного человека: отсюда глагол *лелеять*. Междометие *лю-лю* употребляется при качании и усыплении младенцев; по-польски: *lulu, lula, lulać* (спать) – отсюда: люлька, люлюкать [22, с. 4].

Интересную интерпретацию дает С. Микуцкий многим историческим названиям, к примеру, понятию «кривичи». По его мнению, в лексическом отношении кривичи принадлежат к великоросскому языку, но в отношении фонетическом из всех русских говоров кривицкий наиболее изменился. Что касается причин этих изменений, то ученый предполагал, что, вероятно, эта трансформация произошла от смешения славян с племенем чудь в верховьях Западной Двины, Днепра и Волги. И объясняет, что у латышей тоже есть похожее слово. Он отмечает, что «...кривым вообще называют все то, что уклоняется от обыкновенного, нормального состояния. Следовательно, народ славянский, чья речь так сильно изменилась, могла получить название Криви, Кривичи» [21, с. 39].

Взвешенную, но осторожную оценку деятельности ученого дал Е. Карский, считавший С. Микуцкого «филологом-самоучкой»: «Если его работы по сравнительному языковедению, вследствие его неподготовленности, не имеют никакой цены, то его наблюдения по белорусскому наречию, с которым он был знаком в детстве, очень ценны» [10, с. 226]. Круг научно и идейно близких ему людей составляли И. И. Срезневский, А. Ф. Гильфердинг, Н. А. Милютин (в свое время ходатайствовал о языковом проекте С. Микуцкого перед М. Муравьевым) [34, с. 3]. С 1863 г., после участия в кампании русификации Литвы, С. Микуцкий работал в Варшавской публичной библиотеке. В 1873–1888 гг. он был доцентом кафедры сравнительного языковедения в Варшавском университете. В 1878 г. Московский университет присвоил ему почетное звание доктора сравнительного языковедения. Кроме вышеупомянутых «Отчетов», С. Микуцкий написал исследования по славянскому, литовскому, арийскому языкознанию. В «Виленском вестнике» в 1860 г. Микуцкий поместил несколько статей о литовских именах и названиях, а в статье «Коляда» опроверг мнение, что Коляда – древнеславянское божество [31, с. 329].

Преподаватели Варшавского университета, которые происходили из западных губерний и условно имели разные мнения, интегрировались как в профессиональное университетское окружение, так и активно участвовали в общественной жизни белорусского региона. При этом вероисповедание и происхождение почти не играли роли в фор-

мах и масштабах проявления общественной активности, которая была направлена на решение местных социальных, экономических, культурных и других проблем. Таким образом, белорусский регион, соседствовавший с Польшей, интересовал профессоров Варшавского университета по нескольким причинам: этот регион являлся малой родиной ученых, которые родились в западных губерниях – преимущественно в Гродненской и Ковенской; белорусские земли были интересны польскому общественному мнению в рамках польских концепций развития, противостоять которым считали необходимым некоторые профессора университета; белорусская проблематика входила в сферу научных интересов ученых и была связана с научными исследованиями в этом регионе; белорусский выбор научной проблематики для исследований ряда ученых свидетельствует о специфике и динамике процессов формирования их личной идентичности (Е. Карский).

Нужно отметить, что во второй половине XIX – начале XX в. распределение интеллектуальной и научной элиты из белорусского региона по университетам Российской империи, в том числе и в Варшавский университет, стало действенным инструментом имперской унификации белорусских земель западного региона, так как лишило его одной из самых важных составляющих социальной структуры общества – группы элит, которая в формате проектов регионального или национального развития могла предложить новые идеи развития, выработать формы и методы их достижения, влиять на формирование региональной идентичности у широких социальных масс [28, с. 6]. Даже близость Варшавского университета к белорусским землям не способствовала формированию в его стенах устойчивого направления белорусоведения, поскольку основной задачей университета, по мнению правительства, являлось противодействие польскому движению и содействие обрусению всего западного пограничья империи, в связи с чем любые региональные повестки были нежелательны.

Список использованных источников

1. Андреев, А. Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы / А. Ю. Андреев – М., 2009. – 649 с.
2. Будилович, А. С. Мечта ли панславизм? [Электронный ресурс] / А. С. Будилович // Беседа. – 1872. – № 1. – С. 195–215. – Режим доступа: <http://libr.msu.by/handle/123456789/3422>. – Дата доступа: 27.11.2020.

3. Будилович, А. С. Может ли Россия отдать инородцам свои окраины? [Электронный ресурс] / А. С. Будилович. – 1907. – 131 с. – Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/427552>. – Дата доступа: 29.11.2020.

4. Будилович, А. С. Холмская Русь и поляки [Электронный ресурс] / А. С. Будилович // Русин. – 2017. – №1. – С. 128–154. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30741205>. – Дата доступа: 15.11.2020.

5. Булахов, М. Г. Евфимий Федорович Карский: жизнь, научная и общественная деятельность / М. Г. Булахов. – Минск: Изд-во БГУ, 1981. – 271 с.

6. Монголовед О. М. Ковалевский: биография и наследие (1801–1878) / Р. М. Валеев [и др.]. – Казань: Алма-Лит, 2004. – 283 с.

7. Гатилова, А. В. Научные династии польских профессоров и преподавателей в Казанском университете: XIX – начало XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А. В. Гатилова; Казан. (Приволж.) федер. ун-т. – Казань, 2012. – 23 с.

8. Самойленко, А. Г. От лектора до ректора: личное дело Ефима Федоровича Карского в Archiwum Panstwowe M.ST. [Электронный ресурс] // Е. Ф. Карский и современное языкознание: материалы XII Междунар. науч. чтений / ГрГУ им. Я. Купалы. – Гродно, 2011. – С. 4–13. – Режим доступа: <https://elib.grsu.by/doc/895>. – Дата доступа: 18.11.2020.

9. Карский, Е. Ф. Труды по белорусскому и другим славянским языкам / Е. Ф. Карский. – М., 1962. – 715 с.

10. Карский, Е. Ф. Белорусы: в 3 т. / Е. Ф. Карский. – Варшава, 1903. – Т. 1. – С. 226.

11. Карский Е. Ф. (к 150-летию со дня рождения): библиогр. обзор / сост. А. А. Карский. – Гродно: ГрГУ, 2010. – 123 с.

12. Карский, Е. Ф. Образцы славянского кирилловского письма с X по XVIII век / Е. Ф. Карский. – Варшава: Тип. Варшав. учеб. округа, 1901. – 78 с.

13. Кулаковский П. А. // Энциклопедический словарь: [в 86 т.] / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон; под ред. К. К. Арсеньева, О. О. Петрушевского. – СПб., 1890–1907. – Т. XVIa. – С. 948–953.

14. Кулаковский, П. А. Очерк истории попыток решения вопроса об едином литературном языке у славян [Электронный ресурс] / П. А. Кулаковский. – Варшава, 1885. – 61 с. – Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/436051>. – Дата доступа: 26.11.2020.

15. Кулаковский, П. А. Поляки и вопрос об автономии Польши [Электронный ресурс] / П. А. Кулаковский. – СПб., 1906. – 24 с. – Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003735862. – Дата доступа: 29.11.2020.

16. Курстак, Ю. И. История славянства в творчестве А. С. Будиловича (1846–1908 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / Ю. И. Курстак. – Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2010. – 28 с.

17. Курстак, Ю. И. Забытое имя в истории: А. С. Будилович (1846–1908 гг.) / Ю. И. Курстак // Вестник ГрГУ. Сер. 1. – 2007. – № 2 (51). – С. 23–29.

18. *Напалкова, И. Г.* Административные реформы управления национальными окраинами Российской империи (в XIX – начале XX в.) / И. Г. Напалкова // Вестник Чувашского университета. – 2011. – № 4. – С. 77–82.

19. *Никитин, С. А.* Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах / С. А. Никитин. – М., 1960. – С. 188.

20. Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830 [Электронный ресурс]. – М., 2010. – 585 с. – Режим доступа: https://inslav.ru/sites/default/files/editions/2010_polsha_i_rossija.pdf. – Дата доступа: 20.09.2020

21. *Микуцкий, С. П.* Отчеты Второму отделению Академии наук о филологическом путешествии по западным краям России [Электронный ресурс] / С. П. Микуцкий // Тетради: в 4 т. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1855–1856. – Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/356023>. – Дата доступа: 07.11.2020.

22. *Микуцкий, С. П.* Отчеты второму отделению Академии наук о филологическом путешествии по западным краям России [Электронный ресурс] // Тетради: в 4 т. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1855–1856. – Тетрадь 3 [отчет 7-й]. – Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/356025>. – Дата доступа: 18.11.2020.

23. *Есипов, В. В.* Материалы к истории Императорского Варшавского университета [Электронный ресурс] / В. В. Есипов // Биограф. очерки. Вып. [1]. – Варшава: Тип. Варш. учеб. окр., 1913–1915. – Т. 2: История высшего образования в Царстве Польском. – 1915. – [2], 53 с. – Режим доступа: <https://dlib.rsl.ru/01004014575>. – Дата доступа: 19.11.2020.

24. *Кулаковский, П. А.* Очерк истории попыток решения вопроса об едином литературном языке у славян [Электронный ресурс] / П. А. Кулаковский. – Варшава, 1885. – 57 с. – Режим доступа: <https://www.prlib.ru/item/436051>. – Дата доступа: 17.11.2020.

25. *Филевич, И. П.* Польша и польский вопрос / И. П. Филевич. – М., 1894. – 111 с.

26. *Фомичева, О. А.* Деятельность А. С. Будиловича (1846–1908) в национальных регионах Российской империи: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / О. А. Фомичева; Рос. гос. гуманитар. ун-т. – М., 2013. – 26 с.

27. *Шамов, Г. В.* Профессор О. М. Ковалевский: очерк жизни и научной деятельности / Г. В. Шамов. – Казань, 1983. – 113 с.

28. *Шимукович, С. Ф.* Белорусские региональные элиты периода «долгого XIX века» как предмет исторического исследования: обоснование понятия / С. Ф. Шимукович // «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исследования по Новой и Новейшей истории / редкол.: И. А. Марзалюк (пред.) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2017. – Вып. 1. – С. 3–12.

29. *Шимукович, С. Ф.* Свои среди чужих? Об уроженцах белорусского региона в Казанском университете в XIX веке [Электронный ресурс] / С. Ф. Шимукович // Электронный научный журнал «Гуманитарные науки в XXI веке». –

Казань, 2018. – № 11. – С. 42–57. – Режим доступа: <https://humanist21.kgasu.ru/>. – Дата доступа: 21.11.2020.

30. Шимукович, С. Ф. О высшем образовании на белорусских землях в XIX – начале XX века / С. Ф. Шимукович // Высшая школа: проблемы и перспективы: сб. материалов XIV Междунар. науч.-метод. конф., Минск, 29 нояб. 2019 г. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2019. – С. 330–331.

31. Погодин, А. Варшавский университет / А. Погодин // Новый энциклопедический словарь: [в 86 т.] / изд.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон; под ред. К. К. Арсеньева, О. О. Петрушевского. – СПб., 1900. – Т. 9. – С. 329–331.

32. Dzieje Uniwersytetu Warszawskiego 1807–1915 / pod red. S. Kiniewiczza. – Warszawa, 2012. – 854 s.

33. Wyjątkowy zakaz // Przegląd Wileński: pismo poświęcone sprawom krajowym [Электронный ресурс]. – 1929. – 16 maja. – S. 2–3. – Режим доступа: <http://elibrary.mab.lt/bitstream/handle/1/15853/69040m1929n9.pdf?sequence=97&isAllowed=y>. – Дата доступа: 21.11.2020.

(Дата поступления: 20.11.2020).

Шимукович С. Ф.

ГУО «Республиканский институт высшей школы», Минск, Беларусь

Shymukovich S.

National Institute for Higher Education, Minsk, Belarus

УДК 94(47+476)«18–19»

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ В XIX ВЕКЕ

REGIONAL PROJECTS IN THE EDUCATION IN THE BELARUSIAN LANDS IN THE XIX CENTURY

Изменения в системе образования на белорусских землях на протяжении XIX в. были обусловлены противоречиями между целями местных элит и центрального правительства. Система образования выполняла важные функции социализации и трансляции идей молодому поколению, воспроизводства элит. В этой связи контроль со стороны правительства системы образования является важным фактором формирования лояльного отношения к империи и ее институтам. В статье рассматриваются некоторые проекты в сфере образования, направленные на установление контроля за системой образования, анализируются условия их реализации. Дается оценка эффективности и результативности реализации образовательных проектов на протяжении XIX в.

Ключевые слова: XIX век; Российская империя; белорусский национальный проект; идентичность; образовательная инфраструктура; Виленский университет; Виленский учебный округ; Белорусский учебный округ; профессор; О. Сенковский; Белорусский лицей; Горецкий земледельческий институт.

Changes in the education system on Belarusian lands during the 19th century were due to contradictions between the goals of local elites and the central government. The education system performed important functions of socialization and transmission of ideas to the younger generation, reproduction of elites. In this regard, government control of the education system is an important factor in the formation of loyalty to the empire and its institutions. The article discusses some projects in the field of education aimed at establishing control over the education system, analyzes the conditions for their implementation. The article assesses the effectiveness and efficiency of educational projects during the XIX century.

Keywords: XIX century; Russian Empire; Belarusian national project; identity; educational infrastructure; Vilna University; Vilna educational district; Belarusian educational district; O. Senkovsky; Belarusian Lyceum; Gorki Agricultural Institute.

Рассматривая процесс развития белорусского национального проекта на фоне взаимодействия с иными региональными проектами

в XIX – начале XX в., необходимо достаточно ясно представлять несколько концептуально важных моментов, связанных как с однозначным пониманием используемой терминологии, так и сутью происшедших процессов с учетом временной специфики этого достаточно длительного временного промежутка.

Прежде всего необходимо понимать, что о национальных проектах как деятельности, направленной на конструирование нации современного типа на западных окраинах Российской империи, возможно говорить только в отношении второй половины и даже, скорее, последней трети XIX в. Первую половину столетия можно рассматривать в большей степени как подготовительный этап, в рамках которого шел поиск путей регионального развития, когда четкого представления в данном регионе о сущности наций этнокультурного типа еще не сложилось, доминировали преимущественно домодерные идентичности, опиравшиеся на исторические формы и традиции существовавшей здесь государственности раннего Нового времени и Средних веков [1, с. 171–174].

Так, литвинская идентичность в первую очередь апеллировала к историческому и политическому наследию Великого Княжества Литовского, польская идентичность не являлась национальной в современном понимании принадлежности ее носителей к этнической польской нации, а более опиралась на разделение ценностей политического наследия Речи Посполитой как «государства двух народов». Русская идентичность апеллировала к мифологизированному историческому наследию Киевской Руси и опиралась на политическую структуру Российской империи.

В первой половине XIX в. не представляется возможным говорить о какой-либо белорусской идентичности иначе, как о субрегиональной идентичности. Так, белорусскими считались Могилевская и частично Витебская губернии, иногда данное понятие расширялось на части Минской и Смоленской губерний, о чем можно судить по использованию термина «белорусский» в названиях административно-территориальных единиц, в том числе генерал-губернаторств, учебных округов и самих губерний. В то время понятие «белорусский» имело преимущественно географический, этнографический и исторический характер, но не имело национального содержания. Совсем иная ситуация складывается к концу XIX в., когда понятие «белорусский» получает этнонациональное наполнение (хотя еще не всеми элитами и широкими массами обывателей разделяемое), что и было результатом

определенной проектной деятельности заинтересованных групп региональных элит.

В теории управления проект представляет собой совокупность ряда параметров, среди которых необходимо указать на основные: задание понятной и достижимой цели, отграниченной от других намерений; опора на временные, финансовые, человеческие и другие ресурсы; наличие специфической организации по его осуществлению.

Анализируя любой проект в истории наций, государств, регионов и т. д. как реализацию активности определенной группы элит, необходимо учитывать свойственные им характеристики, среди которых следует обозначить такие, как ограниченность во времени, т. е. любой проект должен иметь достаточно четкие временные рамки, которые ограничиваются не столько точной временной константой, сколько моментом достижения определенного результата [3, с. 31–38]. В случае реализации белорусского национального проекта таковым результатом нужно считать формирование белорусской нации. По мнению Э. Хобсбаума, нацией являются те социальные общности, в которых подавляющая часть индивидуумов идентифицирует себя соответствующим однозначным образом [2, с. 11–13, 17]. То есть о формировании белорусской нации можно говорить тогда, когда критически значимая часть жителей региона станут носителями белорусской идентичности, как минимум будут называть себя белорусами, а не «тутейшими», «литвинами», «поляками», «русинами» и т. д., т. е. иные региональные идентичности перестанут претендовать на выполнение объединяющей все общество функции.

Таким образом, любой проект (социальный, экономический, политический, культурный и т. д.) предназначен для получения некоего уникального результата, отличающегося индивидуальностью и неповторимостью. Все это развивается во времени, проходит через определенные этапы, но при этом сохраняется соответствие заявленным изначально цели и задачам [3, с. 19–26].

Каждый проект имеет определенную ограниченность в возможностях исполнения, что выражается в зависимости от субъективного человеческого фактора, поскольку проект выполняется конкретными людьми, подверженными влиянию, страстям, обладающих изменчивой натурой, и т. д. Более того, каждый проект в большей либо меньшей степени ограничен ресурсами, что сильно влияет на процесс его изначального планирования, а при поэтапном его выполнении

могут вноситься серьезные корректировки в ход его реализации и управления.

Так, белорусский национальный проект испытывал недостаток в материальных ресурсах, поскольку реализовывался выходцами из небогатой мелкой шляхты и разночинцев [1, с. 172]. Серьезным препятствием на пути реализации проекта был также дефицит человеческих ресурсов – активных, образованных пассионариев, готовых к определенным жертвам. В мемуарах одной из белорусских активисток Ульяны Витан-Дубейковской отмечается, что привлечение к политической деятельности в рамках белорусского проекта Бронислава Тарашкевича было бы нежелательным в силу его большого научного потенциала, он был бы более полезен белорусскому делу как ученый-лингвист. Однако она же отмечает, что Б. Тарашкевич «политикой испортил себе жизнь и белорусское культурное дело понесло большую потерю» [4, с. 118]. Политическую активность Б. Тарашкевича достаточно логично можно объяснить тем, что в продвижении белорусского политического проекта принимало участие не так много ярких и талантливых деятелей по сравнению с польским проектом и даже западнорусским проектом в отношении белорусских земель.

В этой связи выполнение проектов находится в генетической зависимости от среды, в которой они реализуются. В разных средовых окружениях похожие проекты могут реализовываться с совершенно разной динамикой, результативностью и эффективностью. Этим можно объяснить тот факт, что в обозначенный нами временной промежуток в Европе были реализованы десятки проектов конструирования современных наций этнокультурного типа и под них созданы соответствующие формы политического устройства (государство). Но все эти проекты в большей либо меньшей степени отличаются один от одного, хотя и показывают схожесть в отдельных своих чертах или тенденциях развития на определенных этапах реализации.

Влияние среды на реализацию любого проекта выражается в воздействии на него социально-культурного окружения, что проявляется в нравах и обычаях местности, сформировавшихся традициях разных социальных групп, а также конфессиональными и моральными ограничениями и т. д. Однозначно видимое и легко выявляемое влияние на проекты оказывают развивающаяся политическая ситуация на конкретной территории, факторы международных отношений, экономическое влияние разных внешних сил, ресурсоемкость местности [3, с. 27–

30]. Все эти аспекты полностью вписываются в парадигму реализации конкретного национального проекта, который можно рассматривать как «большой» проект, в составе которого реализуется большое количество «малых» проектов, зачастую имеющих ярко выраженный территориальный или отраслевой характер.

На белорусских землях в XIX – начале XX в. вычленяется большое количество активностей, которые можно классифицировать как «малые» проекты, реализуемые в разных сферах. При этом есть смысл обозначить определенную зависимость в направлениях реализации данных проектов и времени их реализации, а также основных исполнителей, под которыми мы понимаем конкретные группы локальных элит.

Политические проекты на протяжении XIX – начала XX в. реализовывались для решения определенных политических целей, среди которых доминировала цель создания (включения в создающуюся) формы государственности на белорусских землях, чаще всего альтернативной имперской российской форме правления. Экономические проекты инициировались как локальными, так и имперскими элитами и предполагали, соответственно, содействие более динамичному развитию экономики региона либо более активное включение белорусского региона в общеимперский экономический механизм. Так, именно имперские проекты в большей степени касались развития инфраструктуры, прежде всего путей сообщения (сначала шоссейных дорог, водных путей сообщения, во второй половине столетия – железных дорог, соединивших все части империи в единый организм).

Местные проекты в сфере экономики больше всего касались утилитарных целей развития сельского хозяйства, перерабатывающей промышленности и т. д. В качестве организационной структуры данных проектов можно рассматривать региональные экономические сообщества, среди которых следует отметить Белорусское вольное экономическое общество, созданное в 1826 г. помещиками Витебской и Могилевской губерний. Данное общество использовало в названии слово «белорусское» исключительно в географическом и административном смысле, так как национального наполнения этот термин еще не получил.

Деятельность Минского общества сельского хозяйства пришлось на конец XIX – начало XX в. и более глубоко изучено в силу широкого спектра источников, а также благодаря опубликованным воспоминаниям его руководителя Эдварда Войниловича [5]. В конце XIX – начале

XX в. Э. Войнилович стал неофициальным лидером коренных, прежде всего католических и польскоязычных, дворян литовско-белорусских губерний, а лидеры и члены Минского общества сельского хозяйства активно участвовали в разработке и реализации идей «краёвости». Данное общество эффективно выполняло свою прямую функцию – распространение передовых технологий и знаний в аграрном производстве, при этом оно являлось легальным прикрытием для проектирования политической деятельности в рамках «польской» концепции развития края. Крупные помещики, носители польской «краёвой» идентичности, могли предоставить почти неограниченные материальные ресурсы на реализацию потенциально интересных им проектов. В то же время сдерживающими факторами являлись боязнь имперской репрессивной машины, неоднократно показывавшей свою эффективность ранее, и отсутствие альтруистических побуждений у подавляющего большинства помещиков, занимавших обывательскую позицию пассивных наблюдателей [6, с. 107–108].

Социальные и культурные проекты, прежде всего в сфере профессиональной политики и образования в белорусском регионе, предполагали реализацию зачастую прямо противоположных целей: как укрепление традиций, оставшихся от речьсполитовского периода с постепенным использованием потенциала данной традиции для формирования и закрепления идентичности, характерной для польской современной нации, так и формирование новой традиции, соответствовавшей формированию лояльной и, более того, патриотической позиции в отношении российской государственности. Стоит отметить, что анализ проектов в сфере образования является наиболее интересным, поскольку именно образование рассматривалось локальными элитами и имперскими силами как эффективный и действенный механизм трансляции ценностей, что соответствует современному пониманию социализации и инкультурации местного населения, формирования одобряемых линий и норм поведения.

Культурные проекты, в первую очередь в сфере образования, являются наиболее важными в деле формирования и продвижения новых идентичностей. На основе их результативности строится успешность экономических и политических проектов. О. Сенковский отмечал в 1827 г. по итогам ревизии училищ белорусских губерний, что бедность есть результат невежества, т. е. отсутствия должного образования [7, л. 236]. Любые политические проекты являются успешными, если на-

ходят поддержку в широких массах обывателей, а это возможно в том случае, если в массах широко распространились и закрепились определенные ценности, трансляция которых осуществляется в первую очередь посредством системы образования.

Проекты в области образования в XIX – начале XX в. на белорусских землях предлагались локальными и имперскими элитами и реализовывались ими на протяжении всего рассматриваемого нами периода. В качестве таковых проектов можно рассматривать основание отдельных учреждений образования, создание образовательных структур, в том числе неофициальных и незаконных, проведение реформ, в принципе изменяющих условия функционирования системы образования в регионе.

Первым значительным проектом в сфере образования можно рассматривать создание Виленского университета со всем комплексом завязанных на него учреждений. Университет был основан на базе Главной Литовской школы (ранее – Виленская иезуитская академия, существовавшая с XVI в.) в рамках общеимперской реформы системы образования. Однако Виленский университет и учебный округ почти сразу были взяты под контроль региональными элитами благодаря стараниям князя Адама Чарторыйского, имевшего значительное влияние на императора Александра I, которое он использовал для реализации своей программы расширения польскоориентированного образования на присоединенных к России землях бывшей Речи Посполитой [8, с. 1–XXV]. Конечная цель А. Чарторыйского – сформировать, воспитать, подготовить критическую массу людей, готовых не только к восстановлению Речи Посполитой, но и способных активно участвовать в данных процессах. В этой оценке оказались едины такие историки, как А. Погодин, автор пространного очерка о деятельности университета, и В. Пичета [8; 9].

В итоге университет и почти вся инфраструктура образования на белорусских землях в первой трети XIX в. находились под контролем местных элит, которые были полны воспоминаниями о потерянной государственности Речи Посполитой и рассчитывали на скорое ее восстановление мирным либо силовым способом. В массе своей региональные элиты были носителями нескольких идентичностей, отличавшихся уровнем локализации.

Так, польская идентичность имела наднациональный или имперский характер, т. е. идентификация шла по принадлежности к истори-

ческой форме государственности – Речи Посполитой, которая в обиходе упрощенно называлась также Польшей. Однако характер этой государственности региональными элитами все равно понимался как многонациональный, так как часто использовалось дополнение «государство двух народов», среди которых вторым считалась историческая Литва.

Литовская или литвинская (для исключения путаницы с национальной литовской идентичностью, сформировавшейся к концу XIX в., лучше использовать второй вариант названия) идентичность имела уже более локальный характер, при этом она никоим образом не вступала в конфликт с идентичностью наднациональной польской. Литвинская идентичность апеллировала к историческому наследию ВКЛ и была характерна уроженцам литовской части Речи Посполитой. Как правило, данный дуализм выражался в отнесении себя к польской нации при литвинском (белорусском, русинском) происхождении [10, с. 85]. Для понимания соотношения данных идентичностей вполне уместна аналогия из нашего времени: гражданско-политическая идентичность «россиянин» имеет наднациональный характер и не вступает в конфликт с национальными идентичностями «татарин», «якут», «русский», «чуваш» и т. д. Аналогично чуть раньше наднациональная идентичность «советский человек» существовала параллельно с национальными идентичностями «белорус», «украинец», «литовец», «грузин», «узбек» и т. д. в Советском Союзе. При этом в глазах иностранных обывателей зачастую все жители СССР, без различия их национальной принадлежности, были «русскими», так как жили в «Советской России». В этой связи польская идентичность части элит белорусского региона должна пониматься с учетом сложностей самоидентификации в условиях многочисленных политических потрясений «долгого XIX века», а упрощенные однозначные трактовки в отношении «польскости» шляхты на белорусских землях препятствуют рациональному подходу к анализу сути многих процессов, сопровождавших продвижение белорусского национального проекта.

Таким образом, контроль над образовательным процессом на белорусских землях в первой трети XIX в. реально находился в руках местных региональных элит, представители имперского правительства могли лишь констатировать неудовлетворительность такого положения с точки зрения целей и задач по унификации присоединенного региона. В столице империи разрабатывали и предпринимали действия, скорее являющиеся полумерами, например, ликвидация иезуитских учрежде-

ний образования (их передали другим католическим орденам), изъятие учреждений образования Витебской и Могилевской губерний из Виленского и передача их Петербургскому учебному округу (без реформирования самой системы учреждений), смена куратора Виленского учебного округа (замена А. Чарторыйского на Н. Новосильцева, который занялся не реформированием системы, а жесткими кадровыми чистками, часто необоснованными), ревизия преподавательских и административных кадров университета и иных учреждений образования, перевод обучения на русский язык (при недостатке преподавательских кадров, знавших русский язык) и т. д. Но даже эти мероприятия не были доведены до логического завершения и только еще больше запутали и ухудшили ситуацию в системе образования региона.

Так, параллельно учреждениям образования, созданным еще в предшествующий «польский» период Речи Посполитой, в первой трети XIX в. в белорусском регионе были открыты гимназии и училища по российскому образцу, что привело к невероятной запутанности системы. Визитатор (ревизор) учреждений образования белорусских губерний, профессор Петербургского университета (одновременно уроженец белорусского региона и выпускник Виленского университета) Осип Сенковский в своем пространном отчете по итогам ревизии учреждений образования Витебской и Могилевской губерний охарактеризовал ситуацию как «настоящий хаос» [7, л. 233]. Отчет о визитации белорусских училищ 1826 г. содержал подробный анализ системы образования не только в Витебской и Могилевской губерниях, но и затрагивал моменты, связанные с учреждениями образования Виленского округа. Также визитатор разработал план реорганизации системы образования региона с учетом исторических и социальных особенностей, имевшихся в данных губерниях, равно как и потребностей центрального правительства в деле унификации данного региона в имперский организм. О. Сенковский выдвинул идею организации Белорусского лицея (в Витебске), на который бы опиралась вся стройная система средних и начальных учреждений образования в двух белорусских губерниях, входивших в Петербургский учебный округ и подчинявшихся Петербургскому университету [7, л. 249–272]. Необходимо отметить, что слово «белорусский» в названии лицея не имело национального наполнения, оно носило географический характер и определяло отношение лицея именно к белорусским губерниям, которыми в первой половине столетия считались Витебская и Могилевская.

По мнению О. Сенковского, обучение в Белорусском лицее давало бы представителям местного «среднего сословия» (из многочисленной, но небогатой шляхты) высшее образование на первой ступени и позволяло им поступать на государственную военную или гражданскую службу. При желании и финансовых возможностях семьи можно было закончить полное высшее образование в Петербургском университете. С одной стороны, это должно было сформировать более лояльное отношение к империи со стороны местной шляхты, так как она активно вовлекалась в общеимперские структуры. С другой стороны, О. Сенковский предлагал незамедлительно изъять учебные заведения из ведения католических орденов, прямо указывая на антироссийский характер образовательного процесса в них. Особенно негативные отзывы по итогам визитации профессора получило Высшее училище пиаров в Полоцке (фактически оно имело статус лицея), вплоть до предложения его наискорейшего закрытия.

Реально начальное и среднее образование полностью было взято под контроль правительства только в 1864 г. в результате жестких и крайне непопулярных в обществе действий нового виленского генерал-губернатора М. Муравьева и его помощника в этом деле попечителя округа И. Корнилова. Как отмечали современники, «учебная часть обращала на себя особое внимание начальника края», благодаря чему удалось «немедленно исторгнуть народное образование из рук ксендзов и вообще поляков» [11, с. 313–314]. Таким образом, от предложений О. Сенковского об изъятии учреждений образования из ведения католического духовенства до принятия окончательных в этом направлении действий прошло чуть менее 40 лет.

Среди актуальных на то время идей О. Сенковского – введение максимально практико-ориентированного обучения в начальных и средних учебных заведениях, особенно предназначенных для «простых» сословий. Основной причиной бедности в регионе он считал невежество, но и образование ради получения «полузнаний» (такowymi, по его мнению, были гуманитарные предметы) тоже не считал выходом из положения. Обучение для обывателей, на взгляд О. Сенковского, необходимо было наполнять предметами, дающими практические навыки в земледелии, ремеслах, промышленности, торговле и т. д. [7, л. 235–236]. Его предложения нашли самую горячую поддержку белорусского генерал-губернатора Н. Хованского, однако реализованы они не были почти ни в одном из обозначенных пунктов.

Идея Белорусского лицея вновь возникла в начале 1830-х гг. с ликвидацией Виленского университета, однако не была реализована в первую очередь по причине материальных затруднений правительства. Свою роль, на наш взгляд, также сыграли политические обстоятельства, хотя они и не являлись определяющими [12]. Центральное правительство приняло решение открыть университет в Киеве, все ресурсы были направлены на реализацию этого образовательного проекта [17, с. 109]. Открытие лицея в Орше могло состояться только при условии полной финансовой поддержки со стороны местных элит (как это было в других регионах империи). Однако наиболее состоятельные представители элит западных губерний руководствовались противоположными целями и не готовы были финансировать идеологически чуждый им правительственный образовательный проект.

Борьба за контроль над системой образования в 1820-х гг. привела к смене руководства университета и округа в 1824 г. и установлению жесткого контроля над образовательным процессом со стороны правительства. Эти действия сопровождались чисткой преподавательских кадров. От преподавательской деятельности были отстранены многие профессора, среди них было большинство тех, кто родился на белорусских землях и, что более актуально, занимавшихся региональной проблематикой, в частности, активными изысканиями в области истории региона, археографии, истории местного права и т. д. Данные исследователи стояли у истоков формирования регионоведения (в современном понимании – белорусоведения). Деятельность виленских профессоров вызывала неподдельный интерес среди студентов, в массе своей также уроженцев региона, что выразилось в формулировании просветительских функций созданных в университете и учебном округе студенческих обществ (филоматы, филареты, променистые и т. д.). М. Бобровский, И. Данилович, И. Ярошевич, И. Онацевич и другие создали в рамках считавшегося «польским» университета традицию регионалистики, что со временем должно было стать прочной основой для научного обоснования национального регионального проекта, какое бы название он не получил (сегодня мы знаем его как белорусский проект). Схожую ситуацию наблюдал чешский исследователь Й. Коржалка, когда указывал на значительное влияние немецкого по своей сути Карлового университета в Праге в трансформации домодерной богемской идентичности в чешский национальный проект и его последовательное продвижение в XIX в. [13, с. 99].

Традиция развития региональных исследований на белорусских землях фактически была прервана с ликвидацией университета в 1832 г. Необходимо отметить, что роль университета как базы региональных исследований, особенно исторических в контексте создания региональной (позднее – национальной) концепции исторического развития, места сосредоточения интеллектуальных сил региона, инструмента воспроизводства региональных элит неоспорима, на что указывают в своих исследованиях Р. Линднер и В. Терешкович [14; 15].

Идея восстановить университет в регионе возникала неоднократно как в среде местных элит – здесь необходимо отметить записку предводителя дворянства Минской губернии А. Лаппо, поданную в 1862 г. накануне восстания [16, с. 70–74], а также в кругах имперского руководства – здесь можно отметить мнение министра народного просвещения Д. Толстого после знакомства с состоянием образования в регионе в 1872 г. Министр отмечал необходимость открытия университета в регионе, в частности, предлагал в качестве базы помещения кадетского корпуса в Полоцке [9, с. 217], хотя необходимо отметить, что министр Д. Толстой не относился к числу либералов, был сторонником усиления воспитательной составляющей и православия в образовании и университет в белорусском регионе им виделся как инструмент усиления пративительственного влияния.

На записку А. Лаппо от виленского генерал-губернатора В. Назимова в Министерство народного просвещения поступило пространное отношение, в котором четко видна позиция официальных властей. Так, начальник края отмечает, что «...не подлежит никакому сомнению, что учреждение университета в Литовском крае необходимо для того, чтобы дать возможности и средства молодым людям усовершенствовать себя в высших науках, тем более потому, что с каждым годом, при быстром развитии всех элементов народной жизни, чувствуется потребность в действиях на поприще общественного прогрессивного стремления. Но университет этот должен быть охранен от враждебного начала, засеянного в этом крае польскою пропагандою...» [16, с. 108–109]. В целом региональные власти поддержали предложения минского предводителя дворянства А. Лаппо об открытии новых учебных заведений, в том числе университета, реальных и агрономических училищ, но резко негативно высказались о возвращении польского языка в систему регионального образования, а также о передаче начального образования в ведение местного дворянства, отмечая, что «...польское дворянство

никогда не заботилось о воспитании народа, а теперь заявляет желание принять на себя эту обязанность единственно из политической цели, для привлечения к себе простого народа...» [16, с. 111].

Таким образом, вопрос о «целенаправленной» деятельности правительства по недопущению образования высших учебных заведений в белорусском регионе с целью блокировать развитие интеллектуального потенциала местных элит достаточно сильно мифологизирован и нуждается в прояснении. Учреждение высших учебных заведений в империи осуществлялось исходя из рациональных потребностей и возможностей правительства. Если существовала острая потребность в учреждении, то возможности финансирования изыскивало правительство. Так, университет в Киеве – это чисто имперский проект, финансирование которого осуществлялось за счет средств закрытых Виленского университета и Волынского лицея. При этом Киев был выбран по вполне рациональным критериям: город большой, преимущественно «русский», хотя и находится в «польском» западном крае, что давало надежду на осуществление более плотного идеологического контроля в университете и участия в финансировании его деятельности русской части местных элит; город имел неплохую логистику с сообщением по Днепру (до строительства железных дорог) и шоссейным дорогам, расположен в зоне с достаточно мягким климатом и т. д.

Изначально Киевский университет рассматривался как вуз для всего Западного края, в том числе и белорусских губерний [17, с. 109]. Ожидания правительства частично оправдались, что показала история самого университета. Стоит отметить, что на украинских землях в имперский период было открыто три(!) университета (кроме Киева – в Харькове и Одессе), что не укладывается в логику историков, указывающих на препятствование правительства открытию университетов в национальных окраинах империи для недопущения их интеллектуального развития. Университеты в Харькове (один из первых в империи) и Одессе были открыты по инициативе и при самом активном участии местных элит, что выразилось в финансировании ими значительной части издержек как на стадии основания, так и в процессе дальнейшей деятельности учебных заведений. В белорусском регионе желание местных элит учредить университет либо иное высшее учебное заведение не сопровождалось реальными действиями по участию в его материальном обеспечении. Вероятно, местные элиты не считали возможным участвовать в финансировании правительственного образовательного

проекта, который был предназначен для размывания их «польской» идентичности. Представители «непольских» элит здесь были не столь состоятельны и многочисленны, особенно в сравнении с украинскими землями, где православное дворянство (бывшие казацкие старшины) было многочисленно и финансово состоятельно.

Ликвидация Виленского университета и затем его «осколков» – Медико-хирургической и Духовной академий не лишила белорусский регион инфраструктуры высшего образования полностью. Идеи О. Сенковского в необходимости развития профессионального образования нашли реализацию с образованием земледельческих учебных учреждений в Горках Могилевской губернии и института на их основе [18]. Однако статус высшего учебного заведения был потерян по итогам антиправительственного восстания 1863 г. Спустя двадцать лет вопрос о восстановлении статуса высшего учебного заведения для сельскохозяйственных училищ в Горках снова рассматривался правительством, однако положительное решение не было принято, в том числе и по описанным выше причинам [19].

На протяжении второй половины XIX – начала XX в. местными элитами и представителями имперских элит предлагались разные варианты учреждения высшего заведения в белорусских губерниях, однако все они оказались не реализованы по разным причинам. На наш взгляд, главным препятствием был недостаток необходимых ресурсов у правительства при отсутствии желания местных элит участвовать в финансировании данных проектов в значительных объемах, а также в возможности выполнить запрос на подготовку определенных специалистов за счет обучения в уже имеющихся в империи учреждениях образования. Так, проект уроженца белорусских земель, профессора столичной духовной академии О. Кояловича об открытии Духовной академии в белорусских губерниях не был поддержан правительством [20, с. 118].

В конце XIX – начале XX в. развитие экономики региона еще более обозначило потребность в высшем учебном заведении, а наибольшую заинтересованность в высшем профессиональном образовании демонстрировали представители местной буржуазии. Вопрос о высшем учебном заведении поднимался в прессе, дебатировался на сельскохозяйственных съездах и в органах местного самоуправления. Значительную часть расходов предлагалось покрыть из местных фондов, в том числе из пожертвований от городов, земств, предлагались самообложение, благотворительные взносы и другие варианты. Городские думы Витебска

и Минска предлагали выделить для университетских зданий земельные участки и назначить значительные денежные субсидии [9, с. 218–223]. Однако теперь правительство не спешило с одобрением проекта учреждения университета в белорусских губерниях, поскольку российские университеты в целом, вне зависимости от места своего расположения, стали мощными центрами оппозиции и рассчитывать на продвижение российского влияния в регионе через университет уже не представлялось легко осуществимым делом. Так, после революционных событий января 1906 г., в которых активно участвовали студенты, в ряде университетов в империи по решению правительства были прекращены занятия на год, а университет в Варшаве был закрыт на три года.

В 1910 г. в Витебске по инициативе членов Витебской губернской ученой архивной комиссии было основано отделение частного высшего учебного заведения – Московского археологического института. Данное учреждение имело достаточно утилитарные цели – подготовка работников архивов, археологов, и поэтому оно не давало полное высшее образование, а только на первой ступени [21]. Данный пример частной инициативы местных элит также необходимо рассмотреть более детально. Витебская губернская ученая архивная комиссия представляла собой научное историческое общество, среди его основателей и членов были видные «западноруссы» либерального толка А. Сапунов, Е. Романов, Е. Карский, также среди членов общества были чиновники губернского аппарата, не имевшие белорусского происхождения [22].

Таким образом, на исходе «долгого XIX века» в белорусском регионе начала формироваться инфраструктура высшего образования. Однако в этом деле он значительно отстал даже от соседних украинских земель, которые имели пять университетов – три на российской части (в Харькове, Киеве и Одессе) и два на австро-венгерской части (во Львове и Черновцах). Наличие высших учебных заведений позволило сформировать украинский политический проект раньше белорусского и сделать его более узнаваемым в рамках имперского пространства, а в перспективе – успешным в реализации конечных целей [14, с. 66–69; 15, с. 195]. Что же касается образовательных проектов с белорусским национальным содержанием, то они появились только в условиях Первой мировой войны и только в рамках начального и среднего образования, реализовывались Белорусским обществом по оказанию помощи пострадавшим от войны.

Список использованных источников

1. Шимукович, С. Ф. К вопросу об идентичностях элит белорусских земель в период «долгого XIX века»: проблема концептуализации / С. Ф. Шимукович // «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исследования по Новой и Новейшей истории: сб. науч. тр. / редкол.: И. А. Марзалюк (пред.) [и др.]. – Минск : РИВШ, 2019. – Вып. 2. – С. 167–176.
2. Хобсбаум, Э. Нации и национализм после 1870 года / Э. Хобсбаум; пер. с англ. А. А. Васильев. – СПб.: Алетейя, 2017. – 308 с.
3. Управление проектами. Основы проектного управления: учебник / колл. авт.; под ред. проф. М. Л. Разу. – 4-е изд. стер. – М.: КноРус, 2015. – 756 с.
4. Вітан-Дубейкоўская, У. Мае ўспаміны / У. Вітан-Дубейкоўская. – Vilnius: Gudų Kultūros Draugija Lietuvoje, 1994. – 192 s.
5. Войнилович, Э. Воспоминания / Э. Войнилович; пер. с пол., ред. В. Завальнюк. – Минск, 2007. – 380 с.
6. «Всеподданнейший отчет...» виленского, гродненского и ковенского генерал-губернатора П. Д. Святополк-Мирского Николаю II [Текст] / М. Біч, В. Пічукоў // Беларускі гістарычны часопіс. – Мінск, 1997. – № 2. – С. 94–116.
7. Lietuvos Valstybes Istorijos Archyvas (далее – LVIA). – F. 567. Ap. 2. Bb. 2255. – Дело об инспектировании белорусских учебных заведений профессором Сенковским, 1827 г.
8. Погодин, А. Виленский учебный округ 1803–1831 гг. / А. Погодин // Сборник материалов для истории просвещения в России, извлеченных из архива Министерства народного просвещения. – СПб.: Изд-во МНП, 1902. – Т. 4, вып. 1. – С. 1–СXXXIII.
9. Пічэта, У. Пытаньне аб вышэйшай школе на Беларусі ў мінулым / У. Пічэта // АРЧЕА Пачатак. – 2014. – № 9. – С. 202–226.
10. Макарэвіч, В. Шляхта Беларусі XIX ст. у святле беларускасці / В. Макарэвіч // АСТА ALBARUTHENICA: навук.-тэарэт. час. – 2003. – № 3. – С. 82–85.
11. Мосолов, А. Виленские очерки (1863–1865 гг.) (Из воспоминаний очевидца) / А. Мосолов // Воспоминания современников о Михаиле Муравьеве, графе Виленском / сост., предисл. и коммент. С. В. Лебеев; отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Ин-т рус. цивилизации, 2014. – С. 242–329.
12. Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). – Ф. 3157. Оп. 1. Д. 161. – Дело об открытии лица в Орше, 1831–1834 гг.
13. Павленко, О. В. Йиржи Коржалка: новый взгляд на процессы формирования наций в Центральной Европе / О. В. Павленко // Национализм и формирование наций. Теории – модели – концепции / отв. ред. А. И. Миллер. – М.: РАН: Ин-т славяноведения и балканистики, 1994. – С. 94–111.
14. Лінднэр, Р. Гісторыкі і ўлада: нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX–XX стст. / Р. Лінднэр; пер. з ням. Л. Баршчэўскага; навук. рэд. Г. Сагановіча. – 2-е выд. – СПб.: Неўскі прасцяг, 2005. – 540 с.

15. Терешкович, П. В. Этническая история Беларуси XIX – начала XX в.: в контексте Центрально-Восточной Европы / П. В. Терешкович. – Минск: БГУ, 2004. – 223 с.

16. Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края: в 2 ч. – Вильна, 1913–1915. – Ч. 1: Переписка по политическим делам гражданского управления с 1 января 1862 по май 1863 г. / сост. А. И. Миловидов. – 1913. – LXVI, 464 с.

17. Журналы Комитета Западных губерний / изд. подгот. Т. В. Андреева [и др.]. – СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2017. – Т. 1: 1831–1835 гг. – 848 с.

18. НИАБ. – Ф. 2259. Оп. 1. Д. 24. – Дело о торжественном открытии Горыгорецкой земледельческой школы 15 августа 1840 года, 1840–1841 гг.

19. НИАБ. – Ф. 2260. Оп. 1. Д. 296. – Дело о предположении открытия в Горках высшего сельскохозяйственного заведения, 1887–1892 гг.

20. Кузьма, Д. І. Практы першых беларускіх універсітэтаў: М. В. Каяловіч і праблема арганізацыі праваслаўнай вышэйшай навучальнай установы ў Беларусі ў другой палове XIX стагоддзя / Д. І. Кузьма // Беларуская думка. – 2010. – № 6. – С. 116–120.

21. НИАБ. – Ф. 2771. Оп. 1. Д. 160. – Дело об открытии в Витебске отделения Московского археологического института и о сооружении памятника Отечественной войны 1812 года, 1–8 декабря 1911 г.

22. НИАБ. – Ф. 2771. Оп. 1. Д. 153. – Список членов Витебской ученой архивной комиссии, 1910 г.

(Дата поступления: 04.12.2020).

РАЗДЕЛ 3. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ ИМПЕРИИ В РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ПЕРИОД «ДОЛГОГО XIX ВЕКА»

Кейко Ю. В.

УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,
Гродно, Беларусь

Kejko J.

Yanka Kupala State University of Grodno, Belarus

УДК 94(476)

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ БАЗА ПРОЦЕССА ПРАВОСЛАВНОГО ХРАМОВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В БЕЛАРУСИ (60-Е ГОДЫ XIX ВЕКА)

LEGISLATIVE BASE OF THE PROCESS OF ORTHODOX CHURCHES CONSTRUCTION IN BELARUS (60-s OF THE XIX CENTURY)

В статье показано создание законодательной базы процесса православного храмового строительства на территории Беларуси в 60-е гг. XIX в. Источниковой основой являются положения Строительного устава Российской империи и церковно-строительные правила, разработанные Министерством внутренних дел. Анализ документов позволяет определить порядок формирования юридической базы церковного строительства в изучаемый период и выделить его особенности.

Ключевые слова: законодательство; православное храмовое строительство; Беларусь.

The article shows the creation of a legislative base for the process of Orthodox churches construction in Belarus in the 60-s of the XIX century. The source basis is the provisions of the Construction charter of the Russian Empire and the church building rules developed by the Ministry of internal affairs. The analysis of documents allows us to determine the order of formation of the legal base of church construction in the studied period and highlight its features.

Keywords: legislation; Orthodox churches construction; Belarus.

Православное храмовое строительство в 60-е гг. XIX в. являлось одним из главных направлений политики царского правительства, во многом обусловленное необходимостью подавления восстания 1863–1864 гг. на территории Литвы, Польши и Беларуси. Данное мероприятие было закреплено в двух пунктах «Записки о некоторых вопросах по устройству Северо-Западного края», представленной 14 апреля 1864 г. виленским генерал-губернатором графом Михаилом Николаевичем Муравьевым императору Александру II. В разделе 2.а. «Меры в отношении обеспечения православного духовенства» сделан акцент на православную конфессию как на проводника русской культуры, распространение которой предполагалось совершить путем улучшения материального положения духовенства, а также создания новых приходов за счет строительства православных храмов [1, л. 15; 37].

Первоначально законодательной основой по организации православного храмового строительства на подготовительном этапе и процедуре передачи построенных церковных зданий в духовное ведомство являлись циркуляры Министерства государственных имуществ за 1858 г., автором которых был министр государственных имуществ М. Н. Муравьев. Именно это ведомство до 1859 г. контролировало данную сферу деятельности [2, л. 7]. Также храмовое строительство регламентировалось положениями Строительного устава Российской империи (раздел 2, глава 1 «О построении казенных зданий» и раздел 3, глава 1 «О построении Православных церквей, молитвенных домов и часовен»), входившего в состав Свода законов Российской империи (том XII, часть 1-я) [3]. Требования к составлению и утверждению проектно-сметной документации (ст. 37–40), способы строительства (ст. 48–52), условия заключения контрактов и проведения торгов (ст. 53, 54), порядок осмотра построенных зданий (ст. 55–60) были указаны в разделе 2 Строительного устава [3, с. 214–217]. Правила для строительства и ремонта православных храмов за счет государства (ст. 115–120) или прихожан (ст. 121–125) освещались в следующем разделе. Оба пункта включали общие принципы организации строительного процесса на начальном этапе возведения православных храмов: выбор места для будущего храма (ст. 116), сбор сведений о данной местности и количестве прихожан (ст. 123), составление проектов и смет техниками (ст. 117, 122), утверждение контрактов (ст. 118). Отдельно даны инструкции губернаторам, которые через техников Строительного отделения губернского правления должны были совершать надзор за строительством церковных зданий (ст. 126–130) [3, с. 223–225]. Отсюда

следует, что глава 1 «О построении казенных зданий» раздел 2 является прямым руководством по организации и строительству, а глава 1 раздела 3 «О построении Православных церквей, молитвенных домов и часовен» Строительного устава служит к нему дополнением на подготовительном этапе строительства храмов применительно ко всем губерниям империи.

Имея большой опыт в разработке методики проектирования и строительства церквей, виленский генерал-губернатор М. Н. Муравьев без предварительного обсуждения с министром внутренних дел учредил в каждом из православных приходов церковные советы [4, л. 57]. Свои действия он аргументировал в записке (отношении), адресованной митрополиту Иосифу Семашко 12 июля 1864 г. Большой объем церковных ремонтно-строительных работ, совершавшихся в разных районах «литовских» губерний, и острая необходимость в быстром поиске материальных и денежных средств вынудили виленского генерал-губернатора приобщить к этому процессу самих прихожан под руководством местных священников. К тому же, как считал М. Н. Муравьев, это укрепляло интересы православной церкви и способствовало распространению русской народности в Северо-Западном крае [5, с. 494].

Соответственно, церковные советы – органы самоуправления церковных приходов (нижнее звено церковно-государственного управления строительством) – в своей деятельности руководствовались «Правилами для церковных советов в губерниях: Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской, Витебской и Могилевской», составленными М. Н. Муравьевым на основе правил для таких же советов, учрежденных в южных губерниях Российской империи [6, с. 10]. В состав церковных советов предполагалось ввести от 4 до 8 человек из числа прихожан православного вероисповедания, церковного старосту и волостного старшину. Во главе церковного совета назначался приходской священник [7, с. 227]. Главная задача церковных советов заключалась в наблюдении за возведением новых и ремонтом действующих православных храмов, поиске денежных средств и стройматериалов [8, л. 1].

В то же время для возрождения церковно-приходской жизни 2 августа 1864 г. императором Александром II было утверждено «Положение о приходских попечительствах при православных церквях» [9, с. 349]. Эти органы также задумывались как выборные под руководством священников, но их функциональные обязанности были намного шире:

1) надзор за состоянием церковного здания, ремонтом и внутренним убранством храма;

2) материальное обеспечение приходского духовенства и строительство домов для причта;

3) открытие приходских школ и благотворительных учреждений [10, с. 35; 11, с. 118–124].

Тем не менее приходские попечительства на территории Беларуси появились позже – через три года после завершения срока действия церковных советов. Виленский генерал-губернатор посчитал деятельность последних более эффективной, так как они контролировали строительный процесс на местах достаточно экономично [6, с. 11].

Последующим виленским генерал-губернатором Константином Петровичем фон Кауфманом в «Правилах, которые следует наблюдать при постройке Православных Церквей и причетнических строений в Северо-Западном крае» были предложены и утверждены императором 24 мая 1865 года общие положения, которые регламентировали возведение церковных зданий. В преамбуле документа закреплялась главная цель задуманного: «Православные Храмы Божіи должны служить вѣковыми свидѣтелями великой эпохи возрождения Православія и русской народности въ Сѣверо-Западном краѣ, искони русскомъ, страдавшемъ такъ долго подъ гнетомъ Латино-Польской пропаганды, а потому постройка таковыхъ должна быть производима съ изящностью капитально и безъ излишней поспѣшности» [12, л. 24], т. е. православные храмы являлись своеобразным инструментом, позволяющим распространять русское влияние в северо-западных губерниях империи. В первых пунктах правил указывалось место строительства храма в населенных пунктах (в центре), строительный материал (булыжный камень, кирпич), технология строительства (кладка стен и фундамента), облицовочный материал куполов (каменная плитка, листовое железо, дерево). В отдельном пункте документа упоминались учреждения, осуществлявшие строительный процесс: «церковные комитеты» (вероятнее всего, временные губернские и уездные комитеты) и церковные советы, а также способы строительства (хозяйственный и подрядный). Также в зависимости от объемов работ обозначались сроки для их выполнения: а) не более 2-х лет – в населенных пунктах, где нет православных храмов; б) 1 год – для храмов, требующих реконструкции, ремонта; в) 3–4 года или 5 лет – для новых храмов там, где особой необходимости в их строительстве не было; г) от 5 лет и более – при возведении более обширных храмов. Ответственность за соблюдением всех требований проектно-сметной документации возлагалась на архитекторов, которые должны были контролировать ход строительных работ. В заключитель-

ной части документа виленский генерал-губернатор сконцентрировал внимание на роли православного духовенства и мировых посредников, заключавшейся в приобщении крестьян к благоустройству и содержанию храмов в надлежащем состоянии [12, л. 24].

7 декабря 1867 г. вышло Положение Комитета министров (далее – «Правила») «О порядке устройства православных церквей в девяти губерниях Западного края» [13, л. 341], составленное на основе предложений и поправок, внесенных виленским генерал-губернатором К. П. фон Кауфманом и киевским генерал-губернатором А. П. Безаком [4, л. 60 об].

«Правила» стали основой для становления единого порядка в организации и реализации церковно-строительного процесса в западных губерниях. В первом пункте документа обозначалось содержание предметов, относящихся к церковно-строительной программе: осмотр существующих храмов и населенных пунктов, где находились сгоревшие или закрытые церкви; фиксация их внешнего вида на план (чертеж в масштабе); сбор сведений о численности прихожан и их материальном положении для содержания храма и духовенства; формирование общей сети церквей по губерниям; ремонт, перестройка и строительство церковных зданий; составление проектно-сметной документации, ее рассмотрение и утверждение; контроль за расходом выделенных денежных средств правительством и из других источников; надзор за исполнением в экономическом и техническом плане; передача церковных зданий в духовное ведомство; ведение отчетной документации [14, с. 1].

Далее в «Правилах» была представлена вертикаль государственных органов, включавшая центральные и губернские учреждения. Курировало данный процесс Министерство внутренних дел: с одной стороны – через генерал-губернаторов, а с другой – через Святейший Синод (только по конфессиональным вопросам). В обязанности министерства входило получение нужных кредитов и надзор за их распределением на местах, рассмотрение проектов и чертежей для строительства, которые требовали утверждения императором. Экономические вопросы решал Департамент общих дел, а технические – Главный технико-строительный комитет [14, с. 2–3].

Генерал-губернаторы обязаны были следить за деятельностью губернских церковно-строительных учреждений: «за ходом, единством и правильностью производства церковно-строительных работ» [14, с. 3]. Они также давали губернским учреждениям указания по проведению осмотров действующих и сдачи только что построенных храмов, утверждали проекты и сметы (на сумму до 10000 рублей), раз-

решали делать отступления от проектов в случаях, не требовавших выделения дополнительных денежных средств [14, с. 3–4]. В полномочия генерал-губернаторов входило изменение личного состава губернских церковно-строительных присутствий, образование или ликвидация существующих уездных и временно-хозяйственных комитетов для отдельных церквей, создание приходских попечительств или замена ими церковных советов.

На губернском уровне управлением строительства занимались церковно-строительные присутствия под председательством губернаторов. В члены присутствия входили чиновники губернской администрации и представители Духовной консистории. Функции этого учреждения для выполнения строительных работ на всех этапах строительства выглядели следующим образом [14, с. 5–13]:

1. Осмотр храмов и фиксация информации о них в актах. После рассмотрения актов на заседаниях присутствия составлялась общая сеть церквей по губернии, необходимая для выявления храмов, не нуждающихся в ремонте (в таком случае церковные здания исключались из базы губернского присутствия и вся ответственность за их содержание возлагалась на прихожан и местное духовенство).

2. Рассмотрение и утверждение проектно-сметной документации.

3. Распоряжение о начале строительства храма по определенному генерал-губернатором способу (подрядному или агентному). В отдельных пунктах правил прописаны условия, при которых отдавалось строительство с подряда и выдавались деньги подрядчикам.

4. Направление своих членов на место строительных работ для проверки правильности их выполнения.

5. Допуск некоторых отклонений от утвержденных проектов, не превышая сметную сумму.

Для содействия церковно-строительным присутствиям по приказу генерал-губернатора на местах создавались приходские попечительства и церковные советы, которые отвечали за поиск и подготовку строительных материалов, нанимали мастеров и следили за соблюдением инструкций техников (архитекторов) [14, с. 13–15].

Последняя часть правил предписывала возводить храмы каменные (из кирпича, булыжного камня, каменной плиты), допускалось строительство деревянных храмов на каменных фундаментах там, где не было соответствующего материала; купола и колокольные башни строить из кирпича при использовании древесины; стены штукатурить изнутри и снаружи. При строительстве храмов в городских, местечковых и де-

ревенских приходах, насчитывающих от 1500 человек, учитывались факторы наличия католического костела и достаточное количество каменного материала, состояние действующей церкви. Церкви рекомендовали возводить в центре селения, на самом видном и лучшем месте. Храмы должны были иметь, по возможности, красивые фасады. Местным архитекторам разрешалось проектировать новые чертежи независимо от типовых проектов планов храмов, изданных при Министерстве внутренних дел в альбоме «Атлас планов и фасадов церквей, иконостасов к ним и часовен, одобренных для руководства при церковных постройках в селениях» (год и место выхода не известны) [14, с. 15–16; 15]. Проекты планов из альбома тиражировали и рассылали по губернским церковно-строительным присутствиям [16, л. 194]. Следовательно, новые правила «О порядке устройства православных церквей в девяти губерниях Западного края» комплексно упорядочивали строительный процесс на всех уровнях государственной власти, определяли предмет и общие положения по представленной проблеме.

Таким образом, основой для создания законодательной базы процесса православного храмового строительства на территории Беларуси в 60-е годы XIX в. стали положения Строительного устава Российской империи, которые последовательно раскрывали осуществление строительства зданий в целом и дополнялись статьями относительно возведения храмов на подготовительном этапе. Заполняли пробелы этого этапа и регламентировали процедуру передачи построенных церковных зданий в духовное ведомство циркуляры Министерства государственных имуществ за 1858 г. М. Н. Муравьева.

Новым дополнением к существующим законодательным документам стали «Правила для церковных советов» и «Положение о приходских попечительствах» за 1864 г. Оба документа регулировали процесс церковного строительства на местах.

Первая попытка официально закрепить общие положения о строительстве православных храмов сделана в «Правилах, которые следует наблюдать при постройке Православных Церквей и причетнических строений в Северо-Западном крае» (1865). Этот документ определял сроки выполнения строительных работ и необходимые для него виды стройматериалов. Однако недостатком документа являлось отсутствие в нем информации о конкретном составе и функциональных обязанностях членов церковно-строительных комитетов, на которые возлагалась ответственность за организацию церковно-строительных работ в губерниях.

Комплексно порядок осуществления церковно-строительных работ был закреплен в Положении Комитета министров «О порядке устройства православных церквей в девяти губерниях Западного края» в 1867 г.

Список использованных источников:

1. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – Ф. 811. Оп. 1. Д. 48.
2. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (далее – НИАБ в Гродно). – Ф. 8. Оп. 1. Д. 1265.
3. Свод законов Российской империи [Электронный ресурс] / Консультант-Плюс. – Режим доступа: <https://civil.consultant.ru/reprint/books/244/>. – Дата доступа: 15.11.2020.
4. Lietuvos Valstybes Istorijos Archyvas (далее – LVIA). – Ф. 378. Ар. 73. В. 1650.
5. Правила для церковных советов в губерниях: Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской, Витебской и Могилевской // Литов. епарх. ведомости. – 1864. – № 14. – С. 494–502.
6. *Миловидов, А. И.* Церковно-строительное дело в Северо-Западном крае при гр. М. Н. Муравьеве / А. Миловидов. – Вильно, 1913. – 51 с.
7. *Орловский, Е. Ф.* Судьбы православия в связи с историей латинства и унии в Гродненской губернии в XIX ст. (1794–1900) / Е. Ф. Орловский. – Гродно, 1903. – 604 с.
8. НИАБ в Гродно. – Ф. 846. Оп. 1. Д. 3.
9. *Римский, С. В.* Российская церковь в эпоху великих реформ. (Церковные реформы в России 1860–1870-х годов) / С. В. Римский. – М., 1999. – 568 с.
10. *Карнишина, Н. Г.* Церковные реформы в России второй половины XIX века / Н. Г. Карнишина // Изв. высш. учеб. заведений. Поволж. регион. Гуманитар. науки. – 2015. – № 3. – С. 34–40.
11. Положение о приходских попечительствах при православных церквях // Пол. епарх. ведомости. – 1877. – № 5. – С. 118–124.
12. НИАБ в Гродно. – Ф. 10. Оп. 1. Д. 13.
13. Российский государственный исторический архив. – Ф. 1284. Оп. 12. Д. 94.
14. Правила для устройства православных церквей в 9-ти губерниях Западного края [Текст]. – Вильна: Печатня А. Г. Сыркина, [1871?]. – 16 с.
15. Атлас планов и фасадов церквей, иконостасов к ним и часовен, одобренных для руководства при церковных постройках в селениях [чертежи] / изд. Св. Синода. – М., 1911. – 46 л.
16. НИАБ в Гродно. – Ф. 846. Оп. 1. Д. 1.

(Дата поступления: 29.11.2020).

Киселёв А. А.

УО «Белорусский государственный экономический университет»,
Минск, Беларусь

Kiselev A.

Belarus State Economic University, Minsk, Belarus

УДК 94(476):351.744

УЕЗДНАЯ ПОЛИЦИЯ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ В 1905 ГОДУ (НА ПРИМЕРЕ ОШМЯНСКОГО УЕЗДНОГО ПОЛИЦЕЙСКОГО УПРАВЛЕНИЯ)

THE DISTRICT POLICE OF THE BELARUSIAN PROVINCES IN 1905 (ON THE EXAMPLE OF THE OSHMYANY DISTRICT POLICE DEPARTMENT)

Уездные полицейские управления белорусских губерний оказались не готовы к массовым протестам как в уездных городах, так и в сельской местности. Особенностью этих протестов стало насилие со стороны участников беспорядков. В результате малочисленность полиции стала причиной привлечения к охране порядка воинских подразделений русской армии. В условиях 1905 г. общая полиция не имела возможности широко применять легальное принуждение, ограниченно использовала оружие.

Ключевые слова: полиция; белорусские губернии; уездные полицейские управления; революция 1905–1907 гг.; массовые беспорядки.

The district police departments of the Belarusian provinces turned out to be unprepared for mass protests both in district cities and in rural areas. A feature of these protests was the violence against police officers used by rioters. As a result, the small number of police became the reason for the involvement of the military units of the Russian army in the protection of order. Under the conditions of 1905, the general police did not have the opportunity to widely use legal coercion, and used weapons to a limited extent.

Keywords: Police; Belorussian provinces; county police departments; revolution 1905–1907; mass riots.

В период политического кризиса 1905–1907 гг. Ошмянский уезд являлся одним из самых беспокойных мест Виленской губернии. Такую репутацию уезд приобрел во многом благодаря революционным организациям Сморгони, но не оказались в стороне и уездные Ошмяны. Не случайно местные группы РСДРП и Бунда в 1905 г. удостоились отдельной статьи в «Энцыклапедыі гісторыі Беларусі» [1]. По советской

историографической традиции политическим противникам самодержавия до сих пор уделяется больше внимания при описании происшедшего в 1905 г., чем деятельности органов власти и их представителей. Эта диспропорция не позволяет реконструировать целостную картину событий в белорусских губерниях в период 1905–1907 гг. В этой связи характеристика Ошмянского уездного полицейского управления (далее УПУ. – А. К.) как структуры правопорядка во время акций политического протеста и беспорядков позволяет внести некоторые уточнения и коррективы в наши представления о деятельности общей полиции во время первого года острого политического кризиса, который в отечественной историографии называют революцией 1905–1907 гг.

В начале XX в. Ошмянская уездная полиция состояла из нескольких чиновников: исправника, его помощника, секретаря, двух столоначальников, регистратора, четырех станowych приставов и полицейского надзирателя, служившего в Ошмянах [2, с. 217]. По всей видимости, большинство чиновников были местными уроженцами. На это указывают такие косвенные данные, как учебное заведение, которое окончил будущий полицейский чин Ошмянского УПУ, и вероисповедание. В частности, семь чиновников (64 %) окончили местные учебные заведения (Новогрудскую гимназию, Трокское и Виленское уездные училища, Кобринское двухклассное училище, Молодечненскую и Несвижскую учительские семинарии). Регистратор Г. Ф. Баранович ограничился домашним воспитанием, но его католическое вероисповедание недвусмысленно выдает в нем выходца из губерний Западного края. Этот чиновник оказался единственным католиком среди полицейских офицеров, что неудивительно вследствие негласных ограничений на замещение католиками класных должностей в местных органах власти.

С 1 января 1904 г. в Виленской губернии в рамках общероссийской реформы стали формироваться отряды уездной стражи. Следует отметить, что ее создание дискутировалось во время работы комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности в 1902 г. Например, члены Ошмянского уездного комитета в один голос констатировали необходимость создания «вооруженной стражи, с войсковой организацией, на образец западноевропейских корпусов жандармов, на обязанности которых возложить: следить за порядком, за подозрительными лицами и своим всегда возможным появлением парализовать действия конокрадов и поджигателей» [3, с. 145]. К концу 1905 г. в Ошмянском уезде порядок охраняли 24 урядника, 107 пеших и 21 конных стражни-

ка. Интересно, что почти все они были «из местного населения, с 50 % православных» [4, л. 90]. Стража была распределена на восемь отрядов.

В Ошмянах располагалась вся конная стража под непосредственным командованием исправника и 13 пеших стражников, 30 стражников охраняли порядок в Сморгони. Остальные небольшими подразделениями в 10–14 человек были расквартированы в местечках Гольшаны, Крево, Ивье, Воложин, Налибоки и Девенишки. Термин «расквартированы» имел практически буквальное значение, поскольку только в Сморгони для 15 холостых стражников удалось приискать казарменное здание. Остальные стражники жили «по квартирам» [4, л. 90].

Кроме чинов полицейской стражи в городах находились городовые. В 1905 г. в Ошмянах обязанности по патрульно-постовой службе исполняли восемь городских, а в Сморгони оказалось итого меньше: три фабрично-заводских городских [5, л. 2]. Этот штат полиции обеспечивал порядок в уезде населенностью в почти четверть миллиона человек (к 1906 г. 247 751 чел.), т. е. плотность полиции на 1000 человек составляла приблизительно 0,7 чина. При этом нельзя забывать о площади подведомственной полиции территории: Ошмянский уезд был самым обширным в Виленской губернии и занимал 6,05 тыс. кв. верст, причем станковые оказались разбросаны на большом расстоянии от исправника. Например, квартира станкового пристава в Воложине располагалась в 56 верстах от уездного центра, а третий стан в Субботниках находился чуть ближе – всего в 48 верстах.

По сравнению со Сморгонью Ошмяны были более спокойным в политическом отношении городским центром. Однако несколько случаев масштабных беспорядков показывают неспособность полиции своими силами гарантированно справиться с участниками волнений. Когда 24 января 1905 г. в Ошмянах началась забастовка, то для усиления полиции в течение суток пришлось спешно стягивать в уездный центр 14 урядников и 56 стражников, т. е. почти половину всей стражи уезда. Толпа забастовщиков, в которой по полицейским донесениям преобладали еврей-подростки, ходила по улицам и кричала «ура, долой полицию, долой чиновников» [6, л. 27]. 25 января 1905 г. ошмянский исправник Савин доносил о том, что накануне в городе забастовавшими рабочими планировалась новая демонстрация. По мнению полицейских чинов, забастовка произошла под влиянием приезжих «из других местностей неизвестных личностей» [6, л. 26]. Интересно, что предприниматели отказывались давать показания о забастовке, поскольку опасались

«мести» [6, л. 26]. Исправник предполагал, что в будущей демонстрации планируется участие забастовщиков из Сморгони. В этой связи начальник уездной полиции запрашивал для усиления полиции конный отряд в 20 казаков. Присылка военного отряда, по мнению исправника, являлась не просто страховкой, но следствием недостаточных сил полиции. В этот же день забастовщики попытались сорвать занятия в местном городском училище под предлогом выражения сочувствия к забастовке. Однако инспектор училища сумел на какое-то время уговорить рабочих покинуть помещение. Когда рабочие стали покидать здание училища, появились городовые, задержавшие одного из забастовщиков. Впрочем, задержание демонстрантов оказалось не таким простым делом. Так, попытка задержать другого участника забастовки во дворе училища обернулась тем, что городовому «нанесены были четырьмя неизвестными лицами, резиновыми нагайками побои, и лишь после обнажения шашки ему удалось освободиться» [6, л. 27]. По показаниям учеников большинство демонстрантов, пришедших в училище, имели в руках нагайки, а «у некоторых видны были револьверы» [6, л. 27]. 25–26 января полиции удалось арестовать на улице несколько активных участников забастовки и демонстрации. После переговоров фабричного инспектора и чинов полиции с рабочими и предпринимателями забастовка была прекращена. Уже 29 января 1905 г. к работе приступили рабочие христиане, а спустя два дня бастовать прекратили евреи. Несмотря на прекращение волнений, по настоянию исправника в городе оставили для усиления четырех урядников и восемь стражников при взводе казаков в 25 чинов. Шестеро задержанных получили наказание в виде трех месяцев тюремного заключения.

Однако описанные выше массовые беспорядки в городе оказались не последними. В следующий раз их зачинщиками 3 февраля 1905 г. стали окрестные крестьяне. Они отказались отогнать предназначенный на продажу скот на городской скотопригонный двор для ветеринарного осмотра и оплаты пошлыны. Толпа крестьян набросилась на надзирателя и двух стражников с криками «бей полицию» [6, л. 35]. Полицейским были «нанесены оскорбления действием». Другая часть толпы направилась на скотный двор и стала ломать санитарную будку. Только появление исправника, а вслед за ним и казачьего отряда прекратило погром. Полиции удалось задержать семерых крестьян, которым предстояло просидеть под арестом при управлении один месяц. Интересно, что ставший причиной беспорядков скотопригонный двор был

учрежден в Ошмянах 10 июня 1904 г., т. е. его существование, скорее всего, не было новостью для крестьян. Оплата за каждую голову крупного рогатого скота равнялась всего 10 коп.

Следует отметить, что полицейское дознание в отношении участников незаконных демонстраций и иных протестных акций часто заходило в тупик. Причиной являлся отказ от дачи свидетельских показаний из опасения мести забастовщиков или революционеров. В частности, комментируя попытку проведения 7 июня 1905 г. демонстрации в Ошмянах, исправник отметил, что установить ее «участников посредством частных лиц не представилось возможным, так как местное население из боязни агитаторов не желает говорить, кто были агитаторами и участниками означенного сборища» [6, л. 131]. Еще один пример. В своем рапорте от 7 сентября 1905 г. губернатор К. К. Пален, сообщая о принуждении к забастовке в Ошмянах портняжных мастерских Н. Эпштейна и Ш. Друскина, доложил о том, что организаторы забастовки угрожали портным револьвером. После их отказа присоединиться к забастовке «были разбиты окна в квартирах означенных портных». Однако оба пострадавших при снятии показаний отказались от первоначальных слов, что «несомненно последовало под давлением забастовщиков» [6, л. 219]. Полиция специально отмечала факты давления на рабочих при организации забастовок. Например, сообщая о забастовке ошмянских кожевников 19 сентября 1905 г., губернатор, подчеркивая мирный характер проведения забастовки, указал, что бастующие не оказывали «давления на рабочих других производств» [6, л. 224].

Обыденной стороной беспорядков являлось применение демонстрантами огнестрельного оружия против полиции. В Ошмянах вечером 25 июля 1905 г. манифестация закончилась тем, что «при рассеивании толпы демонстранты стреляли в чинов полиции, вследствие чего бывший на месте беспорядков помощник исправника ответил также выстрелом из револьвера» [6, л. 139]. Это сообщение побудило виленского губернатора К. К. Палена обратиться на следующий день в штаб Виленского военного округа с просьбой направить в ряд городов и местечек губернии военные подразделения. В Ошмянах после этого обращения появилась рота пехоты, «принимая во внимание крайнюю малочисленность и недостаточность сил уездной полиции» [6, л. 139]. Последующие материалы дознания показывают более детальную картину событий 25 июля. В рапорте на имя генерал-губернатора А. А. Фрезе указывалось, что толпа манифестантов численностью 200 человек была

вооружена: «У мужчин были в руках револьверы, кинжалы и кистени, которыми они махали в воздухе». Манифестанты несли черный анархистский и два красных флага, пели антиправительственные песни и выкрикивали лозунги. При приближении полиции толпа бросилась бежать вверх по Виленской улице, но «по пути остановились, дали по наряду полиции на расстоянии около 60-ти шагов пять или шесть выстрелов» [6, л. 176]. В рапорте честно признавалось, что преследование решили прекратить «в виду крайнего переутомления чинов полиции, недостаточности числа их и опасности, грозившей им благодаря тому, что большинство демонстрантов было вооружено» [6, л. 177]. Дознание установило, что беспорядки произошли во многом по причине их активной организации революционерами, приехавшими в Ошмяны из Минска, Вильно и Сморгони. Впоследствии в июле-августе полиции удалось арестовать 19 человек, причем показательна мягкость наказания: 12 манифестантов, у которых в руках было оружие во время манифестации, заключались под стражу на три месяца, а остальным было назначено два или один месяц ареста при управлении.

Факт массового вооруженного политического протеста и слабость полиции привели в конечном итоге к тому, что в городах и крупных поселениях Ошмянского уезда на сравнительно длительный срок размещались военные подразделения. В конце 1905 г. в Ошмянском уезде размещались два взвода казаков в Сморгони и еще один казачий взвод в местечке Воложин. В самом же уездном центре стояла рота пехоты. В планах по размещению войск на 1906 г. проектировалось убрать казаков из Воложина, но предполагалось сохранить пехотную роту в Ошмянах в силу «повторяющихся попыток к производству беспорядков» [7, с. 41]. Очевидным казалось и сохранение присутствия казаков в Сморгони, поскольку последний «как крупный рабочий центр не может быть оставлен без подвижной воинской силы» [7, с. 41].

По сравнению с крупными городскими беспорядками, имевшими частую политическую подоплеку, в сельской местности неповиновение приобретало иные формы. В глазах крестьян личность полицейского вовсе не казалась неприкосновенной. Чины стражи могли подвергаться нападениям со стороны сельских жителей. В частности, в м. Девенишки попытка стражника прекратить драку между крестьянами закончилась нападением на стража порядка. При этом виновник драки Жиборт спустя полчаса явился в квартиру урядника и потребовал составить протокол о пропаже 25 руб. Требование сопровождалось тем, что «жерт-

ва» мнимой кражи «в квартире урядника поносил его и всю полицию площадной бранью» [6, л. 70–71]. Выйдя на улицу, он стал ломать дверь и призвал к этому толпу. Стражник, попытавшийся прекратить хулиганские действия, был избит толпой до потери сознания. В итоге губернатор в целях «поддержания авторитета полиции среди сельского населения» ходатайствовал перед генерал-губернатором о содержании под стражей трех задержанных крестьян в течение двух месяцев. Показательно, что зачинщик избиений оказался бывшим десятским, т. е. выборным нижним чином сельской полиции от крестьянской общины.

Интересно, что чины уездной полиции, сталкиваясь с неповиновением или сопротивлением, далеко не сразу прибегали к силе, а старались разрешить проблему путем переговоров и не стремились тут же использовать оружие. В частности, после того как крестьяне д. Полуша Полянской волости Ошмянского уезда с помощью насилия прекратили работу казенной мельницы и забрали шлюзы, сперва 14 декабря в деревню приехал пристав и уговаривал крестьян «возвратить шлюзы и не препятствовать работе мельницы», но получил решительный отказ. Спустя неделю в деревне появились два урядника и пять стражников, но им было оказано сопротивление. На следующий день, 22 декабря, в поселение вновь приехал пристав, «но ему также было оказано сопротивление». Только в последний день уходящего года пристав вернулся в деревню вместе с урядником и отрядом из 34 полицейских стражников. Сперва в деревню был направлен конный стражник с предложением добровольно отдать похищенное имущество, но назад он вернулся «с окровавленной правой рукой и доложил, что крестьяне в ответ на его предложение выдать шлюзы нанесли ему побои». Въехав в деревню, отряд обнаружил, что дома, где жили организаторы беспорядков, заперты изнутри. Аресты пришлось проводить после безуспешных просьб, вскрывая двери силой. Однако в одном доме развернулась настоящая схватка, в которой крестьяне оборонялись топорами, ножами и камнями. После неоднократных предупреждений о применении оружия чины полиции получили ответ «врете, стрелять не будете» [7, с. 49]. После предупредительного выстрела из избы прокричали, что стреляют холостыми. Только после последнего безуспешного предупреждения стражники открыли огонь на поражение, убив двух и ранив одного крестьянина. Всего во время этой полицейской операции было арестовано 13 участников беспорядков. Нельзя не отметить, что полиция предприняла практически все меры, чтобы избежать трагического исхода конфликта, прежде чем применила оружие.

Таким образом, чины Ошмянского УПУ, столкнувшись с массовым неповиновением и сопротивлением властям, были вынуждены прибегнуть к помощи воинских подразделений русской армии. Это обуславливалось малочисленностью полиции, которая, несмотря на появление в 1904 г. отрядов военизированной полицейской стражи, не располагала силами, способными поддерживать плотный полицейский контроль над населением почти в четверть миллионна человек на столь значительном пространстве уезда. Чины полиции вовсе не ощущали себя в безопасности и не пользовались непререкаемым властным авторитетом в глазах местного населения. Нападения на служащих порядка при исполнении превращались в повседневную практику их службы в 1905 г. Во время политических акций в Ошмянах революционеры применяли против полиции огнестрельное оружие, были вооружены иными средствами нападения: нагайками, ножами. Интересно, что аресты активных участников беспорядков, сопровождавшихся сопротивлением или нападением на полицию, завершались сравнительно мягким наказанием виновников. Дознание против участников беспорядков осложнялось нежеланием свидетелей, в том числе предпринимателей, сотрудничать с полицией из опасения мести со стороны революционеров. Большинство чинов Ошмянского УПУ – от стражника до полицейского офицера – были уроженцами белорусских губерний.

Список использованных источников

1. Біч, М. В. Ашмянскія выступленні працоўных 1905 / М. В. Біч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск: БелЭн, 1993. – Т. 1: А – Беліца. – С. 241–242.
2. Памятная книжка Виленской губернии на 1904 год. – Вильна: Тип. А. Г. Сыркина, 1904. – 461 с.
3. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности: в 58 вып. – СПб.: Тип. Н. Евстифеева, 1903. – Вып. IV: Виленская губ. – 212 с.
4. Литовский государственный исторический архив (далее – ЛГИА). – Ф. 378. Оп. 1903. Д. 61.
5. ЛГИА. – Ф. 378. Оп. 1907. Д. 215.
6. ЛГИА. – Ф. 378. Оп. 1905. Д. 2.
7. Высший подъем революции 1905–1907 гг. Вооруженное восстание ноябрь–декабрь 1905 год / под ред. А. Л. Сидорова. – М.: АН СССР, 1957. – Ч. IV. – 1002 с.

(Дата поступления: 29.09.2020).

Крот М. Н.

Южный научный центр Российской академии наук,
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Krot M.

Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
South Federal University, Rostov-on-Don, Russia

УДК 94(47).083

**ВИЛЕНСКИЙ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР КНЯЗЬ
П. Д. СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ И ПРОБЛЕМА
«ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКОЙ РУСИФИКАЦИИ»
СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРАЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В НАЧАЛЕ XX ВЕКА¹**

**VILENSKY GOVERNOR-GENERAL PRINCE
P. D. SVYATOPOLK-MIRSKY AND THE PROBLEM OF
«PARISH RUSSIFICATION» OF THE NORTH-WESTERN
REGION OF THE RUSSIAN EMPIRE AT THE BEGINNING
OF THE 20th CENTURY**

В статье рассматривается трансформация имперской политики в просветительно-образовательной сфере Северо-Западного края в период пребывания на посту виленского губернатора князя П. Д. Святополк-Мирского, придерживавшегося новой модели управления национальными окраинами, учитывавшей потребности и интересы местного населения. Генерал-губернатор считал необходимым отказаться от насильственного насаждения православия среди местного населения и использования церковно-приходской школы как инструмента русификаторской политики, выступая за распространение государственного светского просвещения, свободу вероисповедания и использование национальных языков и письменности при обучении местного населения.

Ключевые слова: Российская империя; П. Д. Святополк-Мирский; Виленское генерал-губернаторство; Северо-Западный край; национальные окраины; русификация; церковно-приходские школы; католицизм; православие.

The article examines the transformation of the imperial policy in the educational sphere of the Northwestern Territory during the tenure of Prince P. D. Svyatopolk-Mirsky,

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации проекта РНФ 17-78-20117 «Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли».

who adhered to a new model of managing the national outskirts, taking into account the needs and interests of the local population. The Governor-General considered it necessary to abandon the forcible implantation of Orthodoxy among the local population and the use of the parish school as an instrument of Russification policy, advocating the spread of state secular education, freedom of religion and the use of national languages and writing in teaching the local population.

Keywords: Russian Empire; P. D. Svyatopolk-Mirsky; Vilna Governor General; North-West Region; national borderlands; russification; parish schools; Catholicism; Orthodoxy.

Национальный вопрос был одной из наиболее сложных проблем, с которыми столкнулась Российская империя на рубеже XIX–XX вв. Политика русификации, активно проводившаяся имперскими властями на северо-западных окраинах страны преимущественно административно-полицейскими методами, не приносила ощутимых положительных результатов, вызывая недовольство и сопротивление местного населения, что грозило дестабилизацией ситуации в регионе. Особенно болезненно местным польским, литовским и белорусским населением воспринимались ограничения в религиозной сфере и попытки насильственного насаждения православия в крае посредством расширения сети церковно-приходских школ, против чего активно выступала местная католическая церковь.

Северо-Западный край Российской империи, традиционно включавший в себя Виленскую, Ковенскую, Гродненскую, Минскую, Могилевскую и Витебскую губернии², являлся регионом, где происходила «встреча» различных культурных типов и сообществ, управление которыми требовало от имперских властей высокого уровня профессионализма и гибкости. В данном регионе, населенном белорусами, литовцами, поляками, евреями и русскими, происходило столкновение не только этнических, но и конфессиональных интересов, что делало церковно-религиозную проблематику одним из важнейших аспектов деятельности местных властей. Помимо общей сложности управления данной окраиной, имперская администрация здесь сталкивалась с серьезным внешним вызовом в лице польского влияния, мощного в ма-

² К началу XX в. понятие «Северо-Западный край» включало в себя губернии, входящие в состав Виленского генерал-губернаторства: Виленскую, Ковенскую и Гродненскую. В данном значении это понятие используется и в настоящей статье.

териальном и культурном плане, представлявшего собой фактически альтернативный ассимиляционный проект, угрожавший российскому господству в регионе.

Общие процессы социальной и национальной мобилизации, происходившие в этот период не только на окраинах Российской империи, но и во многих странах Центральной и Восточной Европы, выразившиеся в активном нациостроительстве, являлись наиболее серьезным вызовом самой модели имперской государственности. Ответом на данные вызовы стал комплекс процессов и правительственных мер, направленных на унификацию регионального административного устройства Российской империи, образовательной сферы, государственного правового поля, распространение русского государственного языка, аккумуляцию инородческого населения национальных окраин и его ограждение от внешних ассимиляционных устремлений, объединяемых под общим условным наименованием «политика русификации» национальных окраин.

Представители имперской администрации и общественной мысли вполне осознавали невозможность «превращения» инородцев в русских, указывая лишь на необходимость унификации национальных окраин в административном и правовом отношениях, распространения государственного языка в официальной и публичной сферах, а также защиты населения окраин от внешних ассимиляторских воздействий, наиболее опасным из которых рассматривалась колонизация белорусского и литовского населения северо-западных окраин Российской империи.

Об усилении польского влияния в регионе, считавшемся «исконно русским», начиная с рубежа 1850–1860-х гг. неоднократно говорили и писали многие представители русской политической элиты и ответственности [1, с. 433–436; 2, л. 1–23]. Деполонизаторская политика имперских властей трактовалась ее инициаторами и проводниками как освобождение региона, признаваемого «исконно русским», от инородного господства. Таким образом, правительственные меры по русификации западных окраин являлись во многом лишь составной частью политики «деполонизации» края, на реализацию которой были направлены основные усилия имперских властей на всем протяжении второй половины XIX в.

В рамках данной политики правительство было готово поддерживать становление и развитие недоминирующих окраинных идентично-

стей, не имевших глубоких культурно-исторических традиций, которые расценивались как лояльные и управляемые союзники в борьбе с «полонизмом», рассчитывая на их русификацию в будущем. В частности, следует согласиться с мнением о том, что лояльность имперских властей в отношении формировавшейся в Северо-Западном крае новой литовской идентичности была обусловлена именно борьбой с польским влиянием [3, с. 92–93]. Имперские власти считали «литвинизм» менее опасным и более управляемым явлением, нежели «полонизм», опиравшийся на мощную культурную традицию, не сформировавшуюся к тому времени у литовцев, что обусловило переход части имперской бюрократии на позицию поддержки региональных идентичностей в противовес польскому господству [4, р. 96–114].

Важнейшим элементом русской идентичности, которая должна была укрепляться на западных окраинах России, вытесняя польское влияние, по мнению сторонников политики русификации, являлось православное вероисповедание, принадлежность к которому рассматривалась в качестве одного из основных маркеров «русскости». В силу этого в осуществлении имперской политики в отношении северо-западной окраины заметную роль должна была играть православная церковь, о необходимости поддержки и тесного сотрудничества с которой единодушно говорили и писали представители всех уровней имперской администрации. Так, один из главных «архитекторов» русификаторской политики в регионе граф М. Н. Муравьев-Виленский прямо заявлял, что «без содействия православного духовенства мы не можем надеяться на прочное водворение русской народности в крае» [5, с. 307]. Однако следует указать на то, что российские власти не ограничивались простой поддержкой православной церкви на западной окраине, усматривая в православном вероисповедании важнейший инструмент аккультурации местного населения, освобождающегося от польского влияния, прочно связываемого с католицизмом.

В первые годы после подавления Январского восстания администрация Виленского генерал-губернаторства проводила политику «форсированного» обрусения местного, преимущественно белорусского населения, путем его массового обращения в православие, которое, согласно официальной доктрине, рассматривалось как «возвращение» подвергнутых насильственной католизации русских жителей в лоно православной церкви. Русификаторами был выдвинут решительный лозунг: «Католицизм должен быть отброшен за Неман!»

Православизация велась посредством широкого применения административных методов и прямого материального стимулирования: бесплатных раздач казенных земель, денежных пожалований, освобождений от рекрутской повинности и других стимулов [6, с. 42]. Такое «обрусение» было весьма непрочным, что подтверждал последующий возврат новообращенных православных обратно в католицизм, противодействовать которому православные священники были не в состоянии и, зачастую, отказывались, мотивируя это тем, что, поскольку обращение проходило бюрократическим путем, то и удержание неопитов в новой вере есть задача светских, а не религиозных властей [7, с. 5].

Важнейшим рычагом аккультурации региональных этнических групп со стороны имперских властей являлась образовательная система, при помощи которой распространялись государственный язык и комплекс социально-политических представлений, необходимых для большей инкорпорации инородных социумов в рамки единого государственного пространства. В этом смысле не были исключением и западные окраины Российской империи, обрусение которых должно было осуществляться также посредством «правильно поставленного» школьного дела, имевшего здесь политическое значение. Превращение школы в эффективный инструмент русификаторской политики, по мнению целого ряда как центральных, так и региональных государственных деятелей, должно было проходить в том числе путем передачи начального образования в руки православного духовенства. Активным сторонником данной идеи был М. Н. Муравьев-Виленский, в особом циркуляре запрещавший кому-либо, кроме православного духовенства, заниматься обучением крестьян без предварительного получения на то дозволения училищного начальства [8, л. 2 об.]. Виленский генерал-губернатор неоднократно указывал на более важное значение начального образования в Северо-Западном крае, которое он предлагал передать в руки православного духовенства, в отличие от гимназий, являвшихся рассадниками антирусских настроений, в силу чего их количество предлагалось существенно сократить [9, с. 189–191].

Характеризуя деятельность имперских властей в образовательной сфере Северо-Западного края в последние десятилетия XIX в., следует указать на ряд общих тенденций в ее реализации, которые вызывали недовольство и противодействие местного населения.

В первую очередь это ярко выраженная религиозная окраска начального образования, которое в большинстве случаев передавалось

в руки православных священников вне зависимости от их знаний и педагогических способностей. Такая «церковно-приходская русификация» способствовала формированию устойчивого представления о начальной школе как рычаге распространения православного вероучения, что должно было неизбежно оттолкнуть от нее местных католиков и спровоцировать расширение нелегального обучения.

Помимо этого, власть ориентировалась на повышение количественных показателей в ущерб качеству образования, стремясь к увеличению численности начальных школ, обучение в которых проводилось при помощи традиционных образовательных приемов и методов, доступных педагогическому составу, в большинстве своем состоявшему из православных священников. Использование более современных, секулярных, практико-ориентированных методов обучения в этих школах было невозможно. Низкий уровень образования в народных школах впоследствии станет одной из главных причин оттока из них местного населения, многие представители которого стремились к получению более углубленных и практически необходимых знаний.

Российские власти стремились придать образованию политическое значение, ориентируя его на укрепления в крае русских начал, используя для этого не мирно-ассимиляционные, а в первую очередь репрессивно-запретительные методы, что имело значительный кумулятивный эффект, делая образовательную сферу областью острой культурной конфронтации.

Чувствуя поддержку верховных властей, православное духовенство Северо-Западного края настаивало на использовании «наступательных» методов обрусения региона, одним из которых должно было стать введение всеобщего обязательного обучения в церковно-приходских школах [7, с. 18].

Особое внимание уделялось увеличению численности обучающихся в них лиц неправославного вероисповедания, что трактовалось как явный успех русификаторской политики и признак «преодоления предвзятой обособленности католического населения» [10, л. 51]. По настоянию местного церковного руководства, поддерживаемого на высшем уровне К. П. Победоносцевым, в конце XIX в. в регионах с преобладанием неправославного населения численность церковно-приходских школ росла более быстрыми темпами, нежели школ, находившихся в ведомстве Министерства народного просвещения. Так, в Виленском учебном округе с 1894 по 1901 г. было открыто

592 церковно-приходские школы, в то время как министерских школ было учреждено всего 269 [11, с. 5].

Усилия имперских властей по расширению сети церковно-приходских школ, а также репрессивная политика в отношении национального образования вели к росту недовольства среди польского, литовского и, отчасти, белорусского населения края и активному сопротивлению политике «церковно-приходской русификации» со стороны католического духовенства.

Межконфессиональная напряженность в Северо-Западном крае резко обострилась после выхода циркуляра виленского католического епископа С. Зверовича от 12 февраля 1902 г., в котором всему римско-католическому духовенству предписывалось всеми возможными способами противодействовать посещению православных церковно-приходских школ детьми католиков. Епископ указывал на то, что данные школы являются не образовательными, а «чисто религиозными» учреждениями, в которых осуществляется не обучение детей, а православная агитация. С. Зверович писал: «Церковно-приходские школы и школы грамоты, заведенные православным духовенством там, где, пожалуй, нет ни одной православной семьи, либо угрожают, либо сбыточными и несбыточными обещаниями принуждают и заманивают к себе католических детей, глумятся над их католическим вероисповеданием и в не знающих начальных истин своей веры мальчиков и девочек впаивают начала и правила православия» [12, с. 468]. В связи с этим епископ открыто призывал католиков отказаться от посещения православных школ, а католическому духовенству предписывал не давать на исповеди отпущения грехов как детям, обучающимся в этих школах, так и родителям и опекунам, посылающим их туда [12, с. 469].

Влияние циркуляра С. Зверовича, поддержанного подавляющим большинством католического духовенства, на местное население было огромным. Начался массовый отток учащихся-католиков из церковно-приходских школ. Так, например, после выхода циркуляра из 497 католиков, учившихся в церковно-приходских школах Белостокского уезда, осталось только 19 [13, с. 95]. Многие церковно-приходские школы Гродненской и Виленской губерний были вообще закрыты из-за полного выбытия учащихся. Отчеты местных властей повсеместно фиксировали тот факт, что католические семьи под влиянием проповедей ксендзов и страха перед угрозой отказа отпущения грехов на исповеди предпочитали оставлять своих детей неграмотными, нежели посылать

в церковно-приходские школы, посещение которых трактовалось как отступление от католической веры [14, л. 2 об.].

Следует отметить, что многие представители имперской власти осознавали, что данное обострение межконфессиональной ситуации в регионе было вызвано не столько «своеволием» католического епископа, сколько грубостью и непродуманностью действий по насильственному насаждению православия и ущемлению католической веры, которой придерживалась большая часть населения края. Все это делало политику властей крайне непоследовательной. Если первоначально С. Зверович «за произвольное распоряжение, выходящее из пределов предоставленной ему законом власти и нарушающее права родителей и опекунов» был снят с должности виленского епископа и отправлен в ссылку в Тверь, то уже спустя несколько месяцев он был возвращен оттуда и назначен сандомирским епископом [15, с. 73]. Отдавая это распоряжение, министр внутренних дел В. К. Плеве подчеркнул, что епископ «стал жертвой ошибочной политики местных властей, которые активно распространяли православие среди католиков» [16, с. 65]. 1 апреля 1902 г. вышло новое «Положение о церковных школах ведомства Православного исповедания», в котором указывалось на то, что «церковные школы предназначаются для лиц православного исповедания», неправославные же дети могут приниматься в школы не иначе, чем по согласию их родителей или опекунов [17, с. 208].

Наиболее передовые и дальновидные представители имперской администрации осознавали необходимость отказа от использования православия в качестве инструмента русификации западных окраин, понимая, что любое наступление на сферу вероисповедания будет вызывать резкое недовольство и сопротивление местного неправославного населения и дестабилизировать ситуацию в регионе.

Данной позиции придерживался и князь П. Д. Святополк-Мирский, назначенный на пост виленского генерал-губернатора 15 сентября 1902 г. Для деятельности П. Д. Святополк-Мирского на этом посту характерен поиск новых моделей регулирования межэтнических отношений и управленческих практик, альтернативных сложившейся концепции бюрократического национализма, реализуемой в начале XX в. во многом инерционно, без учета существенно трансформировавшейся реальности. Жесткая и прямолинейная политика русификации, реализуемая с использованием преимущественно репрессивно-ограничительных мер, по его мнению, не могла дать положительного

эффекта в реализации «русского дела» в Северо-Западном крае, сторонником которого князь, безусловно, являлся. Особенно болезненными были последствия данной политики в религиозно-просветительской сфере, где правительственные запреты затрагивали религиозные и нарождавшиеся у литовского и белорусского народов национальные чувства. П. Д. Святополк-Мирский был сторонником политики веротерпимости, неоднократно подчеркивая, что любые репрессивные меры в религиозной сфере, не достигая поставленной цели, лишь усиливают антирусские и антиправославные настроения, давая в руки враждебных русскому делу клерикалов неоспоримые козыри [18, л. 16, 17 об.].

Генерал-губернатор считал нецелесообразным преследование католического духовенства в целом, указывая на необходимость сотрудничества с его лояльными представителями. По его распоряжению начинают отменяться мелочные и раздражающие католическое население запреты и ограничения, касающиеся католического богослужения, функционирования костелов, деятельности ксендзов. Глава края не противодействовал инициативам местного населения по сбору средств на восстановление и расширение католических костелов и часовен, что существенно ограничивалось в предшествующий период. На смену идеологии конфронтации, по замыслу князя, должны были прийти мотивации прагматического характера, связанные с необходимостью «мягкой» аккультурации местного населения. Так, в частности, он считал несправедливым и дискриминационным факт отсутствия материального вознаграждения католических ксендзов, ведущих преподавательскую деятельность в народных школах, вследствие чего многие преподавательские места были вакантны или замещались православными священниками, у которых дети из католических семей не желали учиться Закону Божьему. В результате соответствующего запроса генерал-губернатора к министру народного просвещения в январе 1904 г. католические священники, преподававшие в народных школах, стали получать жалованье, что привело к ликвидации вакантных учительских мест [13, с. 99].

Безусловно, генерал-губернатор в силу самого характера своей должности не мог не поддерживать православную церковь края, значимую роль которой в реализации «русского дела» признавал. Он неоднократно выступал с инициативой сооружения новых и реставрации древних православных храмов, многие из которых из-за скудного финансирования находились в чрезвычайно запущенном состоянии,

признавая их высокое культурное значение для местного (особенно белорусского) населения. Так, в частности, П. Д. Святополк-Мирский во время своего доклада императору Николаю II ходатайствовал об ассигновании средств на реконструкцию Коложской церкви в Гродно – одной из древнейших и уникальных в архитектурно-художественном отношении православных святынь региона. Несмотря на то, что царь выразил намерение отпустить необходимые на реставрационные работы семьдесят тысяч рублей, средства эти так и не были получены [19, л. 61 об.].

Однако забота о православных храмах не мешала генерал-губернатору подвергать критике нетерпимость и «боевые» приемы ряда православных священников северо-западных губерний, а также указывать на недопустимость их вмешательства в сферу политического управления регионом. Данная позиция привела к конфликту между генерал-губернатором и литовским и виленским архиепископом Ювенолием, священником «строного типа», властным администратором и сторонником широкого насаждения православия среди иноверцев путем расширения православных приходов и сети церковно-приходских школ [17, с. 334–338].

Поводом к конфликту стала статья «Смелость ксендзов», опубликованная в газете «Литовские епархиальные ведомости» летом 1903 г., в которой политика конфессионального примирения, проводимая П. Д. Святополк-Мирским, была подвергнута резкой критике со стороны местного православного духовенства. После многочисленных примеров «послаблений» в пользу католического духовенства автор статьи патетически обращался к памяти генерал-губернатора М. Н. Муравьева: «Великий муж земли русской, верный слуга царский, истинно русский благородный человек, граф Михаил Николаевич Муравьев! Встань из гроба, встань и посмотри, так ли вершатся дела гениального ума твоего в Северо-Западном крае, во славу ли и в пользу ли отечества они направляются? Не сбиваемся ли мы с пути, твоим гением, твоей благородной душой проложенного?» [20, с. 222–223].

Эти обвинения сильно задели генерал-губернатора, не только осознававшего несправедливость высказываемых нападок, но и почувствовавшего ущемление своих властных полномочий. Несмотря на то, что позицию православной газеты, исходящую непосредственно от архиепископа Ювенолия, поддержал всесильный обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев, П. Д. Святополк-Мирскому в данном противо-

стоянии удалось одержать победу. Редакторский состав газеты был сменен, новому редактору было сделано строгое внушение о недопустимости подобных высказываний в будущем [6, с. 176–177].

Столь же сдержанной позиции П. Д. Святополк-Мирский придерживался и в отношении русификаторских возможностей церковно-приходского обучения, на которое делали ставку местные православные иерархи. Генерал-губернатор настаивал на исключительно добровольном характере поступления детей неправославного вероисповедания в церковно-приходские школы, которые должны были предназначаться в первую очередь для православного населения Северо-Западного края, а не использоваться для насаждения православной веры. Кроме этого, он считал совершенно недопустимым подвергать взысканиям лиц римско-католического вероисповедания «за недружелюбное отношение к православной церковной школе как в видах справедливости, так равно в видах политического такта» [18, л. 23].

Необходимо отметить, что П. Д. Святополк-Мирский вообще весьма скептически относился к возможностям православной церкви в образовательно-просветительском деле. Он открыто указывал на то, что «церковную школу следует признать ниже министерской», поскольку ведомство православного вероисповедания в погоне за количественным ростом уделяло крайне мало внимания качественному совершенствованию образования в церковно-приходских школах. Главным инструментом приобщения местного населения к русской культуре и политической традиции, по мнению генерал-губернатора, должна была стать гражданская школа, противодействие поступлению в которую должно было пресекаться со всей строгостью, как противодействие «правительственной системе» [18, л. 23 об.].

Для нормализации ситуации в сфере начального народного образования в Северо-Западном крае П. Д. Святополк-Мирский предлагал разрешать вопросы об открытии того или иного типа школ в особых коллегиальных органах, заседавших под председательством губернаторов и включавших в себя представителей заинтересованных ведомств, губернских и уездных предводителей дворянства, а также земских начальников. При возникновении разногласий окончательное решение должно быть предоставлено генерал-губернатору.

Многочисленные распоряжения в отношении начальных образовательных учреждений, компромиссная, примирительная позиция, занятая генерал-губернатором в конфессиональном вопросе, утвержде-

ние приоритета правительственной власти в его лице при разрешении спорных моментов позволили несколько снизить накал страстей, внося в данный вопрос «значительное спокойствие и обеспечить его правомерное развитие». С 1904 г. расширение сети церковно-приходских школ в Северо-Западном крае продолжалось только в губерниях с преимущественно белорусским населением – Витебской, Минской и Могилевской, в то время как в Виленской, Ковенской и Гродненской губерниях росла численность исключительно начальных школ Министерства народного просвещения [15, с. 74].

П. Д. Святополк-Мирского можно отнести к складывавшейся в конце XIX – начале XX в. группе имперских государственных деятелей, которые, не отрицая необходимости русификации северо-западных окраин империи, тем не менее, стремились продемонстрировать на практике более высокую эффективность смягчения правительственной политики, особенно в религиозной, образовательной и языковой сферах.

За довольно короткий срок пребывания в должности виленского генерал-губернатора (менее двух лет) П. Д. Святополк-Мирский сумел не только разобраться в сложном комплексе местных проблем и выработать собственную компромиссную концепцию управления краем, учитывавшую и интересы имперского центра, и потребности местных жителей, но и снискать себе любовь и доверие последних, что, учитывая специфический состав населения региона, было весьма непросто. Благодаря его инициативам и твердой позиции многие наиболее ограничительные и репрессивные меры в области вероисповедания и народного образования были отменены, а религиозно-идеологическая обстановка в крае существенно нормализовалась. Начавшаяся вскоре революция приведет к дополнительным уступкам со стороны имперских властей и снятию многих ограничительных мер в области народного просвещения и вероисповедания.

К началу XX в. стало очевидно, что концепция «церковно-приходской русификации» Северо-Западного края, на которую делали ставку православные иерархи и многие правительственные чиновники, в целом потерпела неудачу. Рост социальной напряженности в регионе вынудил отказаться от использования церковно-приходских школ и православия вообще в качестве инструментов русификаторской политики. От наступательных планов по «обрусению» региона имперская администрация была вынуждена перейти к политике «оборонительной русификации» и начать взаимодействие с национальными сообществами.

ми, чье влияние все больше укреплялось в Северо-Западном крае Российской империи.

Список использованных источников

1. Докладная записка Виленского генерал-губернатора г. министру внутренних дел о предстоящих дворянских выборах в Минске и предполагаемом ходатайстве дворян о присоединении Минской губернии к Царству Польскому // Архивные материалы муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края: в 2 ч. – Вильно: Губерн. тип., 1913. (Виленский временник. Кн. VI). – Ч. 1. – С. 433–436.
2. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – Ф. 647. Оп. 1. Д. 58. – Записка Заблоцкого, февраль 1862 г.
3. *Миллер, А.* Империя Романовых и национализм / А. Миллер. – М.: Новое лит. обозрение, 2006. – 248 с.
4. *Weeks, T.* Russification and the Lithuanians 1863–1905 / T. Weeks // *Slavic Review*. – 2001. – Vol. 60, № 1.
5. *Муравьев, М. Н.* Записка о некоторых вопросах по устройству Северо-Западного края / М. Н. Муравьев // *Старина и новизна. Исторический сборник*. – СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1898. – Кн. II. – С. 300–312.
6. *Бендин, А. Ю.* Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.) / А. Ю. Бендин. – Минск: БГУ, 2010. – 439 с.
7. *Фудель, И.* Наше дело в Северо-Западном крае / И. Фудель. – М.: Университет. тип., 1893. – 39 с.
8. ГАРФ. – Ф. 811. Оп. 1. Д. 50. – Циркуляр Муравьева М. Н. начальникам губерний Виленской, Гродненской, Ковенской, Могилевской, Минской и Витебской о запрещении преподавания в сельских школах на польском языке, 1 января 1864 г.
9. *Муравьев, М. Н.* Записка о некоторых вопросах по устройству Северо-Западного края 14 мая 1864 года / М. Н. Муравьев // *Русский Архив*. – 1885. – № 6. – С. 186–197.
10. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). – Ф. 1282. Оп. 3. Д. 240. – Отчет о состоянии Гродненской губернии за 1896 г.
11. Однодневная перепись начальных школ в Империи, произведенная 18 января 1911 года. – СПб.: Тип. «Экономия», 1914. – Вып. VIII. – 244 с.
12. Циркуляр № 509 Виленского римско-католического епископа С. Зверовича от 12 февраля 1902 г. // *Римско-католическая церковь в Беларуси (вторая половина XIX – начало XX вв.)* / А. И. Ганчар. – Гродно: ГГАУ, 2010. – 510 с.
13. *Ганчар, А. И.* Римско-католическая церковь в Беларуси (вторая половина XIX – начало XX вв.) / А. И. Ганчар. – Гродно: ГГАУ, 2010. – 510 с.
14. ГАРФ. – Ф. 102. Оп. 101. 3-е делопроизводство. 1903 г. 1 ч. 41 л. А. – Политический обзор по Виленской губернии за 1902 г.

15. Табунов, В. В. Взаимоотношения римско-католического духовенства и церковно-приходских школ на белорусских землях в начале XX столетия / В. В. Табунов // Весн. Мазыр. дзярж. пед. ун-та імя І. П. Шамякіна. – 2007. – № 1. – С. 71–75.

16. Смалянчук, А. Ф. Палякі Беларусі і Літвы ў рэвалюцыі 1905–1907 гг. / А. Ф. Смалянчук. – Гародня: Рагуша, 2000. – 204 с.

17. Новинский, В. Очерк истории православия в Литве / В. Новинский. – Вильнюс: Православ. братство Литвы, 2005. – 562 с.

18. РГИА. – Ф. 560. Оп. 26. Д. 352. – Всеподданнейший отчет Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора за 1902–1903 г.

19. РГИА. – Ф. 560. Оп. 26. Д. 352. Л. 61 об. – Отношение директора департамента Государственного казначейства к директору общей канцелярии Министерства финансов А. И. Путилову относительно Всеподданнейшего отчета Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора за 1902–1903 г.

20. Литовские епархиальные ведомости. – 1903. – № 28–29.

(Дата поступления 18.11.2020).

Синковец А. Ю.

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь

Sinkavets A.

Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

УДК 94(47)“1914/1918”

**«ЭТОТ ЦАРСТВОВАТЬ НЕ БУДЕТ!»: ЦЕСАРЕВИЧ
АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ В СТАВКЕ ВЕРХОВНОГО
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО (1915–1916)**

**«THIS BOY WILL NOT BE A TSAR!»: TSESAREVICH
ALEKSEI NIKOLAEVICH AT THE HEADQUARTER
OF THE SUPREME COMMANDER (1915–1916)**

В статье рассматривается пребывание цесаревича Алексея Николаевича в Ставке Верховного Главнокомандующего (1915–1916 гг.). На основе обобщения широкого круга источников сделана попытка реконструкции светской части повседневной жизни этого органа военного управления России периода Первой мировой войны.

Ключевые слова: Первая мировая война; Ставка; Верховный Главнокомандующий; император Николай II; цесаревич Алексей Николаевич; Могилев.

In the article, the author examines the stay of Tsesarevich Alexei Nikolaevich in the Headquarters of the Supreme Commander (1915–1916). Based on a generalization of a wide range of sources, he made an attempt to reconstruct the secular part of the daily life of this body of military command of Russia during the World War I.

Keywords: World War I; Stavka; Supreme Commander; Emperor Nicholas II; Tsesarevich Alexei Nikolaevich; Mogilev.

30 июля (12 августа по новому стилю) 1904 г. в семье российского императора Николая II и императрицы Александры Федоровны появился долгожданный сын – Алексей Николаевич Романов. Подданные Российской империи были извещены о его рождении специальным манифестом, которым император объявил, что в силу Основных Государственных Законов империи его сыну Алексею со дня рождения принадлежат «высокое звание и титул Наследника Цесаревича со всеми сопряженными с ним правами» [1].

Последовавшие спустя некоторое время революционные события 1905–1907 гг. вынудили Николая II утвердить новую редакцию Основных Государственных Законов, однако в соответствии со статьями 24 и 25 указанной редакции действовавшие ранее постановления «О порядке наследия Престола», «О совершеннолетию Государя Императора», «О вступлении на Престол и присяге подданства», «О священном короновании и миропомазании», «О титуле Его Императорского Величества», «О Государственном Гербе», «О вере», а также «Учреждение о Императорской Фамилии» сохранили силу Основных Законов [2]. Как следствие, правовой статус единственного сына императора вплоть до Первой мировой войны не изменился: Алексей по-прежнему носил титул «Наследника, Цесаревича, Великого Князя и Императорского Высочества» [3, ст. 145], что в дальнейшем определило трагическую судьбу юноши.

Общемировой практикой является стремление правящего монарха наилучшим образом подготовить своих наследников к занятию престола. И здесь, вероятнее всего, нет способа эффективнее, чем личный пример. Поэтому неудивительно, что сын императора Николая II периодически сопровождал его в поездках по стране, находился рядом с ним во время церемониальных и прочих государственных мероприятий. В частности, цесаревич длительное время провел вместе с отцом в Ставке Верховного Главнокомандующего – главном органе военного управления России периода Первой мировой войны.

Отметим, что в начальный период войны Ставка располагалась в м. Барановичи, а Верховным Главнокомандующим был назначен великий князь Николай Николаевич. Местонахождение Ставки в это время тщательно скрывалось, и император Николай II проводил там не так много времени: в среднем несколько суток в месяц. Весной-летом 1915 г. продолжительность императорских визитов увеличилась и могла достигать нескольких недель, что объясняется непростым положением дел на фронтах. Особенностью визитов царя в Барановичи являлось то, что все они проходили без членов его семьи: наследник, императрица и дочери монарха туда не приезжали [4, с. 13].

В августе 1915 г. ситуация изменилась: Ставка была передислоцирована в г. Могилев, и спустя некоторое время император сам вступил в должность Верховного Главнокомандующего. С этого времени цесаревич становится частым гостем в городе над Днепром. Если выполнить временные расчеты исходя из дневниковых записей Николая II, то

можно обнаружить, что император в должности Верховного Главнокомандующего пробыл в могилевской Ставке порядка 332 суток, из них 225 суток – вместе со своим сыном [5].

Помимо воспитательной функции, нахождение цесаревича в Ставке преследовало также пропагандистские цели. Его присутствие вместе с отцом в действующей армии должно было вызвать у подданных восторг и умиление, продемонстрировать силу и стойкость духа правящей династии. Известно, что фотографии членов августейшего российского семейства, посещающих воинов «Великой Европейской войны», тиражировались и затем раздавались рядовым и офицерским чинам, фотографии с наследником не являлись исключением [6, с. 292].

К тому же снимки цесаревича активно печатались в прессе, удовлетворяя «информационный голод» обывателя, поскольку сведения из Ставки подвергались жесткой цензуре, а сообщения о времяпрепровождении наследника были увлекательны и не разглашали военной тайны.

Так, широко освещался в российской печати первый приезд Алексея Николаевича в Ставку, состоявшийся в октябре 1915 г. В частности, об этом писала официальная газета Военного министерства «Русский инвалид», заметка из которой позднее «перекочевала» в другие издания, к примеру, в «Вестник Могилевского Земства» [7, с. 23].

Во время первого визита цесаревича в Ставку вместе с ним и его отцом туда также направились великие князья Павел Александрович и Дмитрий Павлович. Императрица и дочери Николая II приехали проводить родственников на столичный вокзал. Генерал-майор А. И. Спиридович, который отвечал за охрану царя во время поездок, вспоминал, что «Алексей Николаевич, стройный, красивый, в шинели солдатского образца, в защитной фуражке, перетянутый кожаным поясом держался с сестрами важно. Иногда посматривал на свои высокие сапоги. Видимо выезд в Ставку очень льстил Его самолюбию. Ведь Он почти такой же большой, как и Димитрий Павлович. И одеты одинаково, только у того шашка... да шпоры...» [8, с. 193].

Во время нахождения в Могилеве император переезжал из своего поезда в губернаторский дворец, занимая две небольшие комнаты за залом на втором этаже. Первая комната стала его кабинетом, вторая – спальней [9, с. 343]. Наследника разметили в спальне с императором, где для него поставили складную металлическую кровать рядом с кроватью Николая II. Их разделял небольшой столик. На столике и над ним – образки. Также в спальне появился футляр с балалайкой Алексея Нико-

лаевича, а на небольшом шкафу возле стены прибавилось фотографий. В целом после указанных перемен «в большой комнате стало уютнее, теплее» [8, с. 195].

Жизнь в могилевской Ставке отличалась постоянством и носила вполне размеренный ритм и этим, по всей видимости, нравилась императору. Все дни здесь, в принципе, были похожи друг на друга. Это следует из воспоминаний очевидцев и подтверждается дневниковыми записями Николая II, а с 1916 г. – и записями цесаревича Алексея, который, подражая отцу, начал вести свой дневник, куда записывал все произошедшие за день события [10].

Император вставал в 9-м часу утра, затем занимался туалетом и, по совершении утренней молитвы, выходил в столовую к чаю, где его уже ожидала свита. Ближе к 11-ти часам утра он шел в генерал-квартирмейстерскую часть принимать доклад начальника Штаба генерала М. В. Алексеева. Во дворец губернатора император возвращался после 12-ти часов дня. Собственно, этим часовым докладом и ограничивалась его работа на посту Верховного Главнокомандующего [9, с. 343–344; 11, с. 76].

Цесаревич просыпался раньше отца (между 7 и 8 часами утра) и начинал с ним разговаривать. Видя, что отец хочет еще спать, он умолкал и терпеливо дожидался, пока камердинер не входил будить императора [8, с. 195]. После утреннего чая Алексей, как правило, выходил на прогулку в близлежащий сад (в наши дни – это парк имени Горького) [7, с. 23]. Сохранились кинохроника и множество фотографий наследника, играющего в этом саду со своей собакой по кличке Джой. Как следует из переписки между императором Николаем II и императрицей Александрой Федоровной, в 1915 г. они согласовывали возможность демонстрации этих кадров на публичных показах в кинематографах. Сам цесаревич по поводу этой идеи высказался скептически, отметив, что смешно показывать его «выделяющимся пируэты», так как собака «выглядит гораздо умнее его» [12, с. 294].

Прогулки в саду длились около часа, после этого наследник приступал к своим учебным занятиям, которые продолжались до завтрака [7, с. 23]. Ввиду недостатка помещений Алексей Николаевич в свои первые приезды в Ставку занимался в кабинете императора, а затем (с весны 1916 г.) – на небольшой веранде, которую превратили в класс, или в большой палатке в саду (она же служила столовой, где царь обедал в жаркую погоду) [13, с. 102, 114].

Императорские завтраки в Ставке начинались в 12 час. 30 мин., обеды – в 19 час. 30 мин. [9, с. 345]. В указанное время, иногда с опозданием на несколько минут, Николай II, выйдя из своего кабинета, обходил всех приглашенных, со всеми здоровался и затем направлялся в столовую. Там слева от окна стоял открытый ломберный стол, покрытый скатертью, на котором стояли закуски: селедка, редиска, сыр, масло, сардины, кильки, иногда икра, иногда балык или семга, какая-нибудь горячая закуска и водка двух сортов [11, с. 76].

Государь наливал себе и иногда старейшему из князей рюмку водки, выпивал ее и, закусивши чем-нибудь, обращался к своим гостям: «Не угодно ли закусить?» После этого все приближались к столу и каждый брал себе на тарелку то, что ему нравилось, пьющие выпивали при этом водки, и отходили в сторону, чтобы дать место другим. Гофмаршал в это время обходил приглашенных и каждому указывал на карточке место, какое он должен занять за столом. Когда все успевали закусить, царь направлялся к большому столу, занимавшему середину столовой, и, осенив себя крестным знаменем, садился на свое место в центре стола лицом к выходящим во двор окнам, из которых открывался красивый вид на Заднепровье [9, с. 346–347].

В будние дни за столом сидели просторно, обыкновенно было не более 20 человек, по воскресеньям приглашенных было больше, и тогда в столовой усаживалось до 30 человек, в праздники накрывали дополнительный стол в комнате за столовой [11, с. 78]. По другую сторону стола напротив императора всегда сидел министр двора, а если его не было в Ставке, то гофмаршал; справа от царя – генерал М. В. Алексеев, в его отсутствие – старший из князей или министр; слева – наследник (когда его не было – второй по старшинству из приглашенных) [9, с. 347]. Иностранцы были ежедневными гостями как за завтраком, так и за обедом. Они садились всегда на стороне министра двора: генерал Дж. Хэнбери-Уильямс и маркиз де Лагиш по сторонам графа В. Б. Фредерикса, а остальные – через одного. Между ними садились приглашенные чины Штаба [11, с. 78].

По другую сторону стола от наследника всегда сидел бельгийский генерал Луи-Дезире-Юбер де Риккель. Между ними постоянно происходила забавная пикировка. Так, барон Риккель начинал гладить свой большой живот, показывая глазами наследнику: у тебя, мол, такого «благодобробия» нет. Наследник тоже начинал разглаживать свой животик. «Ноп, ноп, ноп» – улыбаясь, отвечал Риккель. Алексей Никола-

евич начинал крутить пальцами около носа, где должны бы быть усы. «Non, non, non!» – опять слышалась тихая октава Риккеля. Наследник побежден, но не хочет сдаться. Посидев минуты две спокойно, он начал крутить у себя надо лбом волосы и, предвкушая победу, упорно смотрел на Риккеля. Последний пробовал копировать наследника, но ничего не выходило, так как череп генерала Риккеля был голый, без волос. Риккель побежден... И наследник кричит: «Non, non, non!» [9, с. 364].

Особенно цесаревич любил, когда его соседом по столу был великий князь Георгий Михайлович, с которым он часто шалил. Офицеры Ставки, присутствовавшие на императорских завтраках, рассказывали, что наследник сыпал Георгию Михайловичу соль в сладкое, мазал ему нос маслом и «вообще вести себя не умеет», при этом «все, конечно, очень рады его шалостям, все пресмыкаются, а царь останавливает недостаточно твердо» [14, с. 115].

Доставалось от шалостей цесаревича и другим его родственникам. Однажды во время обеда с большим числом приглашенных наследник вбежал в столовую, держа руки позади, и стал за стулом Сергея Михайловича. Последний продолжал есть, не подозревая о грозящей ему опасности. Вдруг наследник поднял руки, в которых оказалась половина арбуза без мякоти, и этот сосуд быстро нахлобучил на голову великого князя. По лицу последнего потекла оставшаяся в арбузе жидкость, а стенки его так плотно пристали к голове, что великий князь с трудом освободился от непрощенной шапки. Как ни крепились присутствующие, многие не удержались от смеха. Государь еле сдерживался. Проказник же быстро исчез из столовой [9, с. 362].

При этом Алексей Николаевич не был глупым ребенком, каковым его зачастую пытались выставить противники российской монархии. Так, по словам английского представителя в Ставке сэра Дж. Хэнбери-Уильямса, наследник имел прекрасные манеры и хорошо разговаривал на нескольких языках. «По прошествии некоторого времени, когда первоначальная застенчивость прошла, Цесаревич стал держаться с нами, как со старыми приятелями. Его манера здороваться с каждым из нас вносила в нашу жизнь струю веселья. У меня он обязательно проверял, чтобы пальто было наглухо застегнуто – привычка, побудившая меня пропускать одну-две пуговицы. При виде такой неисправности Цесаревич сразу останавливал меня, выговаривал, что я “опять неаккуратен”, вздыхал от моей небрежности к деталям и тщательно застегивал мне пальто», – вспоминал генерал [15, с. 202].

Завтрак продолжался обычно около часа. Под конец приема пищи наследник начинал игру в разбойники. Для этой игры у него всегда в боковом кармане имелись красные и белые спички, которые он раскладывал на столе. Красные означали разбойников, белые – мирных граждан [9, с. 362].

После завтрака император вставал и переходил в зал, все присутствовавшие следовали туда же. Там Николай II, не торопясь, обходил всех по очереди и, прощаясь, обращался с несколькими словами, с некоторыми из присутствовавших он разговаривал довольно долго. Затем он направлялся к двери в кабинет, кланялся всем и уходил [11, с. 78].

В то время, когда Николай II обходил гостей, наследник обыкновенно возился с генералом Риккелем, часто обращаясь с ним совсем бесцеремонно: толкая его коленом в живот, плечом в бок и т. п. Иногда залезал под рояль и оттуда хватал генерала за ногу. Другим «любимцем» цесаревича был японский военный атташе [9, с. 363].

После завтрака следовал получасовой перерыв. В три часа подавался автомобиль, и император с наследником в сопровождении четырех-пяти лиц свиты отправлялись на прогулку [11, с. 78]. Уезжали за город и, выбрав хорошее место, прогуливались пешком, играли в подвижные игры, катались на лодке. У берега реки разводили костер, строили печку, жарили картошку [8, с. 195]. Обратного возвращались около 5 часов вечера [11, с. 79].

После прогулки подавался чай, а потом наследник, расположившись за своим столиком в кабинете императора, готовил уроки к следующему дню, иногда поглядывая на занимавшегося за своим столом отца. Обедал наследник в 7 часов отдельно с П. Жильяром. В разговоре как бы подводился итог минувшего дня. Перед тем, как ложиться спать, Алексей Николаевич молился, громко читая все молитвы. Государь иногда поправлял его, когда он слишком быстро произносил молитву. Попрошавшись с сыном, император уходил вновь работать в кабинет, в спальне тушился свет, оставалось лишь мерцание лампадки перед образом [8, с. 195–196].

Пребывание цесаревича в Ставке можно хронологически разделить на два периода, во время которых он постоянно находился в г. Могилеве, за исключением кратковременных (на срок не более двух недель) отлучек, связанных либо с поездками императора в действующую армию, либо для встречи с родными. По мистическому совпадению каждый из этих периодов начинался накануне какого-либо значимого для царской семьи праздника, а оканчивался почти что бегством.

Первый период приходится на октябрь-декабрь 1915 г. Наследник прибыл в Ставку накануне своего Дня ангела, который 5 октября широко праздновали в Штабе Верховного Главнокомандующего: была отслужена обедня, к царскому завтраку пригласили порядка 50 человек, после завтрака царь с наследником и свитой катался на лодке по Днепру. День был чудный. Настроение наследника – самое именинное. Он получил все предназначавшиеся ему от семьи подарки и больше всего был рад перочинному ножу, который даже спрятал на ночь под подушку [8, с. 194–195].

11 октября император с наследником и свитой выехали из Могилева для осмотра войск Юго-Западного фронта и вернулись в Ставку 15 октября [5, с. 158–159]. Спустя несколько дней, 17 октября, в жизни цесаревича произошло одно из самых памятных для него событий. Император взял его в Штаб и при генерале М. В. Алексееве объявил, что награждает медалью на Георгиевской ленте за посещение войск фронта, после чего навесил эту медаль сыну на грудь. Восторгу наследника не было предела. Все его поздравляли и называли георгиевским кавалером. Позднее генерал Н. И. Иванов обратился к царю с телеграммой, в которой ходатайствовал о награждении цесаревича серебряной медалью на Георгиевской ленте 4-й степени, но это уже было официальным оформлением состоявшегося пожалования [8, с. 203].

Как известно, наследник страдал гематологическим заболеванием. Гемофилия распространилась по правящим династиям Европы от английской королевы Виктории, у которой, очевидно, произошла генная мутация. Дочь королевы, Алиса, была кондуктором заболевания. Она вышла замуж за Людвига Гессенского. В свою очередь их дочь Алиса-Виктория (Александра Федоровна) принесла в российский царственный дом этот ген вырождения.

Клиническое течение заболевания Алексея Николаевича имело типичные симптомы классической гемофилии А (наследственное нарушение свертывания крови, обусловленное генетическим дефицитом или молекулярной аномалией прокоагулянта фактора VII) с преобладанием кровоизлияний в крупные суставы конечностей, образованием глубоких подкожных, межмышечных и внутримышечных гематом, обильными и длительными кровотечениями при легких ссадинах, порезах и ушибах, макрогематурией почечного происхождения, носовыми и редкими, но тяжелыми и опасными, желудочно-кишечными кровотечениями. Научных знаний о гемофилии в начале XX в. было явно

недостаточно. Незнание природы заболевания не позволяло достичь в лечении цесаревича даже минимальных положительных результатов, при том что его личным врачом с октября 1912 г. являлся доктор медицины, приват-доцент Петербургской Военно-медицинской академии В. Н. Деревенко. В необходимых случаях в уходе за Алексеем Николаевичем участвовали лейб-медик, терапевт Е. С. Боткин и лейб-педиатр К. А. Раухфус [16, с. 99–100].

Кроме того, в лечении цесаревича постоянное участие принимал профессор С. П. Федоров, который являлся почетным лейб-хирургом и при любом обострении заболевания вызывался для консультаций. Также он наблюдал наследника в Ставке, так как сопровождал императора во всех поездках после того, как тот взял на себя Верховное командование [13, с. 108].

3 декабря 1915 г. император с наследником выехал из Могилева чтобы посетить гвардию [5, с. 170]. Эта поездка едва не стоила Алексею Николаевичу жизни, так как еще накануне он простудился, подхватил сильный насморк и от сильного чиханья у него началось кровотечение, продолжавшееся с перерывами весь день. Это случилось уже в поезде. Лейб-хирург С. П. Федоров признал положение опасным и вечером посоветовал императору вернуться в Ставку. Императорский поезд повернул обратно. 4 октября утром приехали в Могилев. Наследник был очень ослаб. С. П. Федоров доложил царю, что считает необходимым немедленно везти больного в Царское Село [8, с. 230]. Николай II прислушался к нему, и на этом первый период пребывания цесаревича в Ставке завершился: 5 декабря он вместе с императором уже был дома [5, с. 171].

Там ему предстояло дальнейшее лечение, в том числе с участием Г. Е. Распутина-Новых, «старца», которому императрица Александра Федоровна приписывала сверхъестественную способность останавливать у цесаревича кровотечение, хотя до сих пор ни одного достоверно задокументированного факта, доказывающего, что ему это удавалось, обнаружить так не удалось. Более вероятно, что при помощи гипноза Г. Е. Распутин-Новых снимал болевые ощущения и стресс у Алексея Николаевича, чем способствовал самопроизвольному прекращению у больного геморрагии. На сегодняшний день медикам известно, что у больных гемофилией состояние эмоционального стресса усиливает кровотечение. Кроме того, он поил наследника снадобьями из сибирских и китайских трав, которыми его снабжал известный тибетский

врач Д. Бадмаев. Эти средства фитотерапии содержали витамины К, С, а также рутин и, вероятно, другие компоненты, укрепляющие стенки сосудов и повышающие свертываемость крови [16, с. 101].

Второй период пребывания наследника в Ставке начался 5 мая 1916 г., когда он прибыл в Могилев накануне дня рождения своего отца, и с незначительными перерывами продлился до конца декабря 1916 г. [5, с. 227–271].

П. Жильяр, один из учителей цесаревича, отмечал, что возвращение в Ставку вредило его ученику. «Из-за поездки в Могилев нам пришлось прервать регулярные занятия с Алексеем Николаевичем. Да и на здоровье она сказалась не самым лучшим образом. Впечатлений было слишком много для его эмоциональной натуры. Он стал нервным, раздражительным, и абсолютно не мог сосредоточиться на занятиях», – вспоминал педагог. – «Мое положение становилось все более трудным, и в двух или трех случаях мне пришлось проявить жесткость по отношению к мальчику» [13, с. 115].

Император и императрица опасений П. Жильяра не разделяли. Николай II апеллировал к тому, что «отрицательные моменты в какой-то степени компенсируются тем, что мальчик становится более раскованным и смелым», а «ужасы, которые он видел во время этой поездки, на всю жизнь внушат ему отвращение к войне» [13, с. 115]. Александра Федоровна также считала, что «лучше временно пожертвовать образованием сына (и даже подвергнуть риску его здоровье!), чем лишать его того положительного, что он приобрел, живя в Могилеве» [13, с. 116]. Под «положительным» она, по всей видимости, понимала психологическое раскрепощение, социализацию и подготовку Алексея Николаевича к исполнению обязанностей монарха.

25 мая 1916 г. Алексей Николаевич был произведен в ефрейторы [10, с. 133]. Он чувствовал себя не совсем хорошо, поэтому в конце июня начался курс лечения его грязями [8, с. 329]. Тем не менее насыщенная жизнь цесаревича в Ставке продолжалась. Почти ежедневно летом он производил «военные учения» со своей «ротой», составленной из местных гимназистов его возраста, которые в назначенный час выстраивались в саду и, когда приходил наследник, встречали его по-военному, а затем маршировали перед ним. По утрам перед выходом императора к утреннему чаю цесаревич становился с ружьем «на часах» у входа в палатку, отдавал по-военному честь входившему отцу и оставался на часах, пока тот пил чай. При выходе Николая II из палатки он

снова отдавал честь и уже после этого снимался с «часов». После завтрака наследник любил шалить у фонтана, направляя ладонью струю на кого-либо из присутствующих, а иногда и на самого императора [9, с. 363].

Каждую субботу ко всенощной и по воскресеньям к обедне император отправлялся в штабную церковь. Он входил в левую боковую дверь и проходил прямо на левый клирос, где молился до самого конца службы. Клирос был отделен от церкви широкой колонной, так что другим молящимся царь не был виден [11, с. 79]. Часто императора сопровождал цесаревич, у которого в церкви неожиданно появилось несколько «друзей».

Так, в алтаре штабной церкви прислуживал гимназист Шура Котович, который чем-то приглянулся Алексею Николаевичу. Между ними завязалось знакомство без представления и слов. Стоя на клиросе, Алексей Николаевич делал разные знаки находившемуся в алтаре Шуру, на которые последний, понимая свое положение, отвечал лишь почтительным смущением. Кроме того, во время воскресных и праздничных служб в церкви прислуживал денщик по имени Иван, которого наследник также не упускал случая затронуть. Чаще всего в ход пускалась мимика: подмигиванье и гримасы. Государь часто замечал это и одергивал проказника. Когда же Иван по поручению ктитора производил в церкви сбор и с блюдом подходил к императору и цесаревичу, последний заставлял Ивана долго простоять около него: он клал на тарелку серебряный рубль, но как только Иван собирался отойти, он снимал с тарелки свою монету; Иван останавливался, наследник опять клал на блюдо рубль и снова снимал его, как только Иван обнаруживал намерение двинуться дальше и т. д. Обыкновенно вмешательство царя прекращало эту «игру». При этом отметим, что поведение Алексея Николаевича ни в коем случае не было злым. Скорее ему не хватало общения. Во всяком случае, он откуда-то знал имена этих мальчишек и всегда интересовался, как у них идут дела [9, с. 364–366].

Выше упоминалось, что цесаревич брал с собой в Могилев свою собаку – кокер-спаниеля по кличке Джой. Благодаря дворцовому коменданту В. В. Воейкову в Ставке у него появился еще и кот. Однажды в разговоре о животных генерал, который проводил много времени с наследником, рассказал Алексею Николаевичу об имевшейся у него в имении породе кошек, представлявших собой «помесь куницы с домашней кошкой и напоминавших сиамских» (вероятно, В. В. Воейков

не захотел рассказывать впечатлительному мальчику, что когти у кота удалены, чтобы зверек не мог оцарапать хозяина, поэтому выдумал такую породу). Наследник попросил привезти ему такую кошку. Получив кота, мальчик пришел в восторг и впоследствии почти не расстался с новым приятелем [17, с. 186]. Судя по дневнику цесаревича, коту дали кличку Котька [10, с. 169].

Кроме военных игр, шалостей и домашних животных, у цесаревича в Ставке было еще одно любимое развлечение – кинематограф. Генерал П. К. Кондзеровский вспоминал, что для Ставки удалось получить очень интересную и прекрасно поставленную детективную пьесу «Тайны Нью-Йорка», которой наследник страшно заинтересовался. Фильмы обыкновенно получали накануне показа – в субботу, а в воскресенье за завтраком Алексей Николаевич уже атаковывал его расспросами: получили ли «Тайны Нью Йорка», как называются эпизоды и т. п. Генерал обыкновенно писал на меню завтрака название эпизодов и передавал цесаревичу, который сейчас же восторженно делился с сестрами, если они были в Ставке, или же с императором. К большому огорчению наследника, после представления большей половины пьесы присылка дальнейших эпизодов прекратилась из-за затруднений в доставке морем через Архангельск. Только через большой промежуток времени и после многих хлопот ее стали вновь присылать, но Алексея Николаевича в Могилеве уже не было [11, с. 94–95].

Ставка Верховного Главнокомандующего сыграла в жизни цесаревича роковую роль. Его родители хотели, чтобы в Могилеве он нашел себе новых друзей, но именно эти друзья в дальнейшем сыграли важную роль в судьбе венценосной семьи.

Отъезд императора и наследника из Могилева в декабре 1916 г. был таким же стремительным, как и годом ранее: получив известие о смерти Г. Е. Распутина-Новых, они сразу направились в Царское Село. Больше у Алексея Николаевича уже не получилось приехать в Ставку, так как в феврале 1917 г. он тяжело заболел корью, заразившись от одного кадета, дружба с которым завязалась у наследника еще в Могилеве. В кадетском корпусе в Петрограде была эпидемия, но мальчишку, жаловавшегося на недомогание, почему-то отпустили в Царское Село к цесаревичу. По возвращении кадет заболел, а через несколько дней слегли царские дети: Алексей и его сестра Ольга [18, с. 26].

В дальнейшем болезнь царских детей стала одним из определяющих факторов для семьи Николая II, вероятно, из-за нее они не смогли найти

адекватного ответа революционной угрозе, а затем оказались под арестом, не смогли вовремя эмигрировать, когда была такая возможность, что в итоге привело их в подвал Ипатьевского дома.

«Этот царствовать не будет!» – приходилось слышать шепот в толпе при проезде цесаревича Алексея в Могилеве [19, с. 16]. И шепот могилевского обывателя оказался пророческим.

Список использованных источников

1. О разрешении от бремени Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны Сыном, нареченным Алексеем: Манифест, 30 июля 1904 г. // Полное собр. законов Российской империи: Собр. 3-е. – СПб, 1907. – Т. XXIV. – № 24986.

2. Основные Государственные Законы: утв. Именным Высочайшим Указом, данным Сенату, 23 апр. 1906 г. // Полное собр. законов Российской Империи: Собр. 3-е. – СПб., 1909. – Т. XXVI. – № 27805.

3. Свод Основных Государственных Законов // Свод законов Российской империи: неофиц. изд. / сост.: Н. П. Балканов, С. С. Войт, В. Э. Герценберг; под ред. И. Д. Мордухай-Болтовского. – СПб.: Деятель, 1912. – Кн. 1. – С. 1–28.

4. Синковец, А. Ю. Верховные Главнокомандующие России и их воспоминания о событиях в Ставке (1914–1918 гг.) / А. Ю. Синковец // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки: в 3 ч. – Минск: РИВШ, 2017. – Вып. 17, ч. 2. – С. 11–23.

5. Дневники императора Николая II (1894–1918): в 2 т. / отв. ред. С. В. Мироненко. – М.: РОССПЭН, 2013. – Т. 2: 1905–1918: в 2 ч. Ч. 2: 1914–1918. – 784 с.

6. Полетаев, А. В. Николай II и цесаревич Алексей на фотографии из коллекции УГААОСО / А. В. Полетаев // Проблемы истории России. – Екатеринбург: Волот, 2008. – Вып. 7. – С. 290–294.

7. Наследник Цесаревич в Царской Ставке // Вестн. Могилев. Земства. – 1915. – № 18. – С. 23–24.

8. Спиридович, А. И. Великая война и февральская революция: Воспоминания. Мемуары / А. И. Спиридович. – Минск: Харвест, 2004. – 720 с.

9. Шавельский, Г. И. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота / Г. И. Шавельский. – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. – Т. 1. – 414 с.

10. Дневник Наследника Цесаревича Великого Князя Алексея Николаевича за 1916 год // Цесаревич: Документы. Воспоминания. Фотографии. – М.: Вагриус, 1998. – С. 108–178.

11. Кондзеровский, П. К. В ставке Верховного, 1914–1917: Воспоминания дежурного генерала при Верховном главнокомандующем / П. К. Кондзеровский. – Париж, 1967. – 129 с.

12. Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II: в 2 т. – Берлин: Слово, 1922. – Т. 1. – 642 с.
13. Жильяр, П. При дворе Николая II. Воспоминания наставника цесаревича Алексея / П. Жильяр; пер. с англ. Л. А. Калашниковой. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. – 219 с.
14. Лемке, М. К. 250 дней в царской ставке 1914–1915 / М. К. Лемке. – Минск: Харвест, 2003. – 448 с.
15. Хэнбери-Уильямс, сэръ Дж. Император Николай II каким я его знал / сэръ Дж. Хэнбери-Уильямс // Государь на фронте. Воспоминания: сборник / сост. С. Лизунов. – М.: Рус. Хронографъ, 2012. – С. 19–205.
16. Давидов, М. И. Гемофилия – неизлечимое заболевание цесаревича Алексея Николаевича Романова / М. И. Давидов // Вестн. хирургии. – 2014. – С. 98–102.
17. Воейков, В. Н. С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II / В. Н. Воейков. – М.: Воениздат, 1995. – 431 с.
18. Мельник (Боткина), Т. Воспоминания о царской семье и ее жизни до и после революции / Т. Мельник (Боткина). – Белград: Изд. всеславян. книж. магазина, 1921. – 83 с.
19. Белевская, М. Я. Ставка Верховного Главнокомандующего в Могилеве, 1915–1918 гг.: личные воспоминания / М. Я. Белевская. – Вильно: М. Ф. Соклов, 1932. – 48 с.

(Дата поступления: 04.12.2020).

Шевкун П. В.

УО «Витебский государственный ордена Дружбы народов
медицинский университет», Витебск, Беларусь

Shevkun P.

Vitebsk State Medical University, Vitebsk, Belarus

УДК 355.257.72(476)+94(476)«17/18»

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В СИСТЕМЕ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ (КОНЕЦ XVIII – НАЧАЛО XX ВЕКА)

THE ORTHODOX CHURCH ON THE TERRITORY OF BELARUS IN THE SYSTEM OF INTERFAITH RELATIONS (LATE 18TH – EARLY 20TH CENTURIES)

В статье на примере православной и католической церквей рассмотрена эволюция межконфессиональных отношений в Северо-Западном крае Российской империи в конце XVIII – начале XX в. Выделены и охарактеризованы этапы их трансформации. Указаны вызовы, которые возникали перед конфессиями и обществом в рассматриваемое время. Отмечена роль государства в реакции на них. Показана специфика видения перспектив этих отношений в среде столичных и региональных элит. Сделан общий вывод о роли межконфессиональных отношений в формировании современных социальных общностей.

Ключевые слова: конфессия; межконфессиональные отношения; православная церковь; католичество; униатство; духовенство; приход; государство; монархия.

The article examines the evolution of interfaith relations in the North-West region of the Russian Empire in the late 18th – early 20th centuries by the example of the Orthodox and Catholic churches. The stages of their transformation are highlighted and characterized. The challenges that confessions and society faced during that time period are indicated. The role of the State in response to them is demonstrated. The perception specificity concerning the prospects of these relations among the capital and regional elites is shown. A general conclusion is made about the role of interfaith relations in the formation of modern social communities.

Keywords: confession; interfaith relations; the Orthodox Church; Catholicism; Uniatism; clergy; parish; State; monarchy.

Историческая проблематика межконфессиональных отношений состоит в раскрытии социальных основ взаимодействия представителей

различных религиозных объединений. Любая конфессия, особенно ведущая свою историю с древности, самодостаточна и для своего развития не нуждается в сотрудничестве с другими религиозными организациями, поскольку те не обладают соответствующей сакральной санкцией. Вместе с тем в современном мире тесная и интенсивная кооперация людей развивается независимо от их религиозной принадлежности. В свою очередь сами религиозные структуры вынуждены взаимодействовать друг с другом с целью слаженной реакции на вызовы современности. Поэтому особую актуальность приобретает тема межконфессиональных отношений в период формирования современных наций, т. е. общностей, в рамках которых коммуникация не должна быть сопряжена с конфессиональными барьерами, а общество не мыслится как социально-религиозное объединение. Для Беларуси это период Российской империи: конец XVIII – начало XX в. В центре внимания исследования находятся религиозные структуры, включавшие большинство населения белорусских земель и имевшие ключевое значение в процессе формирования белорусской современной нации: православие и католичество.

Религиозные системы Средневековья подразумевали не просто удовлетворение духовных потребностей населения применительно к своему времени. Это системы, которые отвечали за предоставление информации о социальном единстве. Благодаря им отдельные люди, общины воспринимали себя частью общества, понимали принципы взаимодействия, могли выдвигать справедливые требования к действиям других лиц, а власти добиваться легитимности своим решениям. Поэтому общества Средневековья – это преимущественно монорелигиозные объединения. Не по факту того, что не было иных конфессий, а по факту принадлежности абсолютного большинства населения, аристократии и правящей династии. Представители других объединений присутствовали лишь в силу политической и экономической целесообразности, на определенных условиях и без каких-либо притязаний на властные полномочия, поскольку их религиозная система не формировала принципы легитимности политической власти и социальных отношений. Соответственно и межконфессиональные контакты в таких традиционных обществах были сведены к минимуму, поддерживаясь фактом совместного проживания и необходимостью минимального экономического взаимодействия. Конфессиональные структуры, государственная администрация следили за сохранением этой дистанции на основании соблюдения предоставленных привилегий.

Вместе с тем с усложнением социальных отношений, что проявлялось в размывании сословно-корпоративных границ, росте экономических, политических контактов, ускорением процессов обмена информацией и увеличения ее объема возросла потребность в информации о жизни общества, развиваются средства массовой информации (СМИ). Тех данных, которые транслировала церковь, становилось недостаточно для адекватного восприятия социальных процессов, всё более основывавшихся на конкуренции и рационализации связей. Постепенно шел процесс формирования нового представления о социальном единстве в форме современной нации, где взаимодействие основано на выстраивании индивидуальных парадигм, а не коллективных форм воспроизводства традиции, оваянной сакральным авторитетом.

Существенной проблемой на пути модернизации являлась необходимость соотнесения церковной информации о социальном единстве с новой, предоставляемой СМИ. Церковь болезненно воспринимала снижавшуюся актуальность своей информации. Вместе с тем оставалась возможность сосуществования этих двух видов социального знания. Собственно церковная информация была направлена не на конкуренцию, в отличие от СМИ, а на формирование целостной социальной картины и соотнесение ее с сакральным прототипом. В силу этого такая информация сама по себе была инертна к религиозно недетерминированным переменам и не могла нести угрозу построению новой реальности. Однако процесс смены социальных ролей для конфессий проходил не просто по причине своего влияния и поддержки определенных политических и экономических групп, церковь-клир могла существенно ограничивать кооперацию в рамках появляющихся национальных объединений, обостряя политическую и экономическую конкуренцию, усложняя процесс генезиса нации.

Рассматриваемый период эволюции межконфессиональных отношений можно разделить на три этапа. Их условные границы определяются правлением российских императоров, поскольку межконфессиональные отношения подразумевают взаимодействие значительных групп населения, от которого зависела стабильность социальной системы. Изменения же в этих вопросах могли происходить лишь при непосредственном участии политической власти.

Первый этап охватывает период от присоединения белорусских земель к Российской империи и до конца правления Александра I. Он характеризуется эрозией традиционных отношений и попытками рос-

сийских властей соотнести конфессиональную структуру региона с существовавшими в империи нормами. Межконфессиональные отношения не претерпевают существенной трансформации. В то же время формируется отвлеченный, рационалистический принцип, согласно которому эти отношения должны развиваться.

На втором этапе, охватывающем правление Николая I и Александра II, процессы рационализации и унификации социальных отношений позволили рассматривать православную церковь как ключевой фактор новой национальной общности, что привело к обострению межконфессиональных отношений. Это период «конфессии-нации», когда новую национальную общность мыслят в конфессиональных границах, предполагая, что в них возможно ускорение коммуникации.

На третьем этапе, приходящемся на правление Александра III и Николая II, усиливается социально-экономическое взаимодействие, СМИ становятся выражением новой общности, основанной на единых правилах сотрудничества. В этих условиях ослабевает государственная поддержка церкви, а религиозная консолидация используется как фактор политической и экономической конкуренции. Такая ситуация приводит к усилению межконфессионального напряжения и требует участия государства с целью его уменьшения, в отличие от предыдущего времени, когда государство являлось важнейшим фактором обострения межконфессиональных отношений.

Период последней трети XVIII – первой четверти XIX в. – время присоединения белорусско-литовских земель к Российской империи и напряженной внешнеполитической обстановки. На момент их включения в состав Российской империи православная церковь, по существу, являлась маргинальной конфессией. В регионе доминировало католичество, представленное двумя структурами: римо-католичеством и греко-католичеством (униатством) [1, с. 16–18]. С точки зрения распределения власти и численности верующих территории ВКЛ можно характеризовать как монорелигиозные. В таких условиях православная церковь, являясь государственным вероисповеданием, стремилась восстановить утраченные в прошлом позиции. Это с неизбежностью вело к нарушению на религиозной почве сложившихся межобщинных отношений, накаляло противоречия.

Перед российскими властями стояла проблема сохранения социального единства в регионе в условиях смены власти и разрушения прежней целостной картины социума, поскольку российская монархия

являлась православной. Был выбран прагматический подход и в основном сохранены существовавшие привилегии различных общин региона, в том числе и на конфессиональном уровне. Власти рассчитывали путем такого компромисса добиться лояльности аристократии. Однако уже в этом ощущается необходимость рационализации и отхода от традиции, чтобы конфессиональные различия не являлись преградой для единства аристократии вокруг монарха вне зависимости от их религиозной принадлежности. Устанавливался постоянный контроль государства над конфессиями, а общее направление политики состояло в ориентации на их спокойное сосуществование.

Мероприятия Екатерины II в вопросах межконфессиональных отношений были противоречивыми и не отличались последовательностью. На них существенно влияла политическая обстановка эпохи разделов. Тем не менее магистральным направлением ее деятельности было сохранение межконфессионального мира. Религиозным структурам гарантировались целостность, возможность свободного отправления культа, собственность. Деятельность православных архиереев ставилась под контроль местной администрации, поскольку это была единственная сторона, которая стремилась к изменению конфессиональной структуры региона [2].

Тем не менее под давлением моголевского православного епископа Георгия (Конисского) императрица позволила провести ограниченную акцию по переводу униатских приходов в православие. 2 июля 1780 г. был подписан указ о присоединении униатов, но только в вакантных приходах. Полоцкому губернатору И. Ребиндеру было приказано оказывать поддержку православным «сколь возможно осторожнее, не говоря нигде ни о каком обращении к благочестию» [3, с. 157]. Соответственно присоединения прошли в основном в казенных имениях и во владениях российской знати. За четыре года их число составило 80 приходов [3, с. 156]. Собственно католическая церковь и аристократия уязвлены не были, униатская церковь сохраняла свои позиции. На 1785 г. на присоединенных землях 52,5 % подданных были униатами [3, с. 157].

Существенное обострение межконфессиональных отношений, поставившее под угрозу социальную целостность региона, произошло в конце правления Екатерины II в ответ на восстание в Речи Посполитой. В результате административного давления на униатскую церковь в 1794–1797 гг. с целью перевода ее приходов в православие успех в этом деле был достигнут только в Моголевской губернии [4, с. 656–

658]. И все же православная церковь существенно укрепила свои позиции, превратившись в значимый социальный институт региона.

Эта политика нарушила сложившийся социальный консенсус, актуализировав проблему социального единства. Новой имперской администрации Павла I предстояло урегулировать негативные последствия с учетом всех заинтересованных сторон. В мае 1797 г. во время проезда через Минскую губернию император на месте ознакомился с конфессиональной ситуацией, принял жалобы. 13 мая он поручил минскому губернатору З. Я. Корнееву провести расследование [5, с. 146, 147]. Для нормализации обстановки губернатор считал необходимым «оставить в спокойном исповедании» униатов и дать возможность «ходить к унитским попам». Ссылаясь на волю монарха, З. Я. Корнеев настаивал в письме к минскому архиепископу, что «необходимо позволить всякое духовенству нашему с унитским общению, не препятствовать взаимным иметь во время празднеств ходы и процессии, позволить обращающимся (в православие. – Ш. П.) ксендзам их удержать строгое свое платье и ходить без бород, не принуждать за устройство до времени иконостасов <...>, и в прочем оставить их с народом» [6]. 11 сентября 1797 г. последовал указ Св. Синода минскому архиепископу Иову, в котором предписывалось: «...не приступать ныне к устройению в церквах обращенных из унитских к благочестию иконостасов»; разрешать совместные крестные ходы, чтобы «всячески удаляться от распрь в вере» [7]. Эта формулировка стала основой в действиях государства по регулированию межконфессиональных отношений и нашла свое последовательное выражение при Александре I. На институциональном уровне это выразилось в создании в 1810 г. Главного управления духовных дел иностранных исповеданий [8, с. 278–280], которое в 1817 г. было преобразовано в Министерство духовных дел и народного просвещения с целью выработки единого механизма конфессионального регулирования [9, с. 814–834]. Министром был назначен А. Н. Голицин, должность обер-прокурор Св. Синода сохранялась, но была подчинена министру.

На региональном уровне государство стремилось поставить под контроль наиболее проблемные аспекты межконфессиональных отношений, например, вопросы переходов, их социальные последствия: возможную конфронтацию и выполнение прихожанами своих социальных обязательств. В это время переходы в православие практически прекращаются. В 1802–1806 гг. также была остановлена практика по переходу из униатского обряда в собственно католический [10, с. 62–64]. Имен-

но к этому времени отнесли священники Петриковских церквей Мозырского уезда появление традиции участия православного духовенства в католическом празднике Божьего тела. При этом католическое духовенство также производило колокольный звон «во дни храмовые и праздничные» [11]. В 1830 г. в Минской епархии было 154 церкви, присоединенные из унии. По замечанию архиерея, он знал о нескольких церквях с католической традицией обращения алтаря на запад. Однако, по его мнению, «когда будут собраны сведения от Духовных правлений, то без сомнения, таковых и более окажется» [12].

Сходная ситуация сохранялась и в отношении браков, точнее, вопроса конфессиональной принадлежности и воспитания детей. В это время серьезного контроля со стороны духовенства не было, как и однозначного видения проблемы. Компромиссная формула о воспитании мальчиков в вере отца, а девочек в вере матери лишь подчеркивала некоторое пренебрежение верхов к конфессиональным отличиям. Представления о социальном единстве, на которых основывается кооперация, выражались в размытости конфессиональных границ. При этом если ранее она была более естественна и основывалась на единстве большинства православных с католиками благодаря унии, то сейчас такая размытость представлялась искусственной, поскольку не была закреплена институционально, с высокой степенью вероятности перемен.

Эти перемены наступают на следующем этапе, охватывающем правление Николая I и Александра II. Перемены происходили в различных сегментах общества. Ускорение социально-экономического развития страны требовало большей формализации общественных отношений, отмены наиболее архаичных сословных ограничений. Уже Николай I вел тайную подготовку к ликвидации крепостного права. Сам по себе сословный строй подразумевал больше ясности и прагматизма. На концептуальном уровне национальная идея завоевывала умы политической элиты страны. В этих условиях правительство рассматривало церковь как важнейший институт интенсификации социальных отношений. Стремление государства к большему измерению и проникновению в социум повысило требования к церкви, конфессиональной унификации, одновременно усилив процессы конфессионализации. Указанные факторы привели к актуализации в среде политической элиты транслируемого церковью представления о социальном единстве, в рамках которого значение имели все уровни социума, в том числе и простые подданные. Модерные ноты заключались в том, что национальная идея,

вписанная в традиционно-религиозные представления, оправдала политическое значение простого народа. Утрата на концептуальном уровне аристократией своей уникальной роли политического сословия и использование духовенства как фактора интенсификации коммуникации существенно обострили проблему межконфессиональных отношений. Восстание 1830–1831 гг. продемонстрировало, что существующее социальное единство в регионе исключает в нем присутствие российских властей и является потенциально опасным. В результате был взят курс на разрушение прежних представлений о социальном единстве путем реформирования межконфессиональных отношений с целью установления численного доминирования православия.

В начале 1830-х гг. были приняты дополнительные указы по защите православия [13]. 30 апреля 1833 г. была учреждена Полоцкая епархия в составе Виленской, Витебской и Курляндской губерний [14]. В момент создания она состояла из 6 монастырей и 76 церквей с общим количеством прихожан около 128 тыс. [15, с. 40]. Имперские власти в лице белорусского генерал-губернатора Н. Н. Хованского, витебского военного губернатора Н. И. Шрёдера по указаниям центральных властей обязаны были оказать государственную поддержку православной миссии в отношении униатов, защитить позиции православной церкви [16, с. 428]. В результате общих усилий духовных и светских властей в 1833–1835 гг. в Полоцкой епархии было присоединено около 79 тыс. униатов [17], в Минской и Могилевской – около 17 и 21 тыс. соответственно [18]. В речи, произнесенной в Св. Синоде в 1835 г., Николай I подтвердил, что важнейшей своей задачей он «полагает охранение православия», и что «особенного внимания требует, предпринятое с превышавшем чаяния успехом воссоединение униатов с Православной церковью...» [19].

Тем не менее процесс перевода униатов в православие к 1836 г. показал, что большинство приходов остаются верными униии. В высших кругах нашел поддержку проект униатского епископа Иосифа (Семашко) о централизованном вхождении паствы во главе со своей иерархией в состав православной церкви. Реализация этого проекта завершилась в 1839–1840 гг., когда был оформлен переход униатской иерархии и прихожан в православие. Также была удовлетворена просьба о временном, «до ближайшего усмотрения», сохранении униатских обрядовых особенностей [20, с. 119–125, 133]. Сложившаяся обстановка накалила общество, так как были нарушены представления о его единстве. С этого времени границы православного и католического видения социума

были достаточно резко очерчены и, будучи неполноценными, не могли представлять все общество, оказались идеологически зависимы от польских и российских проектов.

С целью более четкого размежевания конфессий в 1839 г. православному духовенству было предоставлено право наблюдения за католическим духовенством [21, с. 368–361]. 16 декабря 1839 г. был утвержден комплекс мер «о предупреждении совращений в латинство в девяти Западных губерниях». Было предписано составить точные списки католических прихожан и духовенства, которые через Департамент духовных дел иностранных исповеданий должны были «секретно» передать православным епископам. Католическое духовенство обязали принимать на исповедь только своих прихожан, за исключением чрезвычайных случаев («тяжкая болезнь»), заранее сообщать «о фестах или процессиях». В 1842 г. последовало официальное указание Св. Синода духовенству приступить к возвращению в православие из католичества бывших униатов [21, с. 345]. До 1846 г., когда официально отменили сверку метрик, было выявлено 4892 человека из униатов в католических приходах [22, с. 206].

Вместе с тем административное (по существу традиционалистское, т. е. без личного убеждения) видение объединения допускало некоторое сохранение прежней конфессиональной размытости. Так, было запрещено «требовать и даже поощрять», чтобы «воссоединенные» священники изменяли одежду, растили бороду и волосы, и, «если потом и само пожелает, то сноситься об этом с обер-прокурором». Допускалось несоблюдение постов, а в случае проступков со стороны бывшего униатского духовенства – принимать «меры сколь можно снисходительные и не гласные» [23, с. 378]. Митрополит Иосиф отмечал, что «самоё стремление к тому, чтобы искоренить существующие в крае разности в церковной жизни, которые были не существенны, значило бы трудиться не для церковного единения, но для раскола, не на пользу церкви православной, а на пользу ее врагов» [21, с. 165].

Нарушенное социальное единство власти стремились нивелировать словесной солидарностью и покровительством. Еще при выступлении в Варшаве в 1835 г. Николай I говорил, обращаясь к польской аристократии: «Если ваше поведение оправдывает вас, если вы исполните ваши обязанности, мои попечения распространятся на всех вас, и <...> мои помышления будут о вашем благоденствии, о вашем счастье» [24]. В отношении католической церкви он утверждал: «Я ни в чем не желаю

вредить католическому исповеданию <...> в отношении религии церкви католической намерения мои чисты» [25, с. 115].

Вектор межконфессиональных отношений, заданный Николаем I и направленный на безоговорочную поддержку государством православной церкви (а ведь государство является институциональным выражением социального единства), наряду с большим контролем над другими религиозными объединениями был продолжен в правление Александра II. Это происходило на фоне существенных перемен в обществе. Развитие новых средств и видов коммуникации (железных дорог, телеграфа, СМИ), отмена крепостного права и реформы самоуправления актуализировали как никогда ранее проблему социального единства. Расширение и интенсификация коммуникации шли в рамках традиционного конфессионально очерченного социального пространства. Складывалась иллюзия, что формирование современной социальной общности может быть вписано в конфессиональные рамки. Концепция церкви-нации, выраженная доктриной «православие – самодержавие – народность», нашла свое наиболее полное воплощение.

На уровне православной церкви это проявилось в расчетах видеть в духовенстве центр коммуникации. Стали проходить ограниченные реформы самоуправления духовенства: созываться епархиальные съезды, благочиннические советы, делегаты на которые выбирались духовенством. На уровне приходов появились и активно развивались братства, приходские советы (попечительства). Широкое развитие получили конфессионально ангажированные СМИ [26, с. 11]. На региональном уровне выходили епархиальные ведомости. Также церковь становится важнейшим фактором расширения образовательного пространства, формируя широкую систему начального образования.

Взгляд на конфессионально очерченное социальное пространство как на пространство, в рамках которого идет допустимое и желательное социальное развитие, вновь обострил проблему межконфессиональных отношений. Перед государством снова возникла потребность расширения численности верующих, поскольку в их представлениях остальные выпадали из современного пространства. Кроме того, обострилась проблема формирования лояльной общности. Прежних взаимовыгодных отношений было недостаточно, что и показало восстание 1863–1864 гг., представленное как польско-русское и, соответственно, католическо-православное противостояние. Поэтому церковно-государственные мероприятия носили двоякий характер: перевод ка-

толиков в православие и закрытие храмов, действия по русификации костела.

Без преувеличения можно утверждать, что такое внимание вызвано восстанием 1863–1864 гг. Так, за несколько лет до него Св. Синод требовал в епархиальных отчетах обратить внимание на те приходы, где «в близкой соприкосновенности <...> в сем крае православных обывателях с иноверцами <...> в видах охранения интересов господствующей веры и развития в народе религиозного образования» [27].

Тем не менее наиболее активная миссионерская фаза длилась с 1864 по 1868 г. За это время из католицизма в православие перешло около 80 тыс. человек [28, с. 72]. Одновременно проводились мероприятия по закрытию костелов, каплиц и обращению многих из них в православные церкви. В частности, в мае 1865 г. виленский генерал-губернатор К. П. Кауфман приказал 14 римско-католических каплиц и Хойникский костел в Речицком и Пинском уездах передать православным, поскольку они «построены для весьма незначительного числа католиков, с очевидною целью совращения православных жителей в католицизм <...> за отсутствием приходских церквей» [29]. Государство в лице губернаторов брало на себя обязательства по контролю над соблюдением обрядности в новоправославных приходах. Так, минский губернатор в 1871 г., писал архиепископу о том, что крестьяне д. Новая Рудня Мозырского уезда, присоединенной к православию в 1866 г., уклонялись «от посещения православной церкви и исповеди». При этом он отправил исправника удостовериться в справедливости сведений и просил архиепископа об «увещании» священниками указанных лиц [30].

Инициаторами создания новых православных приходов зачастую также выступали гражданские власти в связи с перспективами присоединения. То есть государство бесконфликтно воспринимало себя как выразителя именно определенной конфессиональной общности. В январе 1865 г. Минская консистория рассматривала предложение генерал-губернатора об открытии прихода при Тарасовской церкви Минского уезда. Отмечалось, что католики «в своих духовных нуждах <...> обращались по большей части» к православному священнику за неимением вблизи латинского духовенства. «В настоящее же время, при стремлении сельского римско-католического населения к возвращению на лоно православной церкви и латинизанты проживающие в пределах прежде бывшего Тарасовского прихода составляющие половинную часть населения при открытии вновь прихода могли бы присоединиться» [31].

Факты свидетельствовали и о некоторой искусственности православно-католического социального разделения. Так, священник Узденской церкви Яцевич содержал «на своем попечении» престарелого настоятеля Коржельского костела Борисовского уезда, который являлся близким родственником его жены. В процессе разбирательства консистория указала, что ксендз может находиться у православного священника только при условии принятия православия. По распоряжению генерал-губернатора лицам римско-католического духовенства разрешалось проживать в своих приходах у частных лиц только по особенно важным причинам и с его разрешения [32]. В 1862–1867 гг. продолжалось расследование о православии детей автушковицкого станционного зрителя. К расследованию были привлечены уездная полиция, земский суд, православное и католическое духовенство. В результате удалось выяснить, что его дочь (место нахождения сына осталось неизвестным) была крещена в православие, хотя всю жизнь придерживалась католичества [33].

В определенном смысле православной церкви выгодно было поддерживать этот «конфессионально-обрядовый синкретизм» в миссионерских целях. Так, браков у православных по Минской губернии в 1860 г. было: в городах – 231, в уездах – 7839. Из них смешанных: в городах – 85, в уездах – 605, т. е. 37 % и 8 % соответственно [34]. На социальном уровне это свидетельствовало о прочности общественных связей и восприятии каждой церковью себя как выразителя социального единства. Так, бывшее католическое кладбище в м. Ляховичи Минской губернии после упразднения костела оказалось в ведении православного священника Н. Сущинского, который сам хоронил и католиков, и православных. Католический священник не допускался на кладбище. В жалобе МВД по этому поводу в Минской католической консистории отмечалось, что «католики Ляхович хоронят там, т. к. до ближайшего к ним католического прихода 12 верст» [35].

Если государство на административном уровне способствовало расширению и укреплению конфессиональных границ, то у православной церкви важнейшим средством в этом считалось просвещение. Слуцкий благочинный отмечал, что для предотвращения переходов «старались обучить народ первым началам веры православной и внушить ему необходимость и душевную пользу от своевременного исполнения христианского долга исповеди, причастия и святого таинства», «что подведомственные мне священники и церковнослужители, за исключением

немногих лиц, ведущих не совсем трезвую жизнь, в точности исполняли обязанности Веры православной и воздерживались от мирских обычаев, не терпимых в духовенстве» [36]. В свою очередь конфессионализация также не могла проходить форсированными темпами, так как возникала бы более выраженная православная идентичность, которая, накладываясь на традиционалистскую систему отношений «свой – чужой», могла приводить к усилению напряженности в результате дополнительно созданных социальных барьеров уже внутри православного сообщества.

Ограниченность концепции церкви-нации наиболее ярко видна в языковой проблеме, а именно в действиях по введению в костелах дополнительного богослужения на русском языке вместо польского. Несмотря на то, что эта проблема затрагивает собственно взаимоотношения костела и российского государства, тем не менее, она имеет значение для иллюстрации тех принципов, которые лежали в основании межконфессиональных отношений.

Официально старт кампании был дан в 1869 г. В начале 1870-х гг. настоятели 32 костелов Минской губернии из 52 дали согласие на использование русского языка [28, с. 89–90]. Эти мероприятия как в католической, так и в православной общине были восприняты неоднозначно. То, что для российской администрации являлось попыткой добиться большей лояльности костела к российской власти и не носило концептуального характера, для местных элит было неприемлемым.

Среди противников этого плана в среде православных необходимо выделить профессора М. О. Кояловича и митрополита литовского Иосифа. По их мнению, католической аристократии это даст повод требовать уравнивания в привилегиях с православными, а для простого народа выльется в смуту среди православных и католиков [28, с. 87]. Они опасались, что языковая общность может нарушить с трудом выстроенные границы приемлемой традиционалистской социальной коммуникации. Неудача проекта была предрешена. Уже в начале 1880-х гг. большая часть ксендзов не использовала русский язык в богослужении [28 с. 90]. Усложнилась и религиозная жизнь католиков, так как многие храмы оказались без настоятелей, поскольку государство не утверждало ксендзов, не желавших вести богослужение на русском языке, в тех костелах, где оно ранее проводилось [28, с. 91]. В результате даже такая сравнительно безобидная попытка ограниченного использования языкового признака современной идентичности для выстраивания более

приемлемых социальных контактов в регионе натолкнулась на концептуальное неприятие и достаточно резонные замечания о возможном обострении межконфессиональных отношений.

Как и в более ранних случаях активизации миссионерской деятельности, усилившееся противостояние и нестабильное положение в новообращенных приходах вынудили правительство свернуть государственное давление. Эти события знаменуют переход к третьему этапу эволюции межконфессиональных отношений, выразившихся в отказе правительства от взгляда на церковь как на форму национального единства, что проявилось в дистанцировании от прямой поддержки церкви, когда ее заботы превращались в заботы государства.

В правление Александра III государство прекращает непосредственное участие в вопросах церковного строительства и обеспечения причтов. Власти сконцентрировали свое внимание на построении системы массового русскоязычного начального образования, активно подключая к этому процессу православную церковь. Система образования стала средой, в которой формировалась модерная национальная идентичность. Участие в этом процессе церкви наряду с государством демонстрировало заинтересованность последнего в том, чтобы лояльная властям православная община являлась важнейшим элементом формируемого национального пространства. В итоге школа стала новой средой, потенциально восприимчивой к проявлениям межконфессиональной конфронтации.

Вместе с тем проблемы более четкого размежевания приходов утрачивают прежнее политическое значение и становятся проблемами собственно церкви. Поскольку же у нее не было механизмов административного давления на прихожан, а уровень индивидуализации веры оставался низким, то по-прежнему сохранялась конфессиональная «неопределенность», особенно в регионах смешанного католическо-православного населения. Так, в отчете Минской консистории о ревизии церквей в 1881 г. отмечено, что в Преображенской церкви села Городея Новогрудского уезда прихожан «при посещении оной Его Пресвященством было очень мало, из коих некоторые изображают на себе крестное знамение по образу Римско-католического, в приходе много католиков, вредно влияние на православное население». В другом случае при посещении Свято-Георгиевской церкви г. Несвиж говорилось, что «православные христиане этой церкви почти все семейно смешаны с католиками, которых в Несвиже и его окружности очень много

и влияние которых в религиозном и нравственном отношении весьма вредно». В конечном итоге делался вывод, что «в новоприсоединенных приходах, в которых православные живут вместе с католиками, здесь вследствие семейного смешения с последними и вредного влияния как в нравственной жизни, так и в религиозном отношении, религиозное и нравственное состояние прихожан по-видимому неудовлетворительно» [37].

Парадигма вызовов в системе межконфессиональных отношений постепенно начинала меняться. Если ранее напряженность возникала лишь при попустительстве либо прямой причастности к этому государства, то теперь акценты смещаются. К традиционным сферам возврата из православия в католичество добавляются уже современные проявления, связанные с политической и экономической конкуренцией. К концу XIX в. стало очевидным, что проект «конфессии-нации» окончательно исчерпал свой потенциал. Дальнейшее развитие СМИ, нередко религиозно нейтральных, процессы урбанизации и разрушения сельской общины, формирование политических партий свидетельствовали о невозможности вмещения социальной коммуникации в религиозные границы. Актуализация вопроса о всеобщем начальном образовании свидетельствовала о востребованности всех категорий подданных во взаимодействии. Важно было выйти на новый уровень понимания общности, в рамках которого различные этноконфессиональные группы осуществляют свободное взаимодействие. Однако для него церковь не давала необходимого минимума знаний, не позволяла, по выражению Шофилда, сформировать представления, которыми должен располагать подданный в данной среде о взглядах и желаниях других, чтобы выработать логически обоснованное понимание их поведения и чтобы передать это понимание другим [38]. Школа и печать, фабрика и большие стройки создавали пространство, в котором трудно было ориентироваться исходя из традиционных представлений.

Институциональным разрывом с прежней социальной моделью явился созыв парламента – Государственной Думы и предоставление религиозных свобод в 1905 г. Государство отказывалось от роли гаранта целостности конфессий, поскольку социальная коммуникация уже не определялась конфессиональными границами. Была сформирована представительная система общенационального участия в регулировании социальных отношений на просторах империи. Указанные обстоятельства привели к формированию новой парадигмы межкон-

фессиональных отношений, основанной на индивидуальном самоопределении. В 1902 г. Минская консистория обязала священников, чтобы они «усугубили старания к утверждению своих прихожан к православной вере и к ограждению их от польской пропаганды» [39]. Вместе с тем усилилась и межконфессиональная напряженность как в связи с возможностью переходов, так и в условиях использования религиозной общности с целью получения конкурентных преимуществ. Церковное руководство старалось избежать возможных эксцессов. Так, по случаю обнаружения царских манифестов Св. Синодом отмечалось, «что пользование дарованною по высочайшему манифесту гражданской свободой, налагает на верноподданных христиан обязанность в своем поведении и в отношениях к своим ближним поступать в духе <...> мира и любви не только к друзьям и братьям-христианам, но и к людям чуждым святой веры» [40]. Очевидно, что государство настаивало на уважении новых принципов социальной идентичности.

Попытка в предыдущие правления искусственного увеличения православия и вмещения в него всего социального пространства белорусских земель привела к значительному оттоку из православия. Десятки тысяч православных белорусов перешли в католицизм, многие стали протестантами [28, с. 113]. Государство пыталось ограничить процесс выхода из православия. С этой целью предусматривались правила, согласно которым желающий перейти из православия в другое вероисповедание писал прошение на имя губернатора, который обращался к православному епископу об «увещеваниях в течение месячного срока, на предмет воздержания от перехода». Такая процедура обостряла отношения даже на уровне семей. Так, в сообщении Минской духовной консистории говорится, что крестьянка Е. Г. Кораневская после беседы со священником отказалась от прошения о переходе в католичество несмотря на страх перед мужем. Епископ просил защиты для нее у губернатора [41]. Сообщалось о давлении помещиков-католиков на своих православных служащих. Наметилась и тенденция по возвращению в иудаизм [42].

Отток из православия в католичество, старообрядчество, развитие протестантизма вывели проблему межконфессиональных отношений на новый уровень. Ключевым фактором становилась индивидуализированная религиозность. Однако православная церковь по-прежнему сохраняла тесную связь с государством. Конфессиональная ангажированность монархии, сохранение значительных элементов традицион-

ного уклада и соответствующей ему картины общества, использование духовенства с чиновничьими функциями создавали барьеры в рамках формирования представлений о едином обществе, в котором различные группы выстраивают взаимовыгодные отношения на основании универсальных правил сотрудничества. Церковь же не могла развить полноценные индивидуальные парадигмы поведения, поскольку из-за особой связи с государством во многом продолжала рассматриваться гарантом социального единства, а потому и не могла позволить себе самостоятельные действия.

В результате в начале XX в. наблюдалась разбалансировка прежней системы межконфессиональных отношений, основанной на конфессионально-корпоративном статус-кво и государственных гарантиях целостности конфессий. При этом была очевидна неспособность политической власти и значительной части православной иерархии к выстраиванию новой системы межконфессиональных отношений, основанной на принципах свободы совести в рамках единого национального пространства. Это приводило лишь к обострению межконфессиональных отношений. Манипулирование религиозностью в политических целях, особенно в связи с выборами в Государственную Думу, способствовало расцвету ксенофобии и замешанных на ней политических идеологий, в которых активно использовалось православие. Государство же фактически способствовало выстраиванию контролируемых барьеров в коммуникации через сращивание политических и конфессиональных структур. Такая ситуация несла скрытую угрозу при ослаблении власти усиления межконфессиональной конфронтации.

Таким образом, на протяжении рассматриваемого времени межконфессиональные отношения являлись частью процессов модернизации социальной системы в регионе. Можно выделить несколько этапов их эволюции: последняя треть XVIII – первая четверть XIX в.; вторая четверть XIX – 70-е гг. XIX в.; последние десятилетия XIX – начало XX в. Размытость границ периодов обусловлена тем, что социальные изменения, сказывавшиеся на характере межконфессиональных отношений, происходили постепенно, без четких временных рамок.

Последняя треть XVIII – первая четверть XIX в. ознаменовалась подчинением территорий бывшего Великого княжества Литовского православной династии Романовых в России. Малочисленная православная конфессия региона получила исторический шанс для восста-

новления своего положения. Однако это было сопряжено с обострением межконфессиональных отношений, в рамках которых российская власть гарантировала целостность существовавших конфессиональных объединений. Роль аристократии в традиционном обществе обусловила низкую политическую востребованность обострения межконфессиональных отношений. Исключение составила кратковременная попытка Екатерины II в конце своего правления поколебать позиции католицизма путем присоединения униатов к православию. Данные действия довольно быстро прекратились в силу их несоответствия ни концептуальным основам российской политики в регионе, ни традиционной трактовке социального единства. Принципам межконфессиональных отношений и наиболее чувствительной их стороне – проблеме переходов – была дана трактовка, не позволявшая нарушать в обществе «тишину и спокойствие». Это требование можно считать девизом российского подхода к регулированию межконфессиональных отношений в регионе. Оно вполне соответствовало общинным традиционалистским установкам, в рамках которых конфессиональные объединения были по большей части самодостаточными и замкнутыми структурами, имевшими контакты лишь в силу устоявшихся социально-экономических оснований.

Перемены второй четверти XIX в. – усиление роли государства в регулировании социальных отношений, адаптация национальной идеи к российскому самодержавию в виде концепции «церкви-нации», использование церкви как фактора ускорения социально-экономического развития общества, а также фактический провал интеграционных инициатив предыдущих правлений – обусловили обострение межконфессиональных отношений. В 1830-х гг. на фоне восстания на бывших землях Речи Посполитой усилилось давление на католицизм. С целью превращения православия в социально образующую конфессию были инициированы действия по более четкому размежеванию православного и не православного населения региона, а также перевода униатов в православие. Эти действия существенно обострили межконфессиональные отношения и завершились присоединением униатских епархий к православным. Достигнув численного доминирования православия в регионе, дальнейшие действия властей были ориентированы на стабилизацию ситуации в новоправославных приходах и установление на новом уровне мирного сосуществования общин. В силу во многом искусственного разделения белорусского общества на значимые право-

славную и католическую общины между ними сохранилось некое промежуточное социальное пространство.

1850–1870-е гг. ознаменовались выходом модернизационных процессов в российском обществе на институциональный уровень, выразившись в отмене крепостного права и реформах 1860–1870-х гг. Возросла интенсивность коммуникации, получили развитие СМИ как источник конфессионально нейтральной информации об обществе. Вместе с тем восстание 1863–1864 гг. показало неэффективность компромисса с католической аристократией империи. Поскольку на концептуальном уровне национальное единство и желательная социальная коммуникация рассматривались в конфессиональных рамках, и лишь у церкви была возможность дойти до каждого прихожанина, это привело к возросшим социальным надеждам государства на православную церковь. Об этом свидетельствовали незначительные реформы самоуправления в православной церкви, появление большого количества конфессионально ориентированных СМИ, активное использование церкви в распространении начального образования. Взгляд на нацию как на конфессионально ограниченное сообщество актуализировал проблему межконфессиональных отношений в регионе. С одной стороны, вновь возник социальный запрос на численный рост православия, а с другой – на необходимость формирования лояльного околонационального пространства. Это привело к обострению межконфессиональных отношений: попыткам перевода католиков в православие, закрытию храмов и ограниченной русификации костела. Возросшее сопротивление католической общины и противостояние в новоправославных приходах вынудили правительство вернуться к поддержанию конфессионального мира в регионе. На уровне общин и при условии отсутствия давления со стороны государства сохранялась инерция корпоративной замкнутости.

Вместе с тем в последние десятилетия XIX в. стало очевидным, что развитие сотрудничества в обществе происходит не в рамках конфессионально очерченной парадигмы. Появление политических партий, дальнейшее развитие СМИ, рост городов как промышленных и культурных центров свидетельствовали о размывании традиционной конфессиональной картины социума, а все проекты ее поддержания и актуализации оказались малоэффективными. С одной стороны, это снизило значение православной церкви как общенационального проекта и привело к предоставлению религиозных свобод подданным им-

перии. Как следствие, накалились межконфессиональные отношения на фоне значительного оттока православных в католичество, старообрядчество и протестантизм. Однако вместо их последующей нормализации почва для конфликтов сохранялась, поскольку российская администрация в регионе продолжала оказывать поддержку православью.

С другой стороны, православие начинает использоваться как политический лозунг крайне правых партий, а церковь в определенной степени взаимодействует с ними, увеличивая их политический вес своим авторитетом. Это было чревато обострением межконфессиональных противоречий, которые приобретали уже новое, современное звучание, когда не православные подданные могли рассматриваться как угроза национальному единству и процветанию. Возникали опасные барьеры в социальной коммуникации региона. Государство не имело, в отличие от предыдущих этапов, относительно ясного видения ситуации и способов реакции на социальные вызовы. В системе межконфессиональных отношений оно стремилось предотвратить открытую конфронтацию на конфессиональной почве. Однако нормализация межконфессиональных отношений в рамках ограниченного восприятия свободы совести соседствовала с политически мотивированными межконфессиональными противоречиями, которые являлись существенной проблемой в процессе формирования белорусской современной нации.

Список использованных источников

1. *Филатова, Е. Н.* Конфессиональная политика царского правительства в Беларуси 1772–1860 гг. / Е. Н. Филатова. – Минск: Беларус. наука, 2006. – 192 с.
2. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ) : собр. 1-е с 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 45 т. – СПб. : Тип. Втор. отд-ния Собств. Е. И. В. канц., 1830. – Т. XIX. – С. 507–509; 775–776.
3. *Анішчанка, Я. К.* Беларусь у часы Кацярыны II / Я. К. Анішчанка –Мінск: Веды, 1998. – 211 с.
4. Суммарийная ведомость о духовенстве светском епархии Полоцкой унитской, сочинена за 1807 г. // Описание документов архива западнорусских униатских митрополитов: в 2 т. / сост. С. Г. Рункевич – СПб. : Синод. тип., 1907. – Т. 2. – 1632 с. – Д. 3059. – С. 656–658.
5. *Даўгяля З.* Урадавыя адносіны да уніятаў на Меншчыне ў часы Паўла I / З. Даўгяля // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Менск, 1927. – № 1. – С. 131–151.
6. Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ в г. Минске). – Ф. 136. Оп. 1. Д. 815. Л. 42, 2–5, 7, 9, 14–15.

7. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). – Ф. 796. Оп. 78. Д. 94. Л. 36.

8. ПСЗРИ: собр. 1-е с 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 45 т. – СПб.: Тип. Втор. отд-ния Собств. Е. И. В. канц., 1830. – Т. XXXI. – С. 278–280.

9. ПСЗРИ: собр. 1-е с 1649 по 12 декабря 1825 г.: в 45 т. – СПб.: Тип. Втор. отд-ния Собств. Е. И. В. канц., 1830. – Т. XXXIV. – С. 814–834.

10. Шевкун, П. В. Империя и церковь: российская политика в отношении православной церкви на территории Беларуси (1796–1855 гг.) / П. В. Шевкун. – Витебск: ВГМУ, 2015. – 202 с.

11. НИАБ в г. Минске. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 9778. Л. 8 об., 9.

12. НИАБ в г. Минске. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 8572. Л. 3, 12 об.

13. ПСЗРИ: собр. 2-е с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г.: в 55 т. – СПб.: Тип. Втор. отд-ния Собств. Е. И. В. канц., 1830–1884. – Т. VII, 1833. – С. 140, 201; НИАБ в г. Минске. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 12848. Л. 1; Ф. 1430. Оп. 1. Д. 3822. Л. 1, 12.

14. ПСЗРИ: собр. 2-е с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г.: в 55 т. – СПб.: Тип. Втор. отд-ния Собств. Е. И. В. канц., 1830–1884. – Т. VIII, ч. I, 1834. – С. 244–246.

15. Шавельский, Г. И. Последние воссоединения с православной церковью униатов Белорусской епархии (1833–1839 гг.) / Г. И. Шавельский. – СПб.: Тип. «Сельского вестника», 1910. – 494 с.

16. Письмо епископа Полоцкого Смарагда к князю Н. Н. Хованскому 12 января 1834 г. // Рус. архив. – 1891. – Кн. 8. – С. 427–429.

17. НИАБ в г. Минске. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 1630. Л. 2–56.

18. НИАБ в г. Минске. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 11370. Л. 3 об.; Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (далее – НИАБ в г. Гродно). – Ф. 1. Оп. 3. Д. 422. Л. 140.

19. РГИА. – Ф. 796. Оп. 205. Д. 178. Л. 5.

20. Семашко, И. Записки Иосифа митрополита Литовского, изданные Императорской Академией наук по завещанию автора: в 3 т. / И. Семашко. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1883. – Т. 1. – 745 с.

21. Извеков, Н. Д. Исторический очерк состояния православной церкви в Литовской епархии за время с 1839–1889 г. / Н. Д. Извеков. – М.: Печ. А. И. Снегирёвой, 1899. – 522 с.

22. Radvan, M. Carat wobec kościoła greckokatolickiego w zaborze rosyjskim, 1796–1839 / M. Radvan. – Roma, Lublin: Polski Instytut Kultury Chrześcijańskiej, 2001. – 504 s.

23. Материалы для истории православной церкви в царствование Николая I // Сборник императорского русского исторического общества / под ред. Н. Ф. Дубровина. – СПб.: Обществ. польза, 1902. – Т. 113. – 560 с.

24. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. – Ф. 452. Оп. 1 Д. 600. Л. 2 об. – Николай I. Речь, произнесённая им в Варшаве, во дворце Ланьки. 1835 г.

25. Речь императора Николая Павловича римско-католическим епископам в 1844 г. // Николай Первый и его время: в 2 т. / сост. Б. Н. Тарасов. – М.: ОЛМА-пресс, 2000. – Т. 1. – 447 с.

26. Шимолин, В. И. У истоков белорусской печати: епархиальные ведомости второй половины XIX – начала XX в. / В. И. Шимолин. – Минск: БГУ, 2010. – 199 с.

27. НИАБ в г. Минске. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 12848. Л. 1.

28. Канфесіі на Беларусі (к. XVIII – XX ст.) / пад рэд. У. І. Навіцкага [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 1998. – 340 с.

29. НИАБ в г. Минске. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 12848. Л. 1, 1 об.

30. НИАБ в г. Минске. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 33806. Л. 1.

31. НИАБ в г. Минске. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 31181. Л. 3.

32. НИАБ в г. Минске. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 31329. Л. 1, 2, 7 об.

33. НИАБ в г. Минске. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 29954. Л. 2, 15, 15 об., 29, 44 об.

34. НИАБ в г. Минске. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 28795. Л. 249.

35. НИАБ в г. Минске. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 31248. Л. 125.

36. НИАБ в г. Минске. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 28917. Л. 3.

37. НИАБ в г. Минске. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 35749. Л. 16, 16 об., 17, 44–45.

38. Норт Д. К. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики [Электронный ресурс] / Д. К. Норт. – Режим доступа: <http://see-moscow.com/doc/izd/North.pdf>. – Дата доступа: 15.04.2020.

39. НИАБ в г. Минске. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 36958. Л. 10.

40. НИАБ в г. Минске. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 37182. Л. 21 об.

41. НИАБ в г. Минске. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 37391. Л. 1, 122, 122 об., 126.

42. НИАБ в г. Минске. – Ф. 136. Оп. 1. Д. 37360. Л. 69, 69 об, 116, 119.

(Дата поступления: 10.10.2020).

РАЗДЕЛ 4. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ: ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И КОНФЛИКТЫ

Бусько С. И.

УО «Белорусский государственный университет физической культуры»,
Минск, Беларусь

Busko S.

Belarusian State University of Physical Culture, Minsk

УДК 796.342

РАЗВЛЕЧЕНИЕ АРИСТОКРАТОВ: КРОКЕТ И ТЕННИС НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

ENTERTAINMENT FOR NOBLEMAN: CROQUET AND TENNIS ON THE TERRITORY OF BELARUS IN THE EARLY 20TH CENTURY

В статье рассматривается становление дореволюционного любительского крокета и лаун-тенниса на территории Беларуси как часть общероссийского процесса формирования культуры отдыха. Отмечена эволюция данных видов спорта: от аристократических забав до массового участия различных слоев городского населения. Уделено внимание инфраструктуре, динамике цен для любителей крокета и тенниса, а также правилам игры в дореволюционный период в белорусских губерниях.

Ключевые слова: физическая культура; развлечение; крокет; теннисный корт; любительский спорт; досуг; правила игры.

The article examines the formation of pre-revolutionary amateur croquet and lawn-tennis on the territory of Belarus as part of the all-Russian process of forming a leisure culture. The evolution of these sports is noted: from aristocratic fun to the massive participation of various layers of the urban population. Attention is paid to infrastructure, price dynamics for croquet and tennis amateurs, as well as the rules of the game in the pre-revolutionary period in the Belarusian provinces.

Keywords: physical culture; entertainment; croquet; tennis court; amateur sports; leisure; game rules.

Проблемы генезиса отечественного спорта следует рассматривать в широком культурно-историческом контексте, сквозь призму реалий Российской империи. Спорт в белорусской провинции зародился, сформировался, развивался, как и в других странах, под влиянием многих факторов: объективных и субъективных, социально-экономических, культурных, религиозных, политических, военных, географических. Но, как и в любой стране, зарождение спорта в Беларуси имело свою локальную специфику. Необходимо выявить эту специфику, особенности и характерные черты зарождения и становления отечественного спорта.

Становление крокета и большого тенниса в белорусских губерниях интересно в нескольких аспектах. С одной стороны, рассмотрение этого вопроса позволяет преодолеть сложившуюся с 1930-х гг. и по-прежнему популярную сегодня концепцию отсутствия спортивных традиций в нашем регионе до событий 1917 г. С другой стороны, крокет и лаун-теннис – элитные виды развлечений, доступность и масштабы которых позволяют оценить процессы становления нового буржуазного общества, социальных изменений, меценатства, формирования городской культуры досуга.

Фактор свободного человека – важнейшая предпосылка для зарождения спорта. Во второй половине XIX в. белорусские губернии Российской империи утратили накопленные традиции индивидуализма эпох Возрождения и Просвещения. Становление физической культуры и спорта происходило в тот момент, когда горожане составляли относительно небольшой процент населения. Достаточно значительными по восточноевропейским меркам были лишь несколько городов: Вильно, Белосток, Могилев, Минск, Гродно, Двинск. Относительно низкие показатели городского населения повлияли на общий уровень развития спортивного движения в Российской империи в целом и в белорусских губерниях в частности [12, с. 246].

Истоки крокета теряются в европейской истории XIV–XVI вв., когда эта форма отдыха и развлечения охватывала в различных вариациях все слои общества. Игра проходила на специально подготовленной площадке (есть разные варианты покрытия для игры на улице и в зале, в том числе утрамбованные песок и газон). Задача команды – проведение деревянных шаров с использованием специальных молотков (в Средние века использовались загнутые палки-клюшки) через серию расставленных небольших ворот. Как конкретный вид спорта эта забава

оформляется в Великобритании в середине 1860-х гг. Первый учебник по крокету принадлежит авторству Майн Рида и с успехом был переиздан несколько раз. В 1868 г. популярность крокета была зафиксирована созданием «Всеанглийского клуба крокета», в название которого спустя почти десятилетие будет добавлено слово «теннис».

Через британскую диаспору крокет проникает в Российскую империю и начинает распространяться как обязательный атрибут светского (сначала столичного) образа жизни. Не случайно первый крокет-клуб в России был создан при посольстве Великобритании. Уже к 1868 г. осуществлен перевод правил игры (А. М. Дойников) [3]. С 1870-х гг. крокет выходит за пределы столицы, и обновление усадебных парков в последней четверти XIX в. включало и обустройство площадки для крокета. Ярким примером таких тенденций стало формирование усадеб Ильи Репина в Здравнёво возле Витебска (1892). Примечательно, что все планировочные работы, архитектуру и дизайн усадьбы он делал сам (в том числе и площадку для крокета, где играл с родственниками и гостями). Способствовала популяризации крокета в обществе и литература: игра упоминается в романе «Анна Каренина» Льва Толстого (1875), неожиданно злободневном политическом стихотворении «Крокет в Виндзоре» Ивана Тургенева (1876), пьесе «Леший» Антона Чехова (1889) и др. [13, с. 671].

При анализе описанных площадок для крокета выделяется усадьба Бохвицей во Флерьяново. Ян Бохвиц во время обновления усадебно-паркового комплекса также построил крокетную площадку, однако она была рассчитана не только на хозяина. Так как Бохвицы сдавали комнаты для отдыха различным и многочисленным гостям (в их числе В. Реймонт, Г. Нусбаум, Ю. Катарбинский, семья Рейтанов, Э. Ожешко и др.), то играли здесь все гости, а крокет из Флерьяново распространился по всей округе. Таких примеров в белорусских губерниях достаточно много, по подсчетам автора статьи, – более 70 площадок. Гродненский губернатор М. Осоргин своеобразно охарактеризовал свою резиденцию в 1902 г.: «Сад губернаторского дома был обширный и с фонтаном, цветниками, площадками для тенниса и крокета» [9, с. 680].

Однако рост других видов спорта вытесняет крокет на второй план: велосипед и теннис, футбол и бокс, автомобиль и яхты замещают его в приоритетах элиты. Крокет становится востребованным средним классом, учащимися, семьями на отдыхе. В начале XX в. он присутствует как обязательный вид развлечения в городских парках и на гимнази-

ческих площадках. Крокет обладал значительным преимуществом – для него не требовались специальная физическая подготовка и экипировка, т. е. в крокет играли без ограничений как дамы, так и мужчины, дети и пожилые люди. Не было затруднений с игровой формой одежды, особенно для женской части игроков.

Предшественники игры, похожей на современный теннис, как и крокет, известны со времен Средневековья. Однако первые официальные правила современного большого тенниса были разработаны только в 1874 г. майором британской армии У. Вингфилдом. Практически сразу теннис распространился в Европе, в том числе и в Российской империи. Среди первых известных упоминаний – описание игры в уже упомянутом романе Льва Толстого «Анна Каренина», события которого датируются примерно 1875 г. [15, с. 195]. При этом по сюжету персонажи играют в теннис «на тщательно выровненном и убитом крокет-граунде, по обе стороны натянутой сетки с золочеными столбиками» [13, с. 672].

В белорусских губерниях теннис развивался по нескольким направлениям и прошел два основных этапа. Первый этап – до начала XX в. (примерно до событий 1905–1907 гг.). В это время лаун-теннис был недорогим развлечением, которое могли себе позволить только самые богатые представители нашего региона. Еще в 1890 г. в Несвиже по распоряжению Радзивиллов был построен теннисный корт с необходимым оборудованием, привезенным из Великобритании. Успех тенниса в обществе был заметен – корты появились во многих особняках, игры вызвали у зрителей массу эмоций. Алексей Полторацкий, учитель гимнастики Полоцкого кадетского корпуса, описал одну из усадеб Витебской губернии во время речной прогулки с кадетами по Западной Двине летом 1901 г.: «Старый барский дом в великолепном виде и снабжен всеми приспособлениями современного комфорта. Метеорологическая станция с самопишущими приборами, телефонное сообщение с почтовой станцией. Племянница графа Медема взяла кадет под особое покровительство и обучила их играть в лаун-теннис. Кадеты чрезвычайно увлеклись новой для них игрой и показали быстрые успехи» [10, с. 81]. Интересно, что сам преподаватель (из потомственных военных) приехал в Полоцк из Санкт-Петербурга и хорошо знал лаун-теннис.

Софья Тышкевич в своих воспоминаниях начала XX в. упоминала: «Казимир Любомирский часто навещал своих английских родственников в их родовых замках. Там он начал заниматься спортом. По возвращении домой приобрел оборудование, в том числе сетки, мячи, ракетки.

Один из кортов был построен в Ландварово, где он научил играть всех своих родственников. Сначала игроков было немного, но через некоторое время соседи оборудовали корты в своих имениях. Начались серьезные игры» [18, с. 74]. Постепенно инфраструктура лаун-тенниса стала неотъемлемой частью для дворянских собраний и зон отдыха. Так, корты построили на самом популярном курорте нашего региона – в Друскениках, они появились при дворянских губернских собраниях. София Ромер дает им подробную характеристику, описывает своих партнеров по играм в Вильно – среди них епископ Э. фон Ропп, Юзеф Тышкевич (кстати, корты в Ландварово принадлежали ему), Ян Плятер-Зибберг [17, с. 60.]. В целом 90-е гг. XIX в. большую роль стали играть развлечения, пришедшие из английских земель (этому способствовал неформальный статус Великобритании как одного из лидеров мирового спорта, а также постепенное политическое сближение с Россией).

Теннисный корт на территории усадьбы был популярен и в глубинке, у менее обеспеченных дворян. Теннис был признаком хорошего вкуса, элитарности. Интересный пример такого увлечения лаун-теннисом в глубинке можно найти в усадьбе «Низголово» (современный Бешенковичский район). Конрад Недзвецкий, владелец усадьбы и практикующий юрист в Санкт-Петербурге, под влиянием популярности лаун-тенниса в столице построил для себя и друзей теннисный корт в усадебном парке. Во время летнего отдыха здесь собирались друзья и родственники Недзвецких, проводя время за игрой [16]. Редкий случай, но в Центральном государственном архиве кинофотофонодокументов Российской Федерации (Санкт-Петербург) сохранились и фотографии этих игр с участием дочери хозяина – Анны.

События революции 1905 г. стали важной вехой в развитии лаун-тенниса в белорусских губерниях. Под влиянием общероссийских процессов происходит становление общественных спортивных организаций, дают результат реформы в сфере образования и армии, где формируется система занятий физической культуры и спорта. Материальные трудности преодолевались по-разному. Первый вариант практиковался в армии, где теннисные корты строили по инициативе офицеров за счет армейских частей. Например, офицеры Брестской крепости накануне Первой мировой войны организовали себе корты для большого тенниса, при этом члены офицерских семей также имели право посещать корты на территории крепости: «После обеда от пяти до восьми часов многие из инженеров вместе с членами их семейств играли в лаун-

теннис на бетонной площадке, устроенной на территории питомника в самой крепости. При этом участвующие в игре по очереди устраивали для всех чай под раскидистыми черешневыми деревьями. Лаун-теннис был единственным видом спорта, который процветал среди инженеров крепости» [2, с. 66]. Инициатором строительства кортов был полковник Н. В. Короткевич-Ночевной, который перенес эту традицию из Варшавы, с прежнего места службы. Интересная деталь, отмеченная В. Догадиным, это оригинальное покрытие корта – бетон. В это время традиционно преобладали травяные (Несвиж, Ландварово, Гродно) и грунтовые покрытия (теннисный корт такого типа размещался на территории филиала Петербургского кавалерийского училища в Поставах).

Вторым направлением развития лаун-тенниса стала система учебных заведений, где по инициативе руководства приобреталось необходимое снаряжение за счет капитала учебного заведения. Так, при ремонте гимназии и детской площадки в 1901 г. Белостокское реальное училище получило от попечителя Виленского учебного округа разрешение на закупку оборудования для лаун-тенниса [6, л. 4]. Гродненская мужская гимназия пользовалась кортами местного общества любителей физического развития, минские гимназисты играли на кортах в Губернаторском саду.

В это время было открыто первое российское производство необходимого теннисного инвентаря – фабрика братьев Цыганковых. Максим и Михаил Цыганковы прошли сложный путь создания технологии производства. Разработка собственных форм и деталей сочеталась с поездками за границу, где они изучали и перенимали опыт лучших европейских производителей. На основании полученных результатов была создана первая российская ракетка «Максим» (только струны закупались в Великобритании) [14, с. 122]. Ракетки этого типа до 1915 г. благодаря доступной стоимости поступали в гимназии Могилева и Гродно, использовались на кортах в Друскениках, частных усадьбах. Образцы иностранных моделей ракеток, мячи, сетки продавали многие производители: «Завод военно-походного снаряжения и гимнастических аппаратов А. Лаубе» (в основном для структур Военного министерства), чешские сокольские образцы поступали в наши губернии через виленскую «Фабрику гимнастических снарядов И. Виндыша и К» и киевскую фабрику «В. Орт и Кашпар» [11]. Каждый из производителей проводил агрессивную рекламную политику, а зона их интересов достигала Пскова и Орла.

Манифест Николая II в октябре 1905 г. привел к появлению в Российской империи множества новых организаций, в том числе спортивных. Это позволило создавать теннисную инфраструктуру за счет городских властей, меценатов или общественных средств во всех белорусских губернских центрах. Минское общество любителей спорта получило право на открытие велотрека, а вместе с ним в губернаторском саду появился теннисный корт. Гродненский яхт-клуб при регистрации отметил среди уставных целей обучение игре в лаун-теннис. В Вильно доступные для горожан теннисные корты располагались, как и в Минске, в городском (Бернардинском) саду. О могилевской молодежи позаботилось городское общество физического развития: «Благотворительный комитет, заботившийся о физическом развитии могилевской учащейся молодежи, устроил на пустом участке нечто вроде спортивного клуба. Были даже теннисные площадки с возможностью брать “ракеты” на прокат» [1, с. 28]. Интересно, что участие женщин в спортивных играх даже в 1910 г. для местных могилевских обывателей еще было непривычным: «С. А. Плетнев преподавал русскую словесность. Сразу вызвал к себе расположение тем, что стал появляться на спортивном “Плацу”. Мог и хорошо в теннис сыграть. Вскоре он женился, и его молодая жена тоже могла сыграть в теннис. Это почему-то вызвало уже восторг» [1, с. 29].

В таких условиях лаун-теннис и крокет становятся более доступны городскому обывателю, входят в их повседневные развлечения. Интересно наблюдение М. Осоргина в 1904–1905 гг. из окон губернаторского дома: «Помню, как я неоднократно наблюдал, как чиновники особых поручений выпрыгивали через окно в сад, чтобы принять участие в партии тенниса» [9, с. 682].

Прокат инвентаря и аренда площадок, возможность наблюдать за состязаниями в городских условиях приводят к достаточно быстрому росту спроса. Отчеты спортивных обществ в белорусских городах позволяют оценить динамику. Например, доходы от аренды теннисного корта и проката ракеток с мячами за 1908–1910 г. у Гродненского общества содействия физическому развитию ощутимо выросли. Если летний сезон 1908 г. принес лишь 52 рубля прибыли, то аналогичный период 1910 г. – уже более 100 рублей. Это позволило выделять больше средств на закупку нового оборудования – отчисления по этой статье расходов выросли с 20 до 60 рублей [7, л. 53–54]. При этом преємственность «крокет – теннис» просматривается и здесь – прибыль от крокет-

ной площадки в Гродно за лето 1910 г. составила менее 10 рублей [7, л. 55]. Цены по губернии отличались немного – в Друскениках час игры в лаун-теннис на грунтовом корте составлял 50 копеек без предоставления ракеток и мячей, 65 копеек – с ракетками и мячами. Удовольствие игры в крокет на курорте в 1908 г. оценивалось в 10 копеек за час. Необходимо учесть, что в Гродно и окрестностях были и другие площадки, от ведомственных (военные) до сословных (площадки для крокета и лаун-тенниса в яхт-клубе) [8, л. 5].

Признаком интереса к лаун-теннису и одновременно отражением постепенного расширения его границ стало издание с 1912 г. в Российской империи ежемесячного журнала «Лаун-теннис» под редакцией А. Макферсона. В нем публиковались постановления, отчеты и циркуляры Всероссийского союза лаун-теннисных клубов, информация о деятельности объединений теннисистов по всей стране, отчеты о соревнованиях, зарубежная хроника, специальные профессиональные статьи о теннисе, тематические фельетоны и стихи, календарь для теннисистов, карикатуры и прочие материалы. Проблемы развития тенниса в 1910–1914 гг. подробно рассматривали популярные общественно-спортивные издания, в первую очередь журнал «Русский спорт». Отражением масштаба популярности тенниса в Российской империи стало уникальное издание «Ежегодник Всероссийского союза лаун-теннисных клубов», выходившее с 1909 г.: на его страницах более полусотни клубов России, классификация игроков, правила игры и инструкции по оборудованию площадок, календарь, обзор состязаний в стране и мире [5, с. 251]. Ежегодник рассказывал о десятках клубов, но, к сожалению, по объективным причинам создать профильный лаун-теннисный клуб в белорусских губерниях не сумели.

Обеспеченность информационно-справочными материалами по лаун-теннису в Российской империи была также достаточно высока. Самыми популярными стали: «Большой теннис. Игра в мяч, развивающая ловкость, силу и ловкость глаза» (М. Волков, 1890), «Английские подвижные игры. Пособие для педагогов и молодежи» (Е. Дементьев, 1891), «Игра лаун-теннис. Руководство и правила игры» (П. Гросс, 1905), «Теннис. История его развития, техника и тактика игры» (П. Патрон, 1914) и др. Г. А. Дюпперон в своей библиографической работе приводит почти сотню изданий, посвященных игре в лаун-теннис. Причем перечень мест издания не только Москва или Санкт-Петербург, охватывает и Львов, и Одессу, и Киев, и Нижний Новгород, и Ригу, и даже Могилев.

Могилевские любители спорта в 1911 г. издали «Правила игры в лаун-теннис» [4, с. 172]. Бесплатные иллюстрированные каталоги с игровыми принадлежностями позволяли удовлетворить спрос всех категорий желающих.

Лаун-теннис стал частью олимпийского движения, что также сказалось на спросе среди горожан. Молодежь, особенно обучавшаяся в столицах, находила себе новых кумиров, в том числе и чемпиона Российской империи графа Михаила Сумарокова-Эльстона.

Крокет и большой теннис стали первыми видами спорта, появившимися в нашем регионе в конце XIX в. Первые два десятилетия они оставались времяпрепровождением аристократов, но в последнее дореволюционное десятилетие стали набирать популярность среди зажиточного городского населения и молодежи. К 1914 г. крокет и большой теннис стали частью повседневной культуры городского среднего класса. Этому способствовали различные факторы, в том числе изменение позиции государства в отношении физической культуры, реформы в структурах вооруженных сил и системе образования, появление спортивных общественных организаций, формирование курортной структуры Российской империи, рост общественного сознания и популяризация физической культуры и спорта через прессу и Олимпийские игры.

Список использованных источников

1. Власов, А. А. Воспоминания о Могилеве / А. А. Власов // Русский путь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gr-net.ru/book/archival_materials/vlasov.php. – Дата доступа: 17.11.2020.

2. Догадин, В. М. Вместе с Д. М. Карбышевым / В. М. Догадин // Отечествен. архивы. – 2002. – № 2. – С. 55–79.

3. Дойников, А. М. Постановка и правила игры в крокет / А. М. Дойников. – М., 1868. – 14 с.

4. Дюпперон, Г. А. Библиография спорта и физического развития. Систематическая роспись всех книг, брошюр, журналов, вышедших в России по 1913 год включительно / Г. А. Дюпперон. – Пг.: Тип. Н. И. Фёдорова, 1915. – 354 с.

5. Изнар, В. Обзор главнейших состязаний за границей за 1912 г. / В. Изнар // Ежегодник Всероссийского Союза лаун-теннисных клубов за 1912/1913 г. – 1913. – Вып. V. – С. 250–262.

6. Литовский государственный исторический архив (далее – ЛГИА). – Ф. 567. Оп. 12. Д. 487. – О постройке гимнастического городка в Белостоке.

7. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (далее – НИАБ в г. Гродно). – Ф. 103. Оп. 1. Д. 109. – Об открытии общества велосипедистов в г. Гродно и Белостоке.

8. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 103. Оп. 1. Д. 114. – Об учреждении Гродненского речного яхт-клуба.

9. *Осоргин, М. М.* Воспоминания или что я слышал, что я видел и что я делал в течение моей жизни. 1861–1920 / М. М. Осоргин. – М.: Рос. Фонд Культуры, 2008. – 1000 с.

10. *Полторацкий, А.* Старым варяжским путем / А. Полторацкий. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1903. – 121 с.

11. Прейс-Курант гимнастических снарядов, принадлежностей для фехтования и спорта. Завод военно-походного снаряжения и гимнастических аппаратов А. Лаубе. – СПб., 1912. – 40 с.

12. *Суник, А.* Российский спорт и олимпийское движение на рубеже XIX–XX веков / А. Суник. – М.: Сов. спорт, 2004. – 764 с.

13. *Толстой, Л. Н.* Анна Каренина / Л. Н. Толстой. – М.: Азбука, 2012. – 864 с.

14. *Фоменко, Б. И.* История лаун-тенниса в России / Б. И. Фоменко. – М.: Большая Рос. энцикл., 2000. – 223 с.

15. *Хмельницкая, И. Б.* Спортивные общества и досуг в столичном городе начала XX века. Петербург и Москва / И. Б. Хмельницкая. – М.: Новый хронограф, 2011. – 336 с.

16. *Niedzwiecki, K.* Ze wspomnień / K. Niedzwiecki. – Warszawa: Nasa drukarnia, 1931. – 80 s.

17. *Širkaitė, J.* Sofijos Romerienės vaikystės ir jaunystės Vilnius / J. Širkaitė // Vilnius kaip dailės mokymo ir sklaidos centras / sudarytojas V. Jankauskas. – Vilnius: Vilniaus dailės akademijos leidykla, 2003. – P. 53–64.

18. *Ustrzycki, M.* Ziemianie polscy na Kresach w latach 1864–1914. Świat wartości i postaw / M. Ustrzycki. – Kraków: Arcana, 2006. – 406 s.

(Дата поступления: 03.12.2020).

Воронич Т. В.

УО «Белорусский государственный экономический университет»,
Минск, Беларусь

Voronich T.

Belarus state economic university, Minsk, Belarus

УДК 070.1:340.114.6(476)(091)

**«ЦЕМНЯКІ», «БРУХАРЭЗЫ» И «НАША ПАЛПЦЫЯ» –
ПРАВОНАРУШЕНИЯ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ
«НАША НИВА» (1906–1915)**

**«TSEMNYAKI», «BRUKHAREZY» AND «OUR PALITSYA» –
OFFENSES ON THE PAGES OF THE NEWSPAPER
«NASHA NIVA» (1906–1915)**

В газете «Наша Нива» регулярно поднималась и обсуждалась проблема правонарушений на территории Беларуси. В том числе рассматривались такие вопросы, как нелегальная эмиграция, противоправные действия полиции, проституция, убийства новорожденных, уход за детьми и их воспитание. Отдельно в газете выделялась проблема сельской преступности – так называемого хулиганства. Широкое распространение правонарушений было обусловлено целым рядом социально-экономических, культурных, национальных и других причин, таких как пьянство, так называемая темнота народа, негативное влияние города на деревню и т. д. Свои задачи «Наша Нива» видела в культурно-просветительской и воспитательной деятельности по борьбе с правонарушениями.

Ключевые слова: правонарушение; преступность; Наша Нива; XIX – начало XIX в.; эмиграция; полиция; дети; убийство; хулиганство.

The newspaper «Nasha Niva» raised and discussed regularly the problem of offenses on the territory of Belarus. Such issues as illegal emigration, illegal actions of the police, prostitution, murder of newborns, child care and upbringing of children were considered, the problem of rural crime was separately highlighted in the newspaper, which is called hooliganism. The widespread occurrence of delinquency was due to a variety of socio-economic, cultural, national and other reasons, such as alcohol abuse, so called «darkness of people», the negative influence of the city on the countryside, etc. The goals of Nasha Niva were cultural and educational activities to fight against offenses and enlightenment of people.

Keywords: offense; crime; Nasha Niva; XIX – early XIX centuries; emigration; police; children; murder; hooliganism.

«Наша Нива» на своих страницах поднимала и обсуждала самые разные социальные вопросы, в том числе и такую проблему, как правонарушения. Тема преступности и в целом правонарушений является одной из наименее изученных в современной белорусской историографии. Вместе с тем преступность является очень ярким индикатором всех социальных, экономических и культурных процессов, которые происходят в обществе, помогает понимать и анализировать самые разнообразные проблемы и происходящие изменения на определенном историческом этапе.

Одной из таких проблем, которая активно обсуждалась на страницах «Нашей Нивы», была нелегальная эмиграция населения белорусских губерний. Массовая эмиграция создала благодатную почву для мошенничества. Массовый поток эмигрантов шел в США, Бразилию. Наибольшее количество эмигрантов выезжало в США из Австрии, Германии и России. По данным «Нашей Нивы», в 1911 г. через порты Бремена, Гамбурга и Антверпена выехало свыше 255 тыс. эмигрантов, а в 1913 г. – уже почти 400 тыс. [19]. Стремительно увеличивался поток эмигрантов из Российской империи. В 1911 г. через порт Либавы (совр. Лиепая, Латвия) выехало свыше 35 тыс. человек, а уже в 1912 г. – свыше 57 тыс.

На территории белорусских губерний действовали различные конторы и агенты, в том числе нелегальные, которые оказывали услуги по оформлению выезда за границу. На территории Беларуси нелегальные (подпольные, тайные) агенты, пользуясь неграмотностью, в том числе и юридической, потенциальных эмигрантов, широко навязывали свои услуги и получали огромную клиентуру для своих мошеннических операций [9, с. 34–35]. В поисках клиентов агенты разъезжали по деревням и местечкам, активно рекламируя свои услуги, описывая сказочные условия жизни в Америке. Америка представлялась «золотым дном, дзе чуць што, на кожным плаце вісяць бліны, а пад платом макалка стаіць» [21]. Но агенты не знакомили переселенцев ни со стоимостью поездки, ни с правилами пересечения границы, ни с реальными условиями жизни и работы на новом месте.

По данным «Нашей Нивы», в 1912 г. легальная поездка в Нью-Йорк вместе с оформлением заграничного паспорта стоила 125 рублей. Тайные агенты, пользуясь неосведомленностью переселенцев, брали с них по 150 рублей [15]. По данным «Нашей Нивы», в 1911 г. непосредственно сам переход через границу стоил 50–70 рублей, дорога до Гамбурга

или Штеттина (совр. Щетин) – 20 рублей. Жители приграничных территорий также занимались бизнесом – перевод одного человека через границу стоил 15 рублей [9, с. 34–25].

В 1913 г. стоимость услуг официальных агентов уже возросла до 200 рублей. В эту сумму входило оформление заграничного паспорта и обязательный осмотр у доктора. Оформление паспорта в Российской империи стоило 15 рублей, занимало полгода и было сопряжено с выполнением целого ряда бюрократических формальностей [24, с. 34–35]. К тому же заграничный паспорт выдавался на полгода. За каждый просроченный год пользования паспортом начислялся штраф в размере 30 рублей. Это была одна из причин, по которой переселенцы ехали без паспортов. Агенты брали с эмигрантов те же 15 рублей за перевод через границу без паспорта.

Переселенцы, которые отправлялись в путешествие без заграничных паспортов, пересекали русскую границу «ночью, балотам, паўзком», переплывали реки и нередко заболели. Часто официальные (патентованные) агенты, получив информацию о переселенцах без паспортов, сообщали об этом в полицию. Беднякам даже не давали добраться до русской границы и возвращали домой.

Все тайные агенты действовали по одной отработанной схеме. Как правило, взяв деньги, агенты привозили переселенцев к границе и сбегали от них. Оставшись одни в чужой стране без знания языка, проблуждав несколько недель по пристани, неудавшиеся эмигранты возвращались домой.

Кроме того, агенты не знакомили эмигрантов с особенностями правил въезда в США. В данный период США ужесточают законодательство в отношении эмигрантов. Так, въезд был запрещен людям с инфекционными заболеваниями. Агенты либо не сообщали об этом переселенцам, либо организовывали для них фиктивный осмотр у такого же врача-мошенника. По результатам осмотра врач выдавал им справку о том, что человек здоров, либо назначал дорогостоящее лечение. Заплатив 10–15 рублей за три-четыре дня, человек «излечивался» от трахомы (инфекционное заболевание глаз) или туберкулеза. Будучи обманутыми, люди с инфекционными заболеваниями отправлялись в путешествие. На пристани перед посадкой на корабль в США осмотр врача был обязателен. На корабль инфекционных больных не пускали. Люди вынуждены были возвращаться домой.

Нередко агенты вступали в сговор с владельцами пароходных компаний, получая определенный процент с каждого приведенного пассажира [13].

Проблема нелегальной эмиграции имела глобальный характер. На территории Беларуси действовали международные преступные группировки. Нередко агенты работали в сговоре с американскими землевладельцами либо сами были владельцами обширных плантаций, вербуя здесь дешевую и бесправную рабочую силу. Так, по данным «Нашей Нивы», в 1913 г. некий Гутман активно агитировал крестьян к переезду в Бразилию, рассказывая, что в Бразилии дешевая земля, нет никаких налогов. Выяснилось, однако, что сам Гутман является владельцем обширных кофейных плантаций в Бразилии, а эмигранты работали фактически на условиях рабов. Проблема получила международную огласку. Русский консул в Рио-де-Жанейро вынужден был обратиться с соответствующим заявлением к местным властям с целью прекращения фактически торговли людьми. Однако проблема решена не была. Позже выяснилось, что этот Гутман развернул широкую деятельность в Англии. В Лондоне он открыл свою контору, ставшую центром его деятельности [21].

Даже попадая в Америку, эмигранты не всегда могли устроиться на новом месте, найти работу, жилье и начать новую счастливую жизнь. Они не знали языка, местных правил и законов, не ориентировались на рынке труда и в поиске жилья, не имели никаких контактов для получения помощи. Переселенцы вынуждены были возвращаться домой.

Готовясь к эмиграции, крестьяне продавали свои дома, хозяйства. Фактически все эти деньги переходили в руки мошенников. «Наша Нива» в 1913 г. описывала историю одной группы переселенцев в Бразилию. На станции Пуховичи центром внимания стала группа из 16 семей, которые возвращались домой в Игуменский повет. Оказалось, что на заработки они решились ехать под воздействием рассказов некоего агента, представителя эмигрантской конторы Мисьлера из Бремена. Планируя переезд, крестьяне продали свои дома и землю. Все эти деньги практически полностью затем присвоили себе агенты в качестве оплаты за проезд и питание. На пароходе, на котором они плыли в Бразилию, были просто нечеловеческие условия – «абыходзіліся з імі як са скацінай» – умерло 10 детей. В самой Бразилии по дороге к месту назначения умерло еще трое детей и двое мужчин. Часть пути они шли

пешком, поскольку не было денег на железнодорожные билеты. По дороге в лесу их настигло наводнение. В Уругвае им удалось собрать немного денег, добраться до Буэнос-Айреса и вернуться в Россию, где «их чакае цяжкая доля». Положение этих людей было настолько бедственным, что пассажиры собирали им деньги на питание [25].

«Наша Нива» в 1913 г. отмечала, что ежедневно из Америки возвращается по 300–400 человек [22]. Однако это не останавливало искателей лучшей жизни. Ежедневно в Америку отправлялось 500–600 эмигрантов. Желających было столько, что им не хватало мест на кораблях. В Либаве одновременно собиралось до 2650 человек в ожидании отправки в Америку [25].

Для организации легального переезда в Америку в Вильне было создано и действовало Товарищество опеки над эмигрантами [13], которое бесплатно оказывало юридическую и организационную помощь. Однако это не решило проблемы. Крестьяне по-прежнему становились жертвами тайных агентов.

Проблема массовой эмиграции, которая приводила в итоге к оттоку самого лучшего и трудоспособного населения, заключалась в экономической политике самих российских властей [25]. По мнению автора «Нашей нивы», требовалось реформирование экономики, предоставление дешевого кредита, повышение оплаты труда и т. д., чтобы сделать работу в Российской империи настолько же привлекательной, как и в США [25].

Еще одной проблемой, которая привлекала пристальное внимание газеты «Наша Нива», были нарушения закона сотрудниками правоохранительных органов Российской империи. На страницах газеты регулярно публиковались статьи о противоправных действиях полиции не только местного, но и общероссийского масштаба.

Широкое освещение в «Нашей Ниве» получили факты массовых избиений и пыток политических заключенных в тюрьмах Прибалтийских губерний. Политических заключенных, в том числе и несовершеннолетних, избивали, зверски пытали, добываясь от них необходимого признания, а затем расстреливали. В Думе был заслушан доклад специальной комиссии, в котором описывались пытки над заключенными – людям ломали кости, вырывали ногти и волосы, выдавливали глаза, избивали до такой степени, что мышцы начинали отслаиваться от костей, раны посыпали солью. Министр же юстиции все опроверг, заявив, что начальство тюрем ничего противозаконного

не совершалось. А если что-либо и происходило, то исключительно по вине самих заключенных [2, 3].

Давать правовую оценку действиям сотрудников полиции авторы не могли, но описать события ярко, образно и тем самым выразить свое отношение к событиям они умели.

В «Нашей Ниве» в 1914 г. появилась заметка – события происходили в Дисне. К одной женщине пришли городовые, которые должны были взыскать долг. В счет этого долга городской Мишута решил забрать у женщины часы. Однако женщина воспрепятствовала этому. Городовые схватили женщину за руки. Произошла потасовка, в результате которой городской сумел таки отобрать часы. «Старая ўжо відаць адвыкла ад няняк дык яна і неўпадабала такой работы: пасля выхаду гарадавых дзве гадзіны спусьця – памёрла». В соответствии с законом было проведено вскрытие тела умершей женщины при понятых. Понятые видели синяки на руках женщины, рану в боку женщины от удара часами и порваную на ней одежду. Но вот определить причину смерти понятые не могли, поскольку не врачи. Полиция же после вскрытия тела запретила говорить о том, что женщина убита, «а што яна памерла са злосці». И, как отмечает автор статьи, «...яно мусі так і было, бо каб кабета была забітая, дык Мішута пэўне-б не служыў гарадавым, а то ён як служыў, так і служыць». Ситуация была очевидной. Городовые превысили служебные полномочия, применили насильственные действия по отношению к женщине, что привело в итоге к ее смерти. Однако руководство полиции решило скрыть этот факт и никаких мер по отношению к своим подчиненным применять не стало [3].

Общество, остававшееся традиционным, сохраняло и поддерживало приоритет физической силы и власти, а не верховенство закона. В 1913 г. в «Нашей Ниве» появилась заметка «Наша паліцыя». В Саратовской судебной палате рассматривалось дело урядника и стражника, которые истязали крестьянку. События произошли еще в 1908 г. в одной из деревень Саратовской губернии. Урядник и стражник в пьяном виде ночью зашли в один из крестьянских домов и стали производить «обыск», требуя водки и денег, а затем решили расстрелять и саму хозяйку дома. Женщину поставили к стене, однако пуля прошла мимо. Тогда с женщины стали требовать присягу о том, что она будет молчать и никому ничего не расскажет, стали пытать и избивать ее, выбив ей все зубы. Женщину мучали до самого утра. Утром ее в луже крови обнаружили соседи и попытались отвезти в больницу. Однако появившийся

урядник пригрозил всех расстрелять. Только обманом удалось завезти женщину в больницу. Попытки крестьян обратиться к властям тоже не удались. Поражают жестокость и уверенность в полной вседозволенности и безнаказанности действий сотрудников полиции. Пользуясь наличием оружия в руках, «представители закона» держали в полном подчинении все население деревни, совершая преступления. Только спустя два с половиной года, в августе 1910 г., дело случайно попало в суд. В итоге урядник и стражник были приговорены к четырем годам арестантских рот каждый [21].

Данный дикий случай был проявлением той тенденции, которая существовала в обществе. Низшие полицейские чины, пользуясь безнаказанностью и тем, что закон был на их стороне, хотя бы потому, что в их руках были оружие и власть, не стремились соблюдать законность своих действий и превышали свои власть и служебные полномочия. Особенно ярко это проявлялось в отношении низших слоев населения. Отдельную категорию в этом отношении составляли пьяные. Для любого кирмаша они были обычным явлением. Как отмечает один из авторов «Нашей Нивы» Смургонец, во время кирмаша в Сморгони «не здівішся надта, калі відзіш іншы раз, як аднаго за другім цягнуць стражнікі пьяных у “рыштанскую”, і бывае, што злось і смех разбірае, гледзючы на п'янага і абapol яго двух стражнікаў, схапiўшых таго за што толькі можна ўчапiцца. Нап'эўна ведаеш, што той п'яны не далiчыцца аднаго, або двух гузiкаў на сваёй кажарынцы. Але-ж добра знаеш i тое, што гэта ён – п'яны, а стражнікі цвярозы...» [31]. Однако в один из кирмашей все пошло не по плану. Пьяных не было, арестовывать было некого. Но жертва все же нашлась. Стражники решили прицепиться к одной женщине, чей воз стоял там, «где не нравилось стражникам». Один из стражников «облаял» женщину. «Тая паслала яго лаянку да той асобы, што на чатырох лапах бегае». «Загарэлася стражніцкае сэрца». Стражники решили арестовать ее. Женщина начала спорить. Стражники запрыгнули на ее воз, схватили бедную женщину за волосы и стали ее бить. Женщина подняла крик, на который сбежалась толпа народа. Появился и ее муж. Досталось и ему как «соучастнику». «Воз, видишь ли не там стоял. Оскорбление чести совершено!»

В заключение автор пишет: «Кончылі з бабай. Гарыць і рымiць стражніцкае сэрца ад нуды – арэштаваць няма каго... У астатку дня яны ўжо вадзілі на “вытрэзвенiе” самi сваiх» [31].

Коррупция, взяточничество были частью повседневной жизни полиции. В 1912 г. на страницах «Нашей Нивы» собственный корреспондент Тутэйшы рассказывал о ситуации в Радошковичах, когда следователь в течение двух месяцев так и не начал уголовное дело по факту убийства крестьянской женщины. Женщина была убита выстрелом из оружия неким паном Григоровичем лишь за то, что она собирала в его лесу грибы. За эти два месяца бездействия следователя Григорович успел скрыться за границей. «Бог ведае як будзе, трохі і шкада гэтага следавацеля, бо ён чалавек ня кепскі...». Человек и неплохой по сути, но своим бездействием помог преступнику скрыться [17].

Особой критике подвергались действия полиции по охране общественного порядка. В соответствии с законодательством Российской империи митинги и собрания были запрещены. Тем не менее действия полиции по применению этого закона были избирательны. Оппозиционные собрания и прочие другие запрещались, в то время как провластные общественные мероприятия оказывались за рамками действия закона.

В 1913 г. сборок «Нашей Нивы» Степан Сельчук писал: «У нашим горадзе (т. е. Бобруйске), як і ўсюды, добрым людзям ня можна сабірацца, пагаварыць аб тым, каго выбіраць у Гасударственную думу, кабы выбраць у яе чалавека, каторы стаяў бы за жадання працавітага народу. Адным толькі “істінно рускім людзям”, тым, што думаюць толькі пра сабе, ня хочучь народу дабра, можна сабірацца калі і як яны захочуць» [1].

В 1908 г. «Наша Нива» сообщала, что в Пинске «ня глядзячы на тое, што па закону ня можна рабіць сходаў і сабранняў, Тополеву не прашкаджае ніхто збіраць народ на рынку, на вакзале, на берагу ракі і весьці чорнасоценныя гутаркі. За ўсю сваю “працу” ён дастае пенсію ад “Саюза рускага народу”» [5, с. 6–7]. В том же 1908 г. в местечке Мир был оштрафован учитель за «незаконное собрание» на 50 рублей. Вся «незаконнасць» была в том, что к хозяйке, где проживает учитель, «приходило много молодых людей, бо ў яе ёсць дочка» [4, с. 5].

Ситуация порой доходила до абсурда. В 1909 г. в местечке Красное Виленской губернии Вилейского повета урядник даже пытался запретить празднование Купалья. Как предполагает корреспондент «Нашей Нивы», лишь только потому, что на празднике присутствовали два учителя из Ковенской губернии. Они совершали велосипедный тур в Крым, причем для этой поездки имелись все необходимые разрешения. Про-

езжая через местечко, они остановились заночевать у местного учителя, а узнав, что ночью идут гулянья, отправились на праздник, что и вызвало страшные, вероятно, подозрения у местного урядника. Гулянья были объявлены незаконной сходкой, из Молодечно были вызваны два жандарма, вместе с которыми урядник наблюдал за гуляющими, спрятавшись в кустах. После того, как все разошлись, был составлен протокол «такі несправядлівы, што не дай Бог». В протоколе, например, было указано, што на гулянье присутствовали жители, которые в названное время вообще находились дома со своими малолетними детьми [6].

Данные факты не представлялись как нечто сверхъестественное и исключительное, выходящее за рамки повседневной жизни. Стиль изложения материала, ирония и сарказм, с которыми подавался материал, указывают на то, что это было обыденностью, частью повседневной жизни и нормой для поведения полицейских служащих.

Особо на страницах «Нашей Нивы» можно выделить женскую тему преступности, когда жертвами либо преступницами были сами женщины. Так, на страницах издания периодически поднималась тема проституции. В газете описывались схемы вовлечения девушек и женщин в проституцию, обсуждалась проблема международной торговли женщинами, особый акцент делался на детскую проституцию.

Отдельно необходимо выделить группу преступлений, в которых жертвами были дети. Преступницами здесь преимущественно становились женщины. Матери, стремясь избавиться от нежеланных детей, убивали их. В 1912 г. в Несвиже в колодце был обнаружен труп заживо утопленного ребенка с привязанным к нему камнем [11]. В 1913 г. из Белостока была отправлена посылка. По месту назначения за почтовым отправлением никто не пришел, вскоре появился очень неприятный запах. Когда посылку вскрыли, то обнаружили в ней труп ребенка [23].

Очень часто дети погибали, поскольку были оставлены без присмотра взрослых. Сельские женщины уже на второй-третий день после родов выходили на полевые работы, беря новорожденных детей с собой. Дети находились фактически без присмотра. Так, в 1912 г. в Горечком уезде произошел типичный случай – женщина оставила своего ребенка в люльке на краю поля. Порывами ветра ребенка несколько раз выбрасывало на землю [16]. Нередко дети становились жертвами бытовых ссор и драк взрослых. Так, в Вилейском уезде во время драки зацепили колыску, ребенок выпал и погиб [12].

Часто погибали оставленные без присмотра дети в возрасте от одного года до 8–10 лет. Они еще не могли сами зарабатывать, но формально уже были самостоятельные – умели ходить. Присматривать за ними было некому. Детей воспитывала улица, часто они становились жертвами несчастных случаев. Так, в Дисненском уезде родители, вернувшись домой с полевых работ, нашли четырех своих дочерей в возрасте от 1 до 8 лет мертвыми в куфаре. Предположительно девочки играли и закрылись в куфаре, но вот открыть его не смогли и задохнулись [18].

Предоставленные сами себе, дети пытались имитировать поведение взрослых, начинали рано употреблять алкоголь [27]. Нередко сами родители брали своих малолетних детей с собой в шинок [8]. Неблагополучная семейная обстановка, отсутствие воспитания и контроля приводили к тому, что дети и сами становились преступниками.

Такое достаточно пренебрежительное отношение к детям, обесценивание значимости жизни ребенка было обусловлено тяжелыми условиями жизни и стало частью менталитета. Это нашло отражение в выражении «Калі на жывое – будзе жыва, калі на мёртвае – памрэ» [16].

Отдельно «Наша Нива» выделяла проблему правонарушений в сельской местности. Для определения правонарушений сельского населения использовалось специальное выражение «вясковае хуліганства» (буянства, брыдкае свавольства). Причем под «хулиганством» понимался самый широкий спектр правонарушений – от хулиганства в его современном понимании до краж, разбоев и убийств.

«Наша Нива» с первого года издания в каждом номере публиковала сообщения о различных правонарушениях. Первоначально это были небольшие заметки, которые просто сообщали о самом факте совершения какого-либо проступка в той или иной местности, где были корреспонденты «Нашей Нивы». Причем газета публиковала факты о самых жестоких убийствах с жуткими живописными деталями. В большинстве случаев какие-либо авторские комментарии к описываемым событиям отсутствовали. С 1912 г. формат издания и самих публикаций изменился. Газетные заметки о правонарушениях стали сопровождаться заголовками, через которые автор очень образно и довольно эмоционально давал свою оценку описываемым событиям. Кроме того, появились аналитические статьи, в которых авторы ставили проблему, анализировали причины ее возникновения и рассуждали о возможных путях ее решения.

Названия статей были очень яркими и четко передавали суть той идеи, которую автор хотел донести до читателя, – «Чалавек чалавеку воўкам», «Звяр’ё, а не людзі», «Брухарэзы», «Здзічэнне», «Прапіваюць розум, дабытак і жыццём прыплачваюць», «Агідлівае бацькаубійства», «Жніво цемры» и т. д.

В 1914 г. была опубликована статья Жылака «Звяр’ё, а не людзі». В ней описывался случай с сельской свадьбы. Гости возвращались домой со свадьбы на подводах. По пути необходимо было пересечь по льду замерзшую реку. Лед оказался непрочным, и лошади ушли под воду. Местное население вместо того, чтобы броситься спасать лошадей, стало торговаться с хозяином о стоимости своих услуг. В заметке «Брухарэзы» рассказывается о том, что на сельской свадьбе один из гостей сломал скрипку. Возникла ссора, во время которой одному из парней распорили нож животом. От полученных ранений он умер. Автор задается риторическим вопросом о том, что «убийц ссылают на каторгу, а все-таки их число, число хулиганов растет и растет» [26].

В 1913 г. Ф. Красовский в статье «Здзічэнне» описал драку, в которой на одного сельского парня напали трое с ножами и камнями. В результате парню было нанесено свыше десяти ножевых ранений, от которых он и умер. Подводя итог, автор восклицает: «O tempore, o mores!»

В 1913 г. одна молодая женщина возвращалась из Америки и заночевала в околице Кибраты (совр. Кибартай, Литва). Во время разговора с хозяевами дома, в котором она остановилась, женщина призналась, что везет с собой 600 рублей, заработанных в Америке. Спать женщину положили около печи. Ночью хозяин вышел из дома, а хозяйка, сославшись на то, что ей холодно, поменялась с женщиной спальными местами. Вернувшийся хозяин с размаху ударил топором по голове лежавшую возле печи. Женщина, которой этот удар и предназначался, выскочила в окно. Прибежавшие соседи увидели страшную картину: возле печи окровавленный труп хозяйки и повесившийся хозяин в доме.

В 1913 г. в Свенцяном уезде один из рыбаков вытянул из реки вместо рыбы человеческую ногу. Вскоре полиция нашла и другие части тела. Один из местных крестьян Язэп Якович рассказал, что его отец вернулся домой пьяным и начал ссору с матерью, во время которой женщина убила своего мужа. Язэп, чтобы спасти свою мать от суда, расчленил тело отца и постарался его спрятать [20].

Первоначально складывается впечатление, что редакция газеты целенаправленно публиковала факты крайне жестоких преступлений для увеличения читательской аудитории. Но изменившийся формат газеты в 1912 г. показал, что цель была несколько иной. Знакома публику со случаями страшных преступлений, «Наша Нива» прежде всего проводила просветительскую и воспитательную работу. Через публикацию таких сообщений редакция показывала, до какой степени жестокости может дойти человек, лишенный общечеловеческих нравственных норм и ценностей и попавший в неблагоприятные жизненные условия. Публикуя информацию о преступлениях, «Наша Нива» проводила профилактическую работу по борьбе с преступностью, как бы предостерегала своих читателей от совершения преступлений¹.

Причины широкого распространения совершения правонарушений (и особенно таких жестоких преступлений), как и методы борьбы с ними, которые называли авторы «Нашей Нивы», были различными. Но в полемику авторы друг с другом не вступали, поскольку, хотя их концепции и отличались, но они не противоречили, не взаимоисключали, а скорее взаимодополняли друг друга.

По мнению одних авторов, причина преступности заключалась в пагубном влиянии города на деревню. Авторы указывали на особенно широкое распространение в сельской местности среди сельского населения правонарушений за последние 15–20 лет. По утверждению Задзисенкавича, «гадоў 15–20 таму наша вёска была папраўдзі “ціхая, спакойная і добрых абычаяў”», а Лемеш отмечает, что «гадоў яшчэ 10–20 людзі

¹ «Наша Нива» действительно занималась профилактической работой по предупреждению преступлений. Свою задачу газета видела также в том, чтобы знакомить читателей с различными преступными схемами и тем самым предостерегать, чтобы они сами не становились жертвами преступлений. В рассматриваемый период на территории Западных губерний Российской империи действовала хорошо организованная преступная группа, так называемые «аферисты». Мошенники обманным путем выманивали у людей большие суммы денег, обещая взамен гораздо большие суммы фальшивых денег, которые, по их словам, невозможно было отличить от настоящих. В действительности жертвы, которые, по сути, становились уже соучастниками преступления, получали, как правило, обрезки бумаги и газет [32]. Несколько таких мошеннических случаев было описано в «Нашей Ниве» в 1909 г. В заключение редакция пишет: «Той, хто чытае газеты, не даў бы гэтак падмануць сябе».

славіліся справядлівасцю і добрымі абычаямі». Тэпер же «па нашых вёсках адно і чуваць, што разбоі, ашуканствы, шэльмаўствы і лаянка, лаянка...». По всему краю одни лишь только водка, карты и разбои [29]. А. Петр-вич, описывая культурный уровень ряда деревень одной из волостей Виленского уезда, говорил, что молодежь писать и читать не умеет, а все время проводит за картами и водкой.

Распространение правонарушений, снижение культурного уровня народа, падение нравственности авторы «Нашей Нивы» связывали исключительно с влиянием города, городской цивилизации. «Не культура и цивилизация идет в нашу вёску, а *грязь культуры и цивилизации*» – «па праўдзе нічога добрага мы не прыдбалі з навінак, якія праз горады ўціснуліся ў нашу вёску, а страцілі многа» [29].

Эту «грязь культуры и цивилизации» привозит и распространяет сельская молодежь, которая отправилась в город для получения образования или на заработки. Свой «вклад» вносили и бывшие солдаты – «стоит лишь только послушать и посмотреть», что те же солдаты «сеют в душах молодых поколений і какой дают прімер», «то мороз пойдет по коже і на душе станется тяжело до слез» [29].

Молодежь приносит в свои вески «навінкі», ад каторых ... пачынаюць гніць людзі душой і целам». «Бывальцы» (т. е. бывшие солдаты) приносят «пакалечаную чужую мову, непрстойныя карчомныя, і горэй таго песьні, “меткіе словечкі” гарадзкіх вуліц, – далей ... разбойніцкую удаль нажавікоў з гарадзкіх трушчоб і п'янства ды карцёжніцтва» [29].

Задзисенкавич признает, что «большие города имеют очень много хорошего, имеют культуру и науку, но...», «...але цёмныя і пустыя галовы шукаюць пустога і цёмнага, што і знаходзяць на гарадзкіх корчмах ды публічных дамах і інш. Ныраюць, пабыўшы ў горадзе па вушы ў гарадзкім балоце, у гарадзкім брудзе і гэты бруд прыносяць у вёскі. Каб нашы “эдукаванныя” па гарадзкому “панічы” прынасілі толькі расейскіе песьні і расейскую мову, то гэта яшчэ нічога, з гэтым яшчэ можна было б мірыцца. Праўдзівай культуры расійскай яны не прыносяць, а прыносяць гразь расійскай культуры – брыдкія лаянкі і брыдкія абычаі, каторых ня толькі ўсякая культура, але ўсякі чысты сколькі небудзь чалавек, староніцца і бароніцца» [14].

Причина таких изменений в поведении молодежи виделась в отречении от белорусского языка, народных традиций и обычаев – молодежь «найперш навучаецца пагарджаць роднай мовай і абычаямі,

лічыць селяніна нечым шмат горшым аб сябе, а ўсё чужое, хоць і благое, добрым» [14].

Решение проблемы «Наша Нива» видела в расширении использования белорусского языка, воспитании любви к своему родному языку, традициям и культуре. «І гэтак яно будзе датуль, пакуль наша мова не заваюе сабе правоў у нашым краі, пакуль ей людзі інтэлігентныя ня будуць гаварыць, бо толькі тады і просты селянін зразумее, што і ён такі самы чалавек, як той гарадзкі, што і ў яго дома ёсць нешта добрае, чаго німа патрэбы мяняць на тое найгоршае, што цёмны чалавек пріносіць з сабой з горада ў вёску». Особая роль отводилась белорусам-интеллигентам, прежде всего учителям. И помогала им в их миссии газета. «А каб гэту працу лягчэй было вам выпоўніць, трэба самім вам выпісаць нашу думку-газету “Нашу Ніву”». Учителя должны были организовывать белорусские читальные кружки, устраивать белорусские вечеринки с белорусскими танцами, приглашать на них сельскую молодежь, «вучыць яе дораго, вечнаго і паказываць усю красу свайго роднага, каб народ скарэй забыў паскудныя песьні, якіх навучыўся у прыхаўшых з гарадоў “франтаў” і салдатаў, што вярнуліся дамоў» [28].

Причину называют, но не принимают. Именно в темных и пустых головах и была проблема того, что молодежь не выдерживала соблазнов большого города. Молодежь из бедных тихих деревень привлекали шум, блеск, роскошь городов, которые по сравнению с деревнями выглядели центрами цивилизаций. Бедность, нищета и доступность легких путей обогащения в городе толкали молодежь на преступления. Проблема была не в городе, а в бедности и «забитости» деревни.

Еще одна причина широкого распространения правонарушений заключалась в так называемой «темноте» народа («беларуская цемната», «вясковая цемната»), которая собирала богатый урожай в виде преступлений (по мнению автора материала «Жніво цемры»).

Четкого определения тому, что такое «темнота», «людская темнота», в «Нашей Ниве» нет. Но она противопоставляется свету, образованию, культуре, моральной чистоте, религиозной и национальной толерантности, терпимости и т. д. Отсюда «темноту» можно интерпретировать как необразованность, некультурность, отсутствие уважения и понимания друг к другу, нетерпимость и т. д.

Люди, которые живут под властью этой темноты, темные люди. Но «Наша Нива» вводит еще одно понятие – «цемянкi» – темные люди,

которые стали на путь преступлений – разбойники, злодеи, убийцы, т. е. преступники. Если так можно интерпретировать, то цемняки – это те, кто пошел на службу темноте.

Так, в заметке «Цемнякі» описывается один случай. В деревне Борисовского уезда трое парней сожгли пуню и 22 девушек. Спасаясь от ареста и суда, они сбежали в лес и стали «хадзіць цемнякамі». В лесу к ним присоединилось еще двое цемняков, которые тоже совершили убийство. Они соорудили землянку в лесу и стали вместе совершать разбойные нападения. Впоследствии один из них сам сдался властям, двоих удалось арестовать, а остальные так и «ходзюць цемнякамі».

Автор Артем Живица писал: «Супольнымі сіламі, пакінуўшы нацыянальную і рэлігійную гразню, павінны ўзяцца ўсе жывыя сілы старонкі нашай за пільную працу над прасвятленнем цемры вясковага жыцця і рабіць гэта не дзеля тых ці іншых ідэалаў, а дзеля вечнай праўды сумлення людзкога, дзеля яснай для ўсіх будучыні» [28]. Для борьбы с темнотой предлагалось открывать школы, библиотеки, читальни-клубы, проводить спектакли, устраивать кинематограф, организовывать песенные кружки и кружки артистов-любителей, читать разнообразные лекции и т. д. Именно в этом виделось «просветление» народа и решение проблемы «цемры».

«Наша Нива» ставила задачу не только национального, но и морального возрождения. «І глядзючы на ўсё гэта з'ўляецца пытанне: ці мы калі адродзімся? <...> Ці знайдзецца ў нас людзей такіх, каторыя-б пасвяціліся высокай апостальскай працы адраджэння ўміраючай бацькоўшчыны? Адраджэння яе моральнага і нацыянальнага, а перш за ўсё моральнага».

Еще одной причиной широкого распространения правонарушений, называемой рядом авторов, было пьянство, которое оказывало разрушающее воздействие на личность человека. «Страшна глядзець, што нарабляе гарэлка; шорхне скура ад жаху, як паглядзіш на тыя злачынствы, на якія адважваюцца п'яныя людзі!» [24].

Абсолютное большинство авторов «Нашей Нивы» полагало, что необходимо искоренять пьянство, источник зла и всех бед, тогда исчезнет и преступность, прекратится хулиганство. Для этого надо закрыть все монопошки и шинки, а вместо них организовать народу культурно-образовательный досуг.

Но такой взгляд на проблему, когда преступление являлось исключительно следствием употребления алкоголя, был слишком

упрощенный, поскольку пьянство было следствием ряда социальных проблем, а не их причиной, и скорее было сопутствующим условием совершения преступлений. И не так называемые монополюшки и тайные шинки становились причиной массового пьянства населения. Как отмечал Язеп Л., «калі-б нават зачыніць іх усё чыста на сьвеці, усё роўна карысці ня будзе; яшчэ прылучацца нуда, маркота, вар'яцтва, самагубствы» [24]. Водка среди всеобщей бедноты и нищеты становилась единственным доступным, пускай и кратковременным, способом расслабления, быстрого удовольствия и наслаждения после тяжелого трудового дня. «Покі істнуе парадак, дзе людзям і тхнуць нельга, покі і прамення радасці блішчаць толькі і гарэлцы, да тых пор шынкi не звядуцца <...> Людзям патрэбны не пьянства, не распуста, а лепшая доля. Пьянства ня ў людзях і ні ад людзей: яно ў жыцці і ад жыцця». Здесь же Язеп Л. отмечает, что «пьянства, як і хуліганства, гэта пратэст проці сучаснага становішча. Дзікі гэта пратэст, не разумны – дык што ж зробіш?» [24].

По мнению Язеп Л., какие-либо моральные способы воздействия и попытки перевоспитания человека бесполезны. «Той, хто спадзяецца, што можна ўтаварам, сорамам або страхам звязці пьянства, распуста, той толькі шкоды наробіць самому сабе. Ён марна страціць веру ў людзей, дарэмна ўтаміцца, папсуе все добрыя пачуцці і прыдбае перакананне, што людзі надта разбэсьціліся» [24].

Решение проблемы заключалось в улучшении жизненных условий крестьян. «Перш за ўсё трэба даць людзям есці, трэба апрануць іх, даць можнасьць ператхнуць, сапачыць, а потым... рэшта сама дадасца ім. Дбайма аб тое, каб мелася страва і ля цела і ля душы, дайма людзям іншую радасць, лепшую долю» [24]. Для решения социальных проблем необходимы экономические преобразования, которые должны были повысить прежде всего жизненный уровень населения.

Таким образом, проблема правонарушений была одной из актуальных тем, которые поднимались и активно обсуждались на страницах газеты «Наша Нива». Наряду с вопросами национального возрождения ставился также вопрос морального возрождения народа. И в этом процессе «Наша Нива» обозначила свою культурно-просветительскую и воспитательную роль.

Список использованных источников

1. Сцепан Сельчук. Бабруйск // Наша ніва. – 1907. – № 1. – С. 4 (Факсімільнае выданне. Вып. 1. – Мінск: Тэхналогія, 1992. – С. 4).
2. Государственная Дума. Заседание 10 апреля // Наша ніва. – 1907. – № 16. – С. 2–3 (Факсімільнае выданне. Вып. 1. – Мінск: Тэхналогія, 1992. – С. 2–3).
3. Государственная Дума. Заседание 16 мая // Наша ніва. – 1907. – № 20. – С. 2–3 (Факсімільнае выданне. Вып. 1. – Мінск: Тэхналогія, 1992. – С. 2–3).
4. Я. К. М. Мір // Наша ніва. – 1908. – № 11. – С. 5 (Факсімільнае выданне. Вып. 1. – Мінск: Тэхналогія, 1992. – С. 5).
5. Пінск // Наша ніва. – 1908. – № 12. – С. 6–7 (Факсімільнае выданне. Вып. 1. – Мінск: Тэхналогія, 1992. – С. 6–7).
6. Не вучцель // Наша ніва. – 1909. – № 27. – С. 408–410 (Факсімільнае выданне. Вып. 2. – Мінск: Тэхналогія, 1996. – 768 с.).
7. Стэфан Браخالка. М. Гарадок // Наша ніва. – 1909. – № 34. – С. 497–498 (Факсімільнае выданне. Вып. 2. – Мінск: Тэхналогія, 1996. – 768 с.).
8. Язэп Бурачок. Прусін // Наша ніва. – 1910. – № 10. – С. 164–165 (Факсімільнае выданне. Вып. 3. – Мінск: Тэхналогія, 1998. – 800 с.).
9. А. Уласоў. Эміграцыя ў Амерыку // Наша ніва. – 1911. – № 3. – С. 33–35 (Факсімільнае выданне. Вып. 4. – Мінск: Тэхналогія, 2003. – 684 с.).
10. Наша ніва. – 1912. – № 2. – (Факсімільнае выданне. Вып. 5. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 698 с.).
11. Броніс. Несьвіж // Наша ніва. – 1912. – № 11. – С. 4. (Факсімільнае выданне. Вып. 5. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 698 с.).
12. А. Скурка. Няверы // Наша ніва. – 1912. – № 11. – С. 4. (Факсімільнае выданне. Вып. 5. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 698 с.).
13. Галіна Крэмер. Таварыство апекі над эмігрантамі // Наша ніва. – 1912. – № 7. – С. 2 (Факсімільнае выданне. Вып. 5. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 698 с.).
14. В. Явар // Наша ніва. – 1912. – № 25. – С. 4 (Факсімільнае выданне. Вып. 5. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 698 с.).
15. Падмога эмігрантам // Наша ніва. – 1912. – № 31. – С. 2–3 (Факсімільнае выданне. Вып. 5. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 698 с.).
16. Саўка Каваль. Хоціно // Наша ніва. – 1912. – № 37. – С. 3 (Факсімільнае выданне. Вып. 5. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 698 с.).
17. Тутэйшы. Г. Радашковічы // Наша ніва. – 1912. – № 39. – С. 2 (Факсімільнае выданне. Вып. 5. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 698 с.).
18. Д. Гарманавічы // Наша ніва. – 1912. – № 41. – С. 4 (Факсімільнае выданне. Вып. 5. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 698 с.).
19. Палітычны неспакой і эміграцыя ў Амерыку // Наша ніва. – 1913. – № 2. – С. 2 (Факсімільнае выданне. Вып. 5. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 698 с.).
20. Агідлівае бацькаубіўства // Наша ніва. – 1913. – № 3. – С. 3 (Факсімільнае выданне. Вып. 5. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 698 с.).

21. Семігальскі О. Перясяленне ў Амерыку // Наша ніва. – 1913. – № 5. – С. 3 (Факсімільнае выданне. Вып. 5. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 698 с.).
22. Эміграцыя ў Амерыку // Наша ніва. – 1913. – № 11. – С. 1 (Факсімільнае выданне. Вып. 5. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 698 с.).
23. Труп у пасылцы // Наша ніва. – 1913. – № 13. – С. 3 (Факсімільнае выданне. Вып. 5. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 698 с.).
24. Язэп Л. Дык што-ж рабіць? // Наша ніва. – 1913. – № 16–17. – С. 1 (Факсімільнае выданне. Вып. 5. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 698 с.).
25. Амерыканцы // Наша ніва. – 1913. – № 24–25. – С. 2 (Факсімільнае выданне. Вып. 5. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 698 с.).
26. «Брухарэзы» // Наша ніва. – 1913. – № 31. – С. 3 (Факсімільнае выданне. Вып. 5. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 698 с.).
27. К. М. Селянскіе дзеці // Наша ніва. – 1913. – № 32. – С. 2–3 (Факсімільнае выданне. Вып. 5. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 698 с.).
28. Пятрок з Вярхоўя. Да нашых беларускіх інтэлігентоў // Наша ніва. – 1914. – № 1. – С. 1 (Факсімільнае выданне. Вып. 5. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 698 с.).
29. Лемеш. З вязсковага жыцця // Наша ніва. – 1914. – № 3. – С. 1 (Факсімільнае выданне. Вып. 5. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 698 с.).
30. Б. С. З Віленшчыны. Дзісна // Наша ніва. – 1914. – № 13. – С. 3 (Факсімільнае выданне. Вып. 5. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 698 с.).
31. Смургонец. З Віленшчыны. Няма каго арыштаваць // Наша ніва. – 1914. – № 14. – С. 2 (Факсімільнае выданне. Вып. 5. – Мінск: Тэхналогія, 2009. – 698 с.).
32. *Воронич Т. Мошенники Вильны (конец XIX – начало XIX века) / Т. Воронич // Социальные группы и их влияние на развитие общества в XVI–XIX веках = Grupy społeczne i ich wpływ na rozwój społeczeństwa w XVI–XIX wieku: сб. науч. ст. подгот. на основе докл. участников междунар. конф., сост. в Ин-те истории Литвы 8–9 окт. 2014 г. / Lietuvos istorijos institutas; сост. Т. Байрашаускайте. – Vilnius: Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2015. – С. 363–383.*

(Дата поступления: 04.12.2020).

Ерашэвіч А. У.

УА «Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт», Мінск, Беларусь

Yerashevich A.

Belarus State Economic University, Minsk, Belarus

УДК [94(476)+336.226.331(476)(091)]«1848–1861»

**СТАНАЎЛЕННЕ ЦУКРОВАГА АКЦЫЗУ
НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ Ё КАНЦЫ 40-Х –
ПАЧАТКУ 60-Х ГАДОЎ XIX СТАГОДДЗЯ**

**FORMATION OF THE SUGAR EXCISE TAX
IN THE TERRITORY OF BELARUS
IN THE LATE 40S – EARLY 60S OF THE XIX CENTURY**

У артыкуле на аснове комплексу як апублікаваных заканадаўчых актаў, статыстычных матэрыялаў, так і неапублікаваных архіўных дакументаў раскрыты пачатак працэсу акцызнага падаткаабкладання вырабу цукру-пяску на тэрыторыі Беларусі ў канцы 40-х – пачатку 60-х гг. XIX ст. Акцэнт зроблены на прававым рэгуляванні ўведзенага ў 1848 г. падаткаабкладання цукровай вытворчасці і вызначэнні фіскальных вынікаў паступленняў ад вырабу цукру ў Расійскай імперыі, паказе ролі цукровага акцызу ў фарміраванні даходнай базы бюджэтаў і выяўленні ступені ўплыву ўведзенага цукровага акцызу на дынаміку развіцця цукровай вытворчасці ў беларускіх губернях Расійскай імперыі і пазначаны перыяд.

Ключавыя словы: беларускія губерні; Расійская імперыя; ускосны падатак; падаткаабкладанне; цукар-пясок; цукровы акцыз; цукровабураковая прамысловасць.

Based on a complex of published legal acts, statistical materials, as well as unpublished and previously unknown archival documents, this article investigates the beginning of the process of excise taxation of the production of granulated sugar in the territory of Belarus in the late 40s – early 60s of the XIX century. Herein, most attention is focused on the aspects of the legal regulation of the taxation of sugar manufacturing, introduced in Russia in 1848, and the definition of the fiscal results of tax receipts in Russian Empire, on the demonstration of the role of the sugar excise tax in the formation of budget revenues and on revealing the degree of influence of the sugar excise tax on the dynamics of the development of the sugar beetroot industry in the Belarusian provinces of the Russian Empire in the late 40s – early 60s of the XIX century.

Keywords: Belarusian provinces; Russian Empire; indirect tax; taxation; granulated sugar; sugar excise tax; sugar beetroot industry.

Пытанні прамога і ўскаснага падаткаабкладання розных катэгорый насельніцтва, маёмасці і сфер дзейнасці адносяцца да адных з маладаследаваных у эканамічнай гісторыі Беларусі канца XVIII – першай паловы XIX ст. і з’яўляюцца актуальнымі ў сучаснай беларускай гістарыяграфіі. Гістарычныя вытокі падаткаабкладання вырабу цукру-пяску неабходны з пункту гледжання ўліку і асэнсавання як станоўчага, так і адмоўнага мінулага вопыту і традыцый для выпрацоўкі аптымальнай мадэлі падаткаабкладання гэтага віду тавару ў сучасных сацыяльна-эканамічных і грамадска-палітычных умовах жыццядзейнасці беларускага грамадства.

Значная колькасць навуковых даследаванняў гісторыкаў прысвечана тэме развіцця цукровабураковай прамысловасці ў Расійскай імперыі дарэформеннай эпохі [1; 6; 16], уключаючы беларуска-літоўскі рэгіён [19]. Асноўныя рэгіянальныя асаблівасці фарміравання, станаўлення і развіцця цукровабураковай прамысловасці як харчасмакавай галіны на тэрыторыі Беларусі ў 30-х – пачатку 60-х гг. XIX ст. раскрыты ў працах беларускіх эканамістаў М. Ф. Болбаса (1918–1997) [3; 4, с. 112–118] і М. Т. Раманоўскага (1912–1997) [14, с. 351–391]. У кантэксце разгляду прававой базы ўвядзення акцызу з цукровых буракоў асноўныя намаганні як дарэвалюцыйных, так і сучасных навукоўцаў накіраваны на вывучэнне абставін прыняцця, зместу і сутнасці палажэнняў «устава аб акцызе з бураковацукровай вытворчасці» 1848 г. [15; 17; 18]. Значную цікавасць уяўляюць матэрыялы тлумачальнай запіскі, складзенай у 1862 г. у сувязі з разглядам новага праекта ўстава аб акцызе з цукру-пяску расійскай вытворчасці [13]. Аднак усё ж такі на агульнаімперскім фоне адсутнічаюць навукова абгрунтаваныя даследаванні, прысвечаныя спецыфіцы практычнай рэалізацыі падаткаабкладання вырабу цукру з цукровых буракоў і спагнання акцызу з яго на тэрыторыі Беларусі ў канцы 40-х – пачатку 60-х гг. XIX ст. з вызначэннем характэрных асаблівасцей і рэгіянальных тэндэнцый развіцця. Тэма арганізацыі, станаўлення, развіцця, удасканалення, кіравання, рэгулявання, кантролю вырабу цукру-пяску з цукровых буракоў і яго акцызнага падаткаабкладання ў беларускіх губернях Расійскай імперыі ў пазначаны перыяд пакуль не стала прадметам спецыяльнага даследавання ў айчынай гістарыяграфіі.

Мэта артыкула – раскрыць спецыфіку пачатку працэсу акцызнага падаткаабкладання вырабу цукру-пяску на тэрыторыі Беларусі ў канцы 40-х – пачатку 60-х гг. XIX ст. Акцэнт зроблены на высвятленні

пэўных аспектаў парадку прававога рэгулявання ўведзенага ў 1848 г. падаткаабкладання цукровай вытворчасці і вызначэнні фіскальных вынікаў паступленняў ад вырабу цукру ў Расійскай імперыі, паказе ролі так званага цукровага акцызу ў фарміраванні даходнай базы губернскіх бюджэтаў і выяўленні ступені ўплыву новага цукровага акцызу на дынаміку развіцця цукровай вытворчасці ў беларускіх губернях Расійскай імперыі ў гэты перыяд.

Крыніцы артыкула ўключаюць комплекс як апублікаваных заканадаўчых актаў, афіцыйных ведамасных статыстычных матэрыялаў, так і неапублікаваных архіўных дакументаў. Аўтар выкарыстаў фармальны статыстычны метадад аналізу розных колькасных паказчыкаў.

Павелічэнне ўважных пошлін на трысняговы цукар-сырэц (20 кап. з пуда ў канцы XVIII ст., з 1819 г. – ужо 75 кап., з 1821–1 руб., з 1822 г. – 1,5 руб., з 1823 г. – 2,5 руб., з 1831 г. – 2,8 руб. (з каранціннымі зборамі 3,15 руб.), з 1841 г. – 3,8 руб. з пуда; у 1849–1854 гг. была нязначна паменшана – да 3,2 руб. з пуда) [2, с. 142, 143; 8, с. 12–13, 54], забарона прывозу ў Расійскую імперыю з-за мяжы рафінаду (прыбываў толькі праз Адэсу) разам з ростам попыту на цукар стымулявалі развіццё цукраварнай вытворчасці. Першы завод па вырабу цукру з цукровых буракоў з’явіўся ў Расіі ў сяле Аляб’ева Тульскай губерні ў 1800 г. [8, с. 11] ці ў 1802 г. [6, с. 42]. У 1827 г. адстаўным палкоўнікам французскіх войскаў Марцінам дэ Абіны і фабрыкантам Даазанам была заснавана цукраварня ў арэндным маёнтку Боцках графа Яна Патоцкага паблізу Тыкачына ў Бельскім павеце Беластоцкай вобласці [19, s. 11–12]. Пачаткам вырабу цукру з цукровых буракоў на тэрыторыі сучаснай Беларусі лічыцца 1830 г., калі ў маёнтку Моладава Кобрынскага павета А. Скірмунта быў адчынены першы ў краі цукровы завод [19, s. 13].

Павелічэнне ў 1841 г. тарыфу на замежны марскі трысняговы цукар да 3,8 руб. за пуд і забарона яго прывозу сухапутным шляхам, а таксама тэхнічныя ўдасканаленні, якія дазвалялі ўдвая павялічыць выраб цукру з кожнага беркаўца буракоў, з’яўляліся спрыяльнымі фактарамі развіцця галіны цукраварнай прамысловасці на тэрыторыі Беларусі. Колькасць цукровых прадпрыемстваў у беларускіх губернях павялічвалася, хоць некаторыя з іх не вытрымлівалі канкурэнцыі і закрываліся з прычыны банкруцтва. Калі на тэрыторыі Беларусі ў канцы 30-х гг. XIX ст. разам дзейнічала 5 цукровых заводаў, то ў 1840-я гг. – 16, у 1850-я гг. – 12, а ў 1860 г. – не менш за 33 памешчыцкіх цукровых заводы [4, с. 112–113]. Выпрацоўка цукру ў беларускіх губернях у 1859–1860 гг. складала

42055 пудоў супраць ранейшых 261 пудоў у 1845 г., альбо падскачыла за 15 год у 161 раз! З 1845 па 1859 г. прадукцыйнасць працы на беларускіх цукраварнях павялічылася больш чым у 3,5 разы, хоць цэны на цукар панізіліся (з 12 руб. за пуд цукру ў 1839 г. да 7 руб. за пуд у 1860 годзе) [4, с. 115, 116, 117].

Аднак усё ж такі беларускія губерні не адносіліся да рэгіёнаў буйнога развіцця цукраварэння. Па нашых падліках, у 1860–1861 гг. 4 % афіцыйна дзеючых цукровых заводаў у Магілёўскай, Мінскай і Гродзенскай губернях выраблялі 1,2 % цукру-пяску сярод 24 губерняў і вобласці ў Расійскай імперыі [13, с. 122]. У агульнаімперскіх маштабах у канцы 50-х гг. XIX ст. украінскія губерні давалі больш за 75 % вырабу бураковага цукру ў Расіі. Зразумела, што беларускія цукраварні не маглі канкурыраваць са сваімі паўднёвымі суседзямі, паколькі ўраджайнасць і цукрыстасць буракоў ва Украіне была ў два разы большая, і капіталістычныя цукровыя заводы ў ёй замянілі прыгонныя [4, с. 116–117]. Ва Украіне сабекошт пуда цукру-пяску складаў 3–4 руб., у той час як у беларускіх губернях – 5–6 руб. пры рыначным кошце ў 7–8 руб. [14, с. 371]. У пачатку 1860-х гг. Кіеўская, Падольская і Чарнігаўская губерні адносіліся да спецыялізаваных раёнаў у Расійскай імперыі па вырабу цукру-пяску з цукровых буракоў.

Павелічэнне спажывання цукру насельніцтвам і рост колькасці цукровабураковых заводаў у краіне паставілі перад царскім урадам пытанне аб магчымасці павелічэння дзяржаўных даходаў за кошт гэтага новага віду тавару.

У 1839 і 1841 гг. міністр фінансаў Расійскай імперыі Я. Ф. Канкрын упершыню прапанаваў увесці невялікі акцыз на расійскі бураковы цукар [10, с. 312]. Аб неабходнасці і магчымасці абкладання зборам цукру з буракоў у снежні 1844 г. заявіла значная група з 22 пецяўбургскіх цукразаводчыкаў, якія спецыялізаваліся на перапрацоўцы прывазнога трысняговага цукру-сырцу ў рафінад. Яны звярнуліся ў Міністэрства фінансаў з заявай, у якой звярнулі ўвагу на несправядлівыя ўмовы канкурэнцыі паміж цукровымі прадпрыемствамі, якія выраблялі цукар з трыснёгу (плацілі штогод высокую пошліну за ўвазны цукар-сырэц) і цукровых буракоў (з іх ніякага збору не спаганялі, і гэтыя абставіны дазвалялі, на іх думку, прадаваць тавар па больш таных цэнах, у той час як мясцовыя цукровабурачныя прадпрыемствы задавальнялі патрэбы краіны ў цукру толькі на 10–12 %, а астатняя доля прыпадала на каланіяльны цукар) [8, с. 56; 16, с. 158]. Павелічэнне ў Расіі ўнутранага

вырабу цукру з буракоў магло паменшыць мытныя даходы дзяржавы ад увозу трысняговага цукру. Для кампенсацыі магчымых страт у прыбытках імператарскі ўрад вырашыў увесці новую крыніцу дзяржаўнага даходу за кошт абкладання вырабу цукру з буракоў у Расійскай імперыі. Пасля абмеркавання ўмоў і парадку фарміравання акцызу на бураковы цукар на Мануфактурным і Камерцыйным саветах пачалі распрацоўваць адпаведнае палажэнне [16, с. 160–161; падрабязней: 17, с. 110–112]. Ідучы насустрач пажаданням памешчыкаў – уладальнікаў цукровых прадпрыемстваў, імператар Мікалай I распарадзіўся, каб памеры новага ўнутранага акцызу на выраб бураковага цукру былі невялікімі, і каб урад знайшоў прыдатныя спосабы яго спагнання з плацельшчыкаў [10, с. 134].

25 лютага 1848 г. імператар Мікалай I падпісаў «Статут аб акцызе з бураковацукровой вытворчасці», які ўключаў 57 параграфў [5, с. 141–150], дзе падрабязна рэгламентаваліся ўмовы і парадак спагнання новага акцызу. Згодна з ім уладальнікі цукробураковых заводаў павінны былі штогод да 1 жніўня атрымліваць пасведчанні з павятовых казначэйстваў, а для зноў адкрываемых цукровых прадпрыемстваў – на працягу года. Патэнтныя пасведчанні на цукровыя заводы выдаваліся на крапасной паперы коштам ад 3 да 50 руб. адпаведна колькасці выхаду цукру-пяску ў пэўных аб'ёмах за 100 дзён іх працы. У дакуменце дэкларавалася аб нязменнасці праваў цукровага збору на працягу першых шасці год. Стаўка штогоднага акцызнага збору з кожнага пуда ачышчанага прабеленага цукру-пяску расійскай вытворчасці павялічвалася праз кожныя два гады: з 01.09.1848 да 01.09.1850 цукровы акцыз спаганяўся у памеры 30 кап., з 01.09.1850 да 01.09.1852 – у памеры 45 кап., з 01.09.1852 да 01.09.1854 – у памеры 60 кап. з пуда.

Ад збору акцызу былі вызвалены рафінад як з прывазнага аплачанага мытнай пошлінай трыснягу ці лумпа, так і з цукробурачнай сыравіны, некрысталізуемыя сіроп і патака з цукровых буракоў і бульбянога крухмалу. З невялікіх цукровых заводаў са штогоднай вытворчасцю цукру-пяску да 500 пудоў акцыз на працягу шасці год у вызначаныя двухгадовыя тэрміны памяншаўся на 15 кап. з кожнага пуда. Адкрытыя за два гады да выдання цукровага акцызу і зноў засноўваемыя пасля абнародавання цукровага ўстава цукровыя заводы ў першыя два гады вызваліліся ад плацяжу акцызу, у наступныя два гады павінны былі ўносіць па 30 кап., а ў апошнія два гады шасцігоддзя – 45 кап. з пуда прабеленага цукру-пяску. Колькасць штосутачнага выхаду цукру-пяску

вылічалася адпаведна сярэдняга ўтрымання ў беркаўцы цукровых буракоў цукру-пяску (3 % вагі цукровых буракоў, альбо ў 12 фунтаў прабеленага цукру), колькасці, моцы і ёмістасці розных тэхнічных прыстасаванняў (снарадаў халоднай ці гарачай вымачкі, моцы прэсаў для выцягвання з цукровых буракоў першага сырога соку і апаратаў).

Штогодныя поўныя выплаты акцызу з уладальнікаў цукровых заводаў павінны былі збірацца не пазней за 1 красавіка ва ўездныя казначэйствы, прычым датэрміновыя яго ўзносы памяншалі акцыз на 0,5 %. У выпадку пратэрміноўкі плацяжу з даўгавой сумы за першыя тры месяцы належыла спаганяць па 0,5 % за кожны месяц, а пасля сканчэння гэтага тэрміну – штомесячна па 2 % пені да канчатковай уплаты. Нагляд за выкананнем правілаў цукровага акцызу ўскладаўся на рэвізораў мясцовай казённай палаты і асобных чыноўнікаў уездных казначэйстваў. У выпадку знойдзеных акцызнымі чыноўнікамі злоўжыванняў накладзеныя ўрадам спагнанні размяркоўваліся так, што адна палова сумы паступала непасрэдна акцызным службоўцам, а другая – залічвалася ў асобны капітал пры Дэпартаменце падаткаў і збораў Міністэрства фінансаў, з якога, па меркаванні міністра фінансаў, маглі выдавацца грашовыя ўзнагароды мясцовым чыноўнікам, якія выяўлялі парушэнні акцызных правілаў.

З уладальнікаў цукровых заводаў, якія не бралі ўсталяваных патэнтных пасведчанняў, спаганялі па 300 руб. штрафу і плацёж трайной гербавай пошліны за пасведчанне, а з цукровых прадпрыемстваў з гадавай вытворчасцю да 500 пудоў цукру-пяску, пабудаваных за два гады да абвяшчэння палажэння аб акцызе з цукру і новых, – у два разы менш. За парушэнне правілаў (тайны выраб цукру, выкарыстанне апаратаў для атрымання першага сырога соку, зняцце пячаткаў з цэрак пасля дазволенага часоў працы пасля 25.08. і раней 15.03., працы цукровага завода без пасведчання) у якасці меры пакарання прадугледжваліся грашовыя спагнанні ў памеры ад 10 да 300 руб. [5, с. 141–144, 146, 148, 149].

Значым пра таннысць адміністравання акцызу з бураковага цукру. Па падліках, расходы па збору паступленняў ад цукру мясцовай вытворчасці былі не больш за 3 % самога даходу з гэтай крыніцы [13, с. 9]. Мадэль цукробурачнага акцызу вылучалася сваімі лягчэйшымі ўмовамі ўліку, кантролю з прычыны нязначнай колькасці цукровых прадпрыемстваў, прастатой нагляду за колькасцю і памерамі снарадаў (абсталявання) і колькасцю дзён сапраўднай працы на іх.

Паэтапнае павелічэнне ў першыя шэсць год (з 01.09.1848 да 01.09.1854) ставак акцызу з цукру-пяску і яго паменшаныя памеры з цукровых прадпрыемстваў з аб'ёмам вытворчасці да 500 пудоў прабеленага цукру-пяску істотна не паўплывалі на ступень развіцця цукрабураковай прамысловасці і вытворчую колькасць вырабленай прадукцыі цукраварных прадпрыемстваў у беларускіх губернях.

Заўважым, што вызначаныя ўрадам умовы спагнання акцызу з цукру-пяску былі нявыгаднымі для малых і тэхнічна адсталых цукровых прадпрыемстваў, паколькі ён збіраўся не паводле вагі сапраўды вырабленага цукру-пяску, а адпаведна аб'ёму сутачнай здабычы ў залежнасці ад колькасных нормаў выхаду (з беркаўца цукровых буракоў у 10–12 пудоў 12 фунтаў прабеленага цукру-пяску мясцовай вытворчасці з цукровых буракоў, альбо 3 % утрымання цукру-пяску ў цукровых бураках) і залежыў ад вытворчасці механізмаў. Такім чынам, парадак спагнання ў дзяржаўны скарб акцызу з усіх цукровых заводаў, за выключэннем новых ці перабудоўваемых, з 3 % колькасці выпрацоўкі цукру з цукровых буракоў, паводле нормаў сутачнай работы абсталявання, якое выкарыстоўвалі для здабычы соку, колькасці дзён працы цукраварняў, патэнтнага збору альбо платы за пасведчанне на права ўтрымання цукровага завода, заахвочваў прадпрымальнікаў да павелічэння прадукцыйнасці працы. Тэхнічна і тэхналагічна ўдасканаленыя цукровыя заводы маглі атрымаць з беркаўца цукровых буракоў больш за 20 фунтаў прабеленага цукру-пяску і фактычна маглі плаціць акцызу ў 1,7 разы менш. Уладальнікі цукровых прадпрыемстваў з нізкімі аб'ёмамі вытворчасці былі зацікаўлены ў тэхналагічнай рэканструкцыі цукраварняў.

Вызначаныя цукразаводчыкамі і паменшаныя ўрадам невялікія нормы выхаду цукру-пяску з цукровых буракоў, льготныя ўмовы і спосабы збору акцызу абумовілі тое, што замест намінальнай стаўкі акцызу з 1 верасня 1852 г. ў 60 кап. з пуда цукру-пяску ў вялікарасійскіх і ўкраінскіх губернях рэальна збіралі толькі па 25 кап. з пуда [6, с. 27; 16, с. 162]. Рэальны акцыз, які вылічваўся па колькасці сутачнага вырабу, у залежнасці ад 3 % нормы ўтрымання цукру ў цукровых бураках і моцы вытворчасці і складаў недзе ад 60 да 90 кап. з пуда прабеленага пескавога цукру, даходзіў да 20–22 кап. з пуда замест намінальных 60 кап. з пуда. Іншымі словамі, сапраўднае абкладанне цукру-пяску ўнутрырасійскай вытворчасці ў сувязі з нармальным звычайным выхадам гатовай вырабленай прадукцыі было значна меншым.

У 1860–1861 гг. у Магілёўскай, Мінскай і Гродзенскай губернях пастаянна дзейнічала 16 цукровых заводаў (толькі два паравых, астатнія – агнявыя), якія паводле афіцыйнага вылічэння давалі 19 150 пудоў цукру-пяску, у той час як сапраўдны яго выраб складаў 45 500,7 пудоў (у 2,4 разы больш). Такім чынам, акцызам абкладалася толькі 42,1 % вырабленага цукру-пяску [13, с. 122].

Адносна невялікія памеры вырабу цукру-пяску з мясцовых цукровых буракоў прадвызначылі нязначны ўзровень паступлення казённага даходу ад абкладання вытворчасці мясцовага цукру. У Магілёўскай губерні акцыз з цукрабуракавай вытворчасці ў 1859 г. складаў 2 тыс. руб. з дадаткам 50 руб. з патэнтных пасведчанняў на вытворчасць цукру, альбо 0,14 % з 1 447 227,79 руб. губернскіх даходаў, а ў 1860 г. – адпаведна 1 тыс. і 50 руб., ці 0,06 % з агульнагубернскіх дзяржаўных даходаў у 1 742 383,38 руб. [12]. У Мінскай губерні акцыз з вырабу цукру ў 1849–1861 гг. вагаўся ад 500 да 1 588 руб. і складаў ад 0,06 да 0,1 % з усіх крыніц дзяржаўных даходаў (падлічана па [11]). Усе даходы бягучага акладу і нядоімак ад цукраварнай вытворчасці ў Мінскай губерні, якія паступалі ў ведамства Дэпартаменту розных падаткаў і збораў Міністэрства фінансаў, склалі за 1857–1860 гг. суму ў 6928 руб., нават больш на 3,7 % належных грошай пры адсутнасці недабораў [7, с. 252, 572].

Тым не менш увядзенне акцызу за выраб цукру-пяску з цукровых буракоў павялічыла даходныя паступленні ў дзяржаўную казну Расійскай імперыі з гэтай галіны да 1861 г. ў 13,6 разы, але прыбыткі істотна вагаліся за асобныя гады, а выплаты ў сярэднім складалі 41,5 кап. з кожнага пуда цукру-пяску. Рэальны акцызны даход ад вырабу цукру з буракоў у Расійскай імперыі з 1849 да 1861 год падскочыў у 6,9 разы, але складаў мізэрную частку агульнадзяржаўных прыбыткаў (ад 0,03 да 0,22 % за асобныя гады) [1, с. 18; 2, с. 147, 151; 8, с. 57; 13, с. 13, 46, 167].

У цэлым у Расійскай імперыі ў дарэформенную эпоху, у параўнанні з краінамі Заходняй Еўропы, былі меншыя падушавыя нормы спажывання цукру. Высокі кошт цукру-пяску рабіў падобны тавар эксклюзіўным і стрымліваў яго масавае спажыванне, асабліва сельскім насельніцтвам, якое па-ранейшаму выкарыстоўвала мёд у якасці прадмета харчавання. Так, у 1859 г. штогодняе спажыванне цукру ў Вялікабрытаніі з Ірландыяй дасягала 32,1 фунты на кожнага жыхара, у Галандыі – 19,5 фунты, у Францыі – 12,2 фунты, у Бельгіі – 9,9 фунты, у Германскім мытным саюзе – 9,5 фунты, у Іспаніі – 7,4 фунты, у Аўст-

рыі – 3,7 фунты. У Расіі ў 1848 г. на кожнага чалавека расходвалася не больш за 1,4 фунты, а ў пачатку 1860-х гг. без Царства Польскага – 3 фунты цукру, альбо прыкладна 1,2 кг у год (гандлёвы фунт складае 409,51 г) [1, с. 27; 13, с. 56]. Абкладанне акцызам мясцовай вытворчасці цукру-пяску з цукровых буракоў не мела істотнага фіскальнага значэння. Прывазны цукар абкладаўся мытнай пошлінай ад 2 да 5 руб. з пуда, і казённы даход з гэтай крыніцы дасягаў каля 8 млн руб., а акцызнае абкладанне мясцовага цукру-пяску давала прыбытку ў дзяржаўны скарб толькі да 500 тыс. руб. у год [9, с. 97].

Да 1853 г. не адбылося значнага скарачэння прывозу ў Расійскую імперыю замежнага цукру-сырцу (паступаў у асноўным морам) і адпаведнага памяншэння сумы мытнага даходу з гэтай крыніцы. Але з 1853 г., у сувязі са скарачэннем нормаў пошліннага збору (у 1854–1857 гг. з прывазнага праз сухапутную мяжу цукру-пяску спаганялі 2 руб., з рафінаду – 4 руб. мытнага збору з пуда, з 1857 г. мытная пошліна з цукру-пяску, які прыбываў у Расію марскім шляхам, складала 3 руб., сухім – 2 руб. з пуда, а з рафінаду – адпаведна 5 і 4 руб.), а таксама з прычыны Усходняй вайны 1853–1856 гг. і ўскладнення дастаўлення цукру-сырцу марскімі камунікацыямі і ў наступныя гады з-за росту цукровабураковай вытворчасці ва ўкраінскіх губернях крыніца дзяржаўных даходаў за кошт мытных пошлін з цукру-сырцу скарацілася ў параўнанні з папярэднім часам прыкладна ў два разы [2, с. 144; 13, с. 14]. Да таго ж забарона законнага прывозу з-за мяжы і высокі кошт на цукар-рафінад стымулявалі рост кантрабанднага гандлю гэтым таварам. Розніца паміж мытнай пошлінай на каланіяльны цукар-пясок (3,2–3,8 руб. з пуда) і акцызам з бураковага цукру ўнутранага вырабу (30–60 кап. з пуда) заахвочвала прадпрымальнікаў-памешчыкаў засноўваць цукровыя заводы па вырабу цукру з мясцовай сыравіны – цукровых буракоў. Зразумела, што значнае зніжэнне ўвазных пошлін на прывоз з-за мяжы цукру-сырца, пры адначасовым захаванні высокіх нормаў акцызу на мясцовую цукровабураковую прамысловасць, маглі нанесці па ёй сур’ёзны ўдар.

Змены ў налічэнні акцызу з бураковага цукру адбыліся ў 1863 г., калі ў два разы была павялічана норма выхаду цукру-пяску з беркаўца цукровых буракоў.

Такім чынам, уведзены ў Расійскай імперыі так званы акцыз з бураковацукровай вытворчасці, які адносіўся да звычайных даходаў Міністэрства фінансаў, па-сутнасці, займаў прамежкавае становішча

паміж акладнымі і неакладнымі зборамі. Аб'ектам падаткаабкладання выступалі вытворчыя тэхналагічныя магутнасці цукровабураковых заводаў, але іх прадукцыя прызначалася для спажывання насельніцтвам. Статут 1848 г. падрабязна рэгламентаваў механізм вылічэння і парадак абкладання прадпрыемстваў па вырабу цукру-пяску з цукровых буракоў цукровым акцызам, яго памер, парадак спагнання і час плацяжу, сістэму ўпраўлення, кантролю і нагляду, вызначаў грашовыя спагнанні за парушэнні правілаў. У сістэме падаткаабкладання цукровы акцыз адносіўся да найбольш простага, надзейнага, рацыянальнага і рэгулярнага новай крыніцы дзяржаўных даходаў. На тэрыторыі Беларусі акцыз з цукру збіраўся ў Магілёўскай, Мінскай і Гродзенскай губернях, але яго фіскальныя вынікі і роля ў фарміраванні даходнай базы губернскіх бюджэтаў былі мізэрнымі. Цукровы акцыз не аказаў істотнага ўплыву на развіццё цукровай прамысловасці ў беларускіх губернях Расійскай імперыі, якая не магла вытрымаць канкурэнцыі з украінскімі цукровымі прадпрыемствамі. Вызначаныя ўрадам умовы налічэння цукровага акцызу, у тым ліку па яўна заніжанай норме выхаду цукру-пяску з цукровых буракоў, з'яўляліся легальным спосабам ухілення ад падаткаабкладання цукру-пяску і рэальна памяншалі сумы паступлення цукровага акцызу ў дзяржаўны скарб. З іншага боку, уведзены цукровы акцыз таксама стымуляваў памешчыкаў-прадпрыемальнікаў праводзіць тэхналагічную рэканструкцыю сваіх цукровых прадпрыемстваў. У беларускіх губернях Расійскай імперыі большая палова сапраўды вырабленага на заводах цукру-пяску акцызам не абкладалася.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Андреев, Е. Н. О свеклосахарном производстве / Е. Н. Андреев // Обзор различных отраслей мануфактурной промышленности России: в 3 т. – СПб.: Тип. И. Огризко, 1862–1865. – Т. 1. – 1862. – С. 3–143, прил. 78 с.
2. Блюх, И. С. Финансы России XIX столетия. История-статистика: в 4 т. / И. С. Блюх. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1882. – Т. 3. – XIII, 232 с., V с.
3. Болбас, М. Ф. Из истории развития сахарной промышленности в Белоруссии / М. Ф. Болбас // Сахарная промышленность. – 1961. – № 12. – С. 17–20.
4. Болбас, М. Ф. Развитие промышленности в Белоруссии (1795–1861 гг.) / М. Ф. Болбас. – Минск: Наука и техника, 1966. – 268 с.
5. Высочайше утверждённый 25.02.1848 г. устав об акцизе с свеклосахарного производства // Полное собрание законов Российской империи: собрание 2-е с 1825 по 1881 г.: в 55 т. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1830–1862. – Т. 23–1, № 22024. – С. 141–150.

6. Грумм-Гржимайло, Е. О свеклосахарной промышленности и развитии ее в России (из сведений Министерства финансов и других официальных источников по 1.12.1859 г.) / Е. Грумм-Гржимайло // Труды императорского Вольного Экономического общества. – 1860. – Т. 1, № 1. – С. 37–75.

7. Зеленский, И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Минская губерния / И. Зеленский. – СПб.: Воен. тип., 1864. – Ч. 2. – VIII, IV, V, 701 с., 17 табл., карта.

8. Левин, И. М. Свеклосахарная промышленность в России / И. М. Левин. – СПб.: Тип. Печат. труд, 1910. – 136 с.

9. Мигулин, П. П. Экономический рост русского государства за 300 лет (1613–1912) / П. П. Мигулин. – М.: ГПИИВ, 2012. – 256 с.

10. Министерство финансов 1802–1902: исторический очерк / под ред. Н. К. Бржеского. – СПб.: Тип. Экспедиции заготовления госуд. бумаг, 1902. – Ч. 1. – X, 640 с.

11. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (далее – НГАБ). – Ф. 333. Воп. 1. Спр. 3324–3329, 3331–3334, 3825–3826.

12. НГАБ. – Ф. 2001. Воп. 1. Спр. 724. Арк. 122–123 адв.; Спр. 739. Арк. 88 адв. –89 адв.

13. Объяснительная записка к проекту устава об акцизе с сахарного песка туземного приготовления. – СПб.: Тип. В. Безобразова и К, 1862. – [V], 175 с., 2 л. карт.

14. Романовский, Н. Т. Развитие мануфактурной промышленности в Белоруссии: вторая половина XVIII–первая половина XIX века / Н. Т. Романовский. – Минск: БГУ им. В. И. Ленина, 1966. – 427 с.

15. Сидоренко, Г. Д. Исторический очерк налогов на сахар в России / Г. Д. Сидоренко. – СПб.: Тип. ред. период. изд. М-ва финансов, 1863. – 24 с.

16. Тихонов, Б. В. Развитие свеклосахарной промышленности во второй половине 40-х гг. и в 50-х гг. XIX в. (к истории начала промышленного переворота) / Б. В. Тихонов // Исторические записки. – 1958. – Т. 62. – С. 126–169.

17. Чальцева, Т. А. Особенности организации взимания косвенных налогов в России в середине 50-х годов XIX в. (по материалам «Устава об акцизе с свеклосахарного производства» 1848 г.) / Т. А. Чальцева // Вестн. Ленинград. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. – 2014. – Т. 4, № 3. – С. 109–118.

18. Чальцева, Т. А. Становление и совершенствование системы сахарного акциза в Российской империи в середине XIX – начале XX вв.: на примере Курской губернии: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Т. А. Чальцева; Юго-Зап. гос. ун-т. – Белгород, 2016. – 25 с.

19. Przyrembel, Z. Dzieje cukrownictwa na Litwie / Z. Przyrembel. – Warszawa: Druk Rubieszewskiego i Wrotnowskiego, 1912. – 52 s.

(Дата поступления: 25.08.2020).

ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ В СБОРНИКЕ «ДОЛГИЙ XIX ВЕК» В ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ. ИССЛЕДОВАНИЯ ПО НОВОЙ И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ»

Язык изложения материала публикации – русский или белорусский, текст должен соответствовать критериям научности, правилам грамматики и орфографии.

Объем основной части статьи – от 14 000 до 25 000 печатных знаков, включая пробелы между словами, знаки препинания, цифры и др., текстовый редактор Microsoft Word. *В объем основной части статьи не входят: аннотации, ключевые слова, список использованных источников.*

Шрифт текста статьи – Times New Roman, размер – 14 pt, через 1,5 интервала, все поля – 20 мм.

Статья должна включать следующие элементы:

- обязательно код УДК;
- название статьи на русском и английском языках;
- инициалы и фамилия автора (авторов) статьи на русском и английском языках;
- место работы на русском и английском языках;
- аннотация до 10 строк на русском или белорусском (в зависимости от языка изложения) и английском языках;
- ключевые слова или словосочетания на русском (белорусском) и английском языках (важно: отделяются друг от друга точкой с запятой);
- введение, основную часть, включающую графики и другой иллюстративный материал (при их наличии), заключение. В тексте статьи данные структурные элементы не выделяются;
- список использованных источников, порядковые номера ссылок на источники в тексте приводятся внутри квадратных скобок (например, [1, с. 23; 2, с. 10]);
- дата поступления статьи в редакцию, подпись автора.

Автор дает свое согласие на размещение статьи в электронной библиотеке для включения в РИНЦ. Также автор заключает лицензионный договор с РИВШ на право использования научного произведения в сборнике.

Текст статьи подается на бумажном и (или) электронном носителе в соответствии с представленными требованиями. Электронный вари-

ант подается в формате xxxxxx.doc (название файла – фамилия автора статьи).

Для лиц, осваивающих программы послевузовского образования, обязательна рецензия (рекомендация) научного руководителя и/или кандидата/доктора наук по соответствующей отрасли науки.

Автор несет персональную ответственность за то, что предоставленные материалы публикуются впервые и являются оригинальными. Приветствуется предоставление сертификата о проверке в программе «Антиплагиат».

Статьи, не соответствующие предъявляемым требованиям, с многочисленными орфографическими, грамматическими ошибками могут быть отклонены на любом этапе формирования сборника. Решение о публикации статьи принимается редакционной коллегией. Рукописи, не прошедшие рецензию, не возвращаются и не обсуждаются. Авторы и рецензенты несут полную ответственность за содержание предоставленных в статьях материалов.

Статью подавать лично по адресу: г. Минск, ул. Московская, 15, к. 319, либо на e-mail: LongXIXcnt@mail.ru.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ.....3

Зянюк Р. У. Польская гістарыяграфічная традыцыя вывучэння дзейнасці рымска-каталіцкіх манаскіх ордэнаў у Беларусі (1772–1917).....3

Любая А. А. Дзве запіскі з архіва князёў Друцкіх-Любецкіх у кантэксце барацьбы татараў заходніх губерняў за сваю шляхецкую годнасць у 30-я гады XIX стагоддзя 20

Чикалова И. Р. Первая мировая война: русскоязычные публикации документальных и историографических источников (1914–1941)..... 43

РАЗДЕЛ 2. ИДЕНТИЧНОСТИ И КУЛЬТУРА ЭЛИТ И НАСЕЛЕНИЯ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ..... 55

Дзярновіч А. І. «Магіла волатаў»: рэактуалізацыя нарацый пра штурм замка Пілены ў 1336 годзе і фарміраванне гістарычнага міфа літоўскай нацыі ў XIX стагоддзі 55

Завьялова О. О. «Белорусов мы считаем своими братьями...»: белорусский вопрос в русской общественной мысли второй половины XIX века 77

Олейник В. В. «Кое-что сделавший на поприще литературы»: избранные персоналии военной юстиции Виленского военного округа конца XIX – начала XX века 87

Ушакова Е. С. Белорусская повестка в деятельности профессоров Варшавского университета (конец XIX – начало XX века) 99

Шимукович С. Ф. Региональные проекты в сфере образования на белорусских землях в XIX веке..... 116

РАЗДЕЛ 3. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ ИМПЕРИИ В РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ПЕРИОД «ДОЛГОГО XIX ВЕКА»..... 133

Кейко Ю. В. Законодательная база процесса православного храмового строительства в Беларуси (60-е годы XIX века) 133

Киселёв А. А. Уездная полиция белорусских губерний в 1905 году (на примере Ошмянского уездного полицейского управления)..... 141

<i>Крот М. Н.</i> Виленский генерал-губернатор князь П. Д. Святополк-Мирский и проблема «церковно-приходской русификации» Северо-Западного края Российской империи в начале XX века.....	149
<i>Синковец А. Ю.</i> «Этот царствовать не будет!»: цесаревич Алексей Николаевич в Ставке Верховного главнокомандующего (1915–1916)	163
<i>Шевкун П. В.</i> Православная церковь на территории Беларуси в системе межконфессиональных отношений (конец XVIII – начало XX века).....	177

РАЗДЕЛ 4. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ:

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И КОНФЛИКТЫ..... 199

<i>Бусько С. И.</i> Развлечение аристократов: крокет и теннис на территории Беларуси в начале XX века.....	199
--	-----

<i>Воронич Т. В.</i> «Цемнякі», «брухарэзы» и «наша паліцыя» – правонарушения на страницах газеты «Наша Ніва» (1906–1915).....	209
--	-----

<i>Ерашэвіч А. У.</i> Станаўленне цукровага акцызу на тэрыторыі Беларусі ў канцы 40-х – пачатку 60-х гадоў XIX стагоддзя.....	227
---	-----

Требования к статьям в сборнике «“Долгий XIX век” в истории Беларуси и Восточной Европы. Исследования по Новой и Новейшей истории»	238
---	------------

Научное издание

**«ДОЛГИЙ XIX ВЕК»
В ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ
И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ:
ИССЛЕДОВАНИЯ ПО НОВОЙ
И НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ**

Сборник научных трудов

Выпуск 4

Ответственный за выпуск *С. Ф. Шимукович*

Редактор *Н. В. Боярова*

Компьютерная верстка *К. А. Капустинной*

На обложке: картина «Земля» (1898)

Фердинанда Рущица (1870–1936)

Подписано в печать 15.12.2020. Формат 60×84/16.

Бумага офсетная. Ризография.

Усл. печ. л. 14,1. Уч-изд. л. 15,1. Тираж 100 экз. Заказ 102.

Издатель и полиграфическое исполнение
государственное учреждение образования
«Республиканский институт высшей школы».

Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/174 от 12.02.2014.

Ул. Московская, 15, 220007, г. Минск.